

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
часть 2
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: istfak_vestnik@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспектив, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: istfak_vestnik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Методология истории, источники, историография

<i>Наталья В. Иллерицкая</i> «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации	158
---	-----

<i>Дмитрий К. Макаров</i> Участие Болгарии в Первой мировой войне: болгарская историография вопроса	170
---	-----

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>Вальдемар Шмидт</i> Переселенческая политика Германии в колониях: переселение буров в Восточную Африку	182
---	-----

<i>Дарья В. Саватеева</i> Система базового социального обеспечения в ФРГ (2005–2023 гг.)	198
--	-----

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

<i>Галина Г. Ершова, Анна А. Кулешова</i> Динамика адаптации общества в условиях глобального дистресса: анализ ситуации с февраля 2022 г. по февраль 2023 г.	209
---	-----

<i>Александр С. Сенин</i> Развитие путей сообщения Северного Причерноморья в начале XX в.	235
--	-----

<i>Татьяна Г. Архипова, Александр С. Сенин</i> Государственное устройство современной России в контексте истории ее государственности	254
---	-----

<i>Антон С. Саенко</i> Нацистские преступления против советского населения на территории оккупированного Донбасса, 1941–1943 гг.	271
---	-----

<i>Дмитрий А. Елошин</i> Принудительный труд узников финских концентрационных лагерей	282
---	-----

Книжная полка

- Татьяна Г. Архипова*
Современный подход к изучению национальной политики России 293
- Наталья В. Иллерицкая*
Мифы и ритуалы романтического периода советской истории:
о монографии Е.В. Барышевой «“В веселом грохоте,
в огнях и звонах”: советский праздник в социальном
конструировании нового общества» 303

CONTENTS

Methodology of History, Sources, Historiography

- Natalia V. Illeritskaya*
“Imperial turn” in the study of Russian history. Modern interpretations 158
- Dmitriy K. Makarov*
Bulgaria in World War I. Bulgaria’s national historiograph 170

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

---

- Waldemar Schmidt*
The resettlement policy of Germany in the colonies.
The resettlement of the Boers to East Africa 182
- Daria V. Savateyeva*
Basic social security system in Germany (2005–2023) 198

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- Galina G. Ershova, Anna A. Kuleshova*
Dynamics of adaptation of society in conditions of global distress.
Analysis of the situation from February 2022 – February 2023 209
- Alexandr S. Senin*
Development of communications of the Northern Black Sea region
at the beginning of the 20th century 235
- Tatiana G. Arkhipova, Alexandr S. Senin*
State structure of modern Russia in the context
of the history of its statehood 254
- Anton S. Saenko*
Nazi crimes against the Soviet population on the territory
of the occupied Donbass, 1941–1943 271
- Dmitrii A. Eloschin*
Forced labor of Finnish concentration camp prisoners 282

Bookshelf

- Tatiana G. Arkhipova*
A modern approach to the study of Russian national policy 293
- Natalia V. Illeritskaya*
Myths and rituals of the romantic period of Soviet history.
About the monograph by E.V. Barysheva “ ‘In a cheerful roar,
in lights and ringing’. The Soviet holiday in the social construction
of a new society” 303

Методология истории, источники, историография

УДК 930(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-158-169

«Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail*

Аннотация. В статье проводится анализ нового направления современной историографии, получившего название «имперский поворот». В результате «имперских исследований» конструируется целостный образ Российской империи на всем протяжении ее исторического существования, которое охватывает по современным интерпретациям период со второй половины XV в. до 1917 г. В поле зрения исследователей попадают не только традиционные для имперских исследований России западные окраины, регион Поволжья, Кавказ и Средняя Азия, но и русско-китайское пограничье и Русская Америка. В современной историографии имперской России рассматриваются и анализируются такие дискуссионные проблемы, как «Россия и Запад», «Россия и Восток», степень уникальности российского империализма, концепция «внутренней колонизации», роль поднимающегося национализма в распаде империй в ходе Первой мировой войны. Русская революция в «имперском» контексте позиционируется как один из итогов Великой войны: революция 1917 г. в России стала лишь звеном мирового кризиса XX в. В итоге в современной историографии «преддверие революции» все меньше интересует историков. Их внимание сконцентрировано на предшествующих столетиях и на советском периоде. О кризисе Российской империи не спорят, не ставят его под сомнение, не ищут альтернатив или ответственных за него. Наличие кризиса просто констатируют, считая, что падение монархии избежать было нельзя, и эту данность следует историзировать.

Имперскую сущность России защищает теория неоевразийства. В представлении неоевразийцев в империи соединяются все евразийские ценности: преодоление этнического национализма, осознание России особой цивилизацией, создание прочной идеологии – государство растворяется в континенте, в империи реализуется «широтная» конфигурация России. Евразийство показывает, до какой степени тема Востока является

© Иллерицкая Н.В., 2023

основополагающей для русского сознания XIX–XX вв., насколько тесно эта тема связана с классическими философскими постулатами российской истории идей. Разговор о Востоке – это разговор о России, способ размышления об идентичности России, ее месте и природе. Евразийство демонстрирует потребность в обобщающих идеях, в объяснении специфики русского мира, охватившего два континента, в легитимации империи. Именно евразийство представляет русскую интеллектуальную традицию, которая всегда старалась представить Россию особым миром.

Ключевые слова: «имперский поворот», Российская империя, русская революция 1917 г., евразийство, неоевразийство

Для цитирования: Иллеритская Н.В. «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации // Вестник РГТУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 158–169. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-158-169

“Imperial turn” in the study of Russian history. Modern interpretations

Natalia V. Illeritskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Abstract. The article analyzes a new direction in modern historiography, called the “imperial turn”. As a result of “imperial research”, an integral image of the Russian Empire is constructed throughout its historical existence, which, according to modern interpretations, covers the period from the second half of the 15th century until 1917. Researchers focus not only on the western outskirts, the Volga region, the Caucasus and Central Asia, traditional for imperial studies of Russia, but also on the Russian-Chinese borderlands and Russian America. The modern historiography of imperial Russia considers and analyzes such controversial issues as “Russia and the West”, “Russia and the East”, the degree of uniqueness of Russian imperialism, the concept of “internal colonization”, the role of rising nationalism in the collapse of empires during the First World War. The Russian Revolution in the “imperial” context is positioned as one of the results of the Great War: the revolution of 1917 in Russia became only a link in the global crisis of the twentieth century. As a result, in modern historiography “the threshold of the revolution” is of less and less interest to historians. Their attention is focused on previous centuries and on the Soviet era. They do not argue about the crisis of the Russian Empire, do not question it, do not look for alternatives or those responsible for it. The presence of a crisis is simply stated, believing that the fall of the monarchy could not be avoided, and this reality should be historicized.

The imperial nature essence of Russia is defended by the theory of neo-Eurasianism. The neo-Eurasians' idea of empire combines all Eurasian values: overcoming ethnic nationalism, recognizing Russia as a special civilization, creating a strong ideology: the state dissolves in the continent, Russia's "latitudinal" orientation is realized in the empire. Eurasianism shows to what extent the theme of the East is fundamental for the Russian consciousness of the 19th – 20th centuries, how closely the theme is connected with the classical philosophical postulates of the Russian history of ideas. A conversation about the East is a conversation about Russia, a way of thinking about the identity of Russia, its place and nature. Eurasianism demonstrates the need for generalizing ideas, to explain the specifics of the Russian world, which spanned two continents, and to legitimize the empire. It is Eurasianism that represents the Russian intellectual tradition, which has always tried to present Russia as a special world.

Keywords: "imperial turn", Russian Empire, Russian Revolution of 1917, Eurasianism, neo-Eurasianism

For citation: Illeritskaya, N.V. (2023), " 'Imperial turn' in the study of Russian history. Modern interpretations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 2, pp. 158–169, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-158-169

Введение. Интеллектуальный контекст конструирования «имперского поворота» в истории

В XX в. после Второй мировой войны, в условиях нарастания «холодной войны» центральное место в исторических исследованиях занимала «проблема 1917 г.».

Во второй половине XX в. в историографии господствовало представление о глубоком всеобъемлющем кризисе, который неумолимо должен был закончиться крахом царской России. Поэтому наиболее востребованным было изучение всех аспектов этого кризиса: социально-экономического, политического, административного. Все они объединялись в общую картину «кризиса самодержавия», который завершился в 1917 г.

В историографии того времени русская революция 1917 г. трактовалась как цивилизационный разрыв. Поэтому ключевыми для исторического анализа стали проблемы «преддверия революции» 1917 г. В связи с такой постановкой вопроса историки в своих изысканиях отступали все дальше в прошлое для того, чтобы обнаружить факторы, готовившие и неизбежно приведшие к революции.

В рамках интеллектуальной истории исследователи стали придавать решающее значение идеологии, считая, что к трагической развязке 1917 г. подталкивал неумный радикализм интеллигенции [Большакова 2019б, с. 159]. Однако интеллектуальная история в такой интерпретации довольно быстро утратила свои позиции, уступив место широкому изучению революционно-освободительного движения: в революционерах тогда видели важнейший политический фактор падения режима и главное проявление кризиса [Большакова 2019б, с. 160].

При выявлении причин революции долгое время основное внимание уделялось политической истории и понятие «кризис» доминировало в исторических исследованиях, посвященных деятельности Государственной думы [Большакова 2021, с. 160].

В 1960–1970-х гг. представление о системном кризисе в царской России в исторической науке оформлялось под влиянием социологии, где общество воспринималось как система, развивающаяся закономерно и прогностически. В связи с этим в практике историописания господствующее положение заняла социальная история, проблематика которой сосредоточилась на исследовании общественных групп, народных масс, классов, социальных конфликтов и их причин. Россия ставилась таким образом в один ряд с европейскими державами, а революция признавалась неизбежным результатом «запоздалой» модернизации, характерной для стран «догоняющего» развития.

В этот же период была выработана модель российской модернизации, главной особенностью которой объявлялась руководящая роль государства. Модернизационная теория стала основным аналитическим инструментом при изучении истории России и СССР. В модернизационном подходе в первую очередь изучалась экономика. Однако модернизация в России проводилась «сверху», главным ее действующим лицом признавалась просвещенная бюрократия, поэтому большое внимание исследователи уделили анализу деятельности правительственного аппарата империи. Ставился вопрос и о «параличе власти», однако в этом контексте с бюрократии снималась прямая ответственность за революцию, и даже отмечалось, что временами государственная машина успешно справлялась с кризисом [Володин 2003, с. 8–29; Большакова 2019б, с. 160–164].

Одной из важных причин революции в историографии представлялась раздробленность российского общества. Крестьяноведение опиралось на концепцию А.В. Чаянова об особом «моральном» характере крестьянского мира, что якобы позволяло понять устройство общины и социальные практики русской деревни.

Та же модель дезинтеграции переносилась и на российскую буржуазию, которая позиционировалась как слабая, разобщенная, не способная отстаивать свои интересы. Нарастающая социальная дифференциация, как считали исследователи, неминуемо влекла страну к революции [Большакова 2019б, с. 164].

Тем не менее в конце 1980-х гг. стали активно пробивать себе дорогу работы по истории повседневности, которые начали вытеснять труды по «революционной» проблематике. Эти работы актуализировали новый конкретно-исторический материал, смысл которого был направлен на то, чтобы сглаживать антагонизмы в истории. Произошел переход к социокультурной истории. В этом подходе стал меняться и образ российской истории, поскольку внимание историков переключилось с государства на обыденную жизнь людей [Большакова 2019б, с. 165].

После окончания холодной войны прежние концепции истории России были объявлены недостоверными и нуждающимися в пересмотре. «Проблема 1917 г.» быстро потеряла свою актуальность, а понятие «кризис самодержавия» было поставлено под сомнение. Теперь, после смены историографических моделей, стали рассуждать не о национальном, а о мировом кризисе, который привел к мировой войне и череде гражданских войн и революций. Само понятие кризиса наполнилось новым содержанием. Начинался новый этап в исследованиях российской истории.

«Имперский поворот» в российских исследованиях

О новых тенденциях в историописании в последнее время принято говорить в терминологии «поворотов», смысл которых заключается в заимствованиях историками методов смежных гуманитарных и общественных наук. В результате этого методологического транзита у историков появляются новые тематические поля, такие как изучение пространства или увлечение исследованием империй. Таким образом, конструируются новые интеллектуальные повороты – имперский и пространственный [Долбилов, Сталонас, с. 359].

Распад Советского Союза был воспринят как «падение империи», что тогда считалось исторически неизбежным. Основываясь на стадильном представлении об историческом процессе, утверждалось, что многонациональные империи являются «архаической» формой государства и должны быть сменены современным национальным государством. Смысл исторической эволюции с подачи либеральной идеологии и идеи прогресса состоял в движении к

демократиям западного типа, а национальное государство рассматривалось как один из ее главных атрибутов. Но к началу XXI в. это основополагающее для либеральной идеологии положение было подвергнуто сомнению, как и сама идеология, которую стали трактовать как западный проект эпохи Нового времени [Большакова 2019а, с. 150].

Одним из влиятельных направлений в современной историографии является изучение российской истории как бытования многонациональной империи в методологии «имперских исследований». Это направление возникло вскоре после распада СССР, который привлек внимание исследователей к проблеме империй как одной из исторических форм существования государства, и с тех пор неуклонно развивается как в России, так и за рубежом, так как распад СССР актуализировал взгляд на Россию как на многонациональную империю.

Империи и национальные государства ранее позиционировались как антитезы. Считалось, что по мере оформления национального самосознания на периферии любая империя должна неизбежно рухнуть, как Российская империя в 1917 г., как СССР. Однако практики конкретно-исторических исследований, накопленный материал поставил под сомнение достоверность сконструированных идеальных типов. Исторический опыт свидетельствует, что дихотомия «нация/империя» адекватно работает на материале европейских государств или морских империй. На материале континентальных империй и тем более России эта модель практически неинформативна [Большакова 2019а, с. 151].

«Имперский поворот» в мировой историографии оформился на рубеже 1980–1990-х гг. в связи со все возрастающим интересом к проблемам национализма и развитием постколониальных исследований. Этот «поворот» обычно интерпретируют как отход от изучения национального государства и обращения к модели империи, выделяя «новую имперскую историю». «Старая» история империи занимается изучением экономики, политики и военной экспансии, а «новая» интересуется культурой. Основным аналитическим инструментом этих исследований является «имперская парадигма», подразумевающая «особый» характер империй и неприменимость к ним мерок национального государства.

Имперская парадигма актуализирует модель империи как государственного образования, которое характеризуется сильной властью правителя, обширностью территории и разнообразием подвластных земель и народов. При этом, с одной стороны, подчеркивается вертикальный характер власти в империи, где центр безусловно доминирует над периферией, с другой – признается

толерантность имперского государства, управляющего разными народами и территориями на разных условиях. «Разнообразие» является ключевым словом в описании империи, создающейся путем завоевания и сохраняющей на присоединенных территориях присущие им формы управления и социальной организации образа жизни [Имперский поворот 2019, с. 5–6].

«Имперский поворот» обусловил плодотворный подход к рассмотрению истории России. В 1990-е гг. термин «империя» прочно вошел в научный обиход современной историографии, что означало, что теперь невозможно смотреть на историю России без признания ее многонационального и поликонфессионального характера. Исследователи успешно преодолели «разрыв 1917 г.» и теперь размышляют о преемственности между царской и советской Россией, находя ее в культуре, науке и социальных процессах, на которые смена режима не оказала прямого воздействия. Историков интересуют последствия революции, которая только началась в октябре 1917 г. Теория модернизации уже не устраивает исследователей потому, что они больше не принимают ее европоцентризм и стадийное понимание истории [Имперский поворот 2019, с. 6].

Имперская парадигма внесла существенные коррективы в конструирование актуальной проблематики исследований: «руссоцентристский» взгляд на Россию сменился «имперским», что означает смещение внимания с центра на периферию – к окраинам обширной империи, к проблемам национальной идентичности, к особенностям государственного строительства в «имперской ситуации». Главным в поле зрения исследователей оказывается «прекрасное прошлое» империи, прежде всего факторы стабильности, позволяющие ей успешно на протяжении веков управлять своими многочисленными народами. Все это анализируется в методологии культурной истории, ориентированной на изучение образов и репрезентаций. В то же время большую роль в этих исследованиях играет геополитический подход, позволяющий поместить историю Российской империи в общий контекст и вытеснить парадигму «догоняющего развития» [Имперский поворот 2019, с. 7–8].

В ходе «культурного поворота» в центре внимания историографии оказалась роль простого народа как потребителя и производителя массовой культуры и носителя общественного сознания. Постепенно вытесняется и столь привычный, но устаревший «конфронтационный подход». На смену жесткого дискурса модерна с идеями прогресса и линейного развития приходит способ мышления с множественностью альтернатив и причинных связей. Таким образом, и в предметном, и в методологическом плане конструировалась уже «другая история».

В результате оформляется вполне целостный образ Империи на всем протяжении ее исторического существования, которое охватывает по современным интерпретациям период со второй половины XV в. до 1917 г. Исследовательский кругозор теперь охватывает не только традиционные для имперских исследований России западные окраины, регион Поволжья, Кавказ и Среднюю Азию, но и русско-китайское пограничье и Русскую Америку. Поэтому в современной историографии имперской России рассматриваются и анализируются такие дискуссионные проблемы, как «Россия и Запад», «Россия и Восток», степень уникальности российского империализма, концепция «внутренней колонизации», роль поднимающегося национализма в распаде империй в ходе Первой мировой войны. Значение Первой мировой войны в этом процессе уже не оспаривается, речь идет о разном понимании соотношения империи и национального государства, что предопределяет презентистское видение будущего [Имперский поворот 2019, с. 15].

Новое понимание Первой мировой войны заставило по-новому оценивать и Русскую революцию, которая в «имперском» контексте позиционируется как один из итогов Великой войны: революция 1917 г. в России стала лишь звеном мирового кризиса XX в. Сначала локальные войны и революции, затем мировой военный конфликт, опять революции, гражданские войны, распад четырех континентальных империй и образование новых государств – все это привело к кардинальным изменениям всего мироустройства.

В итоге в современной историографии «преддверие революции» все меньше интересует историков. Их внимание сконцентрировано на предшествующих столетиях и на советском периоде, особенно на 60–70-х гг. XX в. Складывается мнение, что падение монархии надо принять как данность и историзировать все время существования Российской империи.

Евразийский контекст бытования имперской парадигмы истории России

Как результат произошедших дискуссий и новаций в политическое и интеллектуальное пространство современной России возвращается евразийская идеология. Евразийство заслуживает того, чтобы его знали и понимали лучше. Как бы к нему ни относились историки, но на данный момент неоевразийство представляет единственную постсоветскую обоснованную теорию, направленную на идентификацию России.

Зародившись в среде русской эмиграции между двумя мировыми войнами XX в., евразийство настаивает на существовании между Западом и Востоком третьего континента – евразийского, воплощением которого является Россия – страна-континент. Имеется в виду единство культур, рожденных на этой территории встречи русского, туранского и даже китайского миров. Евразийство узаконивает Российскую империю, ее континентальное измерение, и придает ей особую идентичность перед лицом Европы, вырабатывает особую политическую идеологию и национальную научную практику. Евразийство утверждает, что именно оно и только оно выражает русский дух, его метафизическую и сциентистскую природу так, как она раскрывается в отношении к Востоку-Азии.

На сегодняшний день неоевразийство является наиболее оригинальной теорией в современной России, взятой на вооружение консервативными течениями в 90-е гг. XX в., но оно имеет скорее интеллектуальную, чем политическую, конфигурацию. Евразийство пытается защитить понятие «империя», доказать, что империя не является ни национализмом, ни империализмом, а представляет особую форму государственности, содержащую в себе ценности, а не культ нации. Поэтому империя способна реализовать национальное многообразие Евразии [Ларюэль 2000, с. 5–7].

Все течения евразийства объединяются желанием видеть мир разделенным на «цивилизации» или «культурные ареалы». При этом культура понимается как закрытый мир, непроницаемый для внешнего влияния и подчиняющийся лишь собственной логике. История для евразийства циклична, цивилизации рождаются, умирают и сменяют друг друга. Поэтому можно в одну линию выстроить историософские системы Данилевского, Шпенглера и Тойнби с культурологическим анализом Броделя и Вебера: это все наука о «цивилизации» [Ларюэль 2000, с. 11; Панарин 1998, с. 2–27].

Классические евразийцы низко ценили политику и высоко – идеологические построения. Современные неоевразийцы делают основной акцент на политологическом аспекте. Они не стали развивать рассуждения ранних евразийцев о географии России, о ее пространстве как месторазвитии – рассуждения, ставшие ранее главным обоснованием евразийской целостности и самобытности.

Евразийцы считают, что традиционный национализм исчерпал себя, но они не терпят и претензий Европы, поэтому выход видят в культурных ареалах. Заимствуя идеи у Данилевского и Шпенглера, неоевразийцы возвращаются к представлениям раннего евразийства о возможном слиянии некоторых ареалов в единую

целостность. Так, гарантией целостности Евразии является синтез русского и восточного миров. Таким образом, из всех постсоветских интеллектуалов именно неоевразийцы сделали свой вклад в длительную дискуссию о способности или неспособности цивилизаций усваивать новые идеи.

У неоевразийцев сложные отношения с историческим временем. Линейное время они отвергают ввиду его европоцентричной природы, а что-то принципиально новое предложить не могут. Поэтому остается только подхватить идею ранних евразийцев о цикличности истории и о замене временного критерия пространственным. Тогда получается, что Евразия вследствие ее уникального континентального положения проявляет свою идентичность в пространстве, а не во времени, и развитие ее идет по горизонтали, а не по вертикали [Панарин 1995б, с. 66–79].

Геополитика не стала главным элементом легитимации неоевразийства. Поэтому неоевразийство – это скорее современная философия истории. Оправданием империи служат не географические аргументы ранних евразийцев, а принципы философии политики. Для евразийской империи первостепенно важна «цивилизационная» демократия, в которой заинтересованы этнокультурные общности, расположенные в ее пространстве. Демократию в таком контексте, по мнению неоевразийцев, можно определить как социокультурную систему национального плюрализма [Панарин 1995а].

Таким образом, неоевразийцы защищают имперскую сущность России, которая не угнетала подпавшие под ее контроль народы, а сохраняла их идентичность. В представлении неоевразийцев об империи в ней соединяются все евразийские ценности: преодоление этнического национализма, осознание России особой цивилизацией, создание прочной идеологии – государство растворяется в континенте, в империи реализуется «широтное» бытование России [Ларюэль 2000, с. 11–13].

Заключение

В итоге в современной историографии внимание историков сконцентрировалось на времени существования империи. Историки рефлексируют по поводу кризиса Российской империи и стремятся подвергнуть его углубленному конкретно-историческому анализу. Такой подход способствует накоплению нового фактического материала и обогащает представления о переломной эпохе в нашей истории.

Евразийство показывает, до какой степени тема Востока является основополагающей для русского сознания XIX–XX вв., насколько тесно эта тема связана с классическими философскими постулатами российской истории идей, такими как органичность, духовность, антииндивидуализм, империя. Разговор о Востоке – это разговор о России, способ размышления об идентичности России, ее месте и природе. Евразийство демонстрирует потребность в обобщающих идеях, в объяснении специфики русского мира, охватившего два континента, в легитимации империи. Именно евразийство представляет русскую интеллектуальную традицию, которая всегда, в чем бы она ни выражалась – в научных исследованиях или в политическом конструировании, – старалась представить Россию особым миром.

Литература

- Большакова 2019а – *Большакова О.В.* Конец Российской империи: современные интерпретации (обзор) // Имперский поворот в изучении истории России: современная историография: Сб. обзоров и рефератов / Ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 150–172. (Серия «История России»)
- Большакова 2019б – *Большакова О.В.* Кризис Российской империи 1890–1914 гг. в зарубежной историографии // Российская история. 2019. № 2. С. 158–171.
- Большакова 2021 – *Большакова О.В.* Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения // Российская история. 2021. № 4. С. 163–177.
- Володин 2003 – *Володин А.Г.* Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. 2003. № 2. С. 8–29.
- Долбилов, Сталюнас 2006 – *Долбилов М., Сталюнас Д.* Слова, люди и имперские контексты: дискуссия продолжается // Ab Imperio. 2006. № 1. С. 359–365.
- Имперский поворот 2019 – Имперский поворот в изучении истории России: современная историография: Сб. обзоров и рефератов / Ред. О.В. Большакова. М.: ИНИОН РАН, 2019. 179 с. (Серия «История России»)
- Ларюэль 2000 – *Ларюэль М.* Переосмысление империи в постсоветском пространстве: новая евразийская идеология // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 5–18.
- Панарин 1995а – *Панарин А.С.* Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством) / Рос. АН, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1995. 261 с.
- Панарин 1995б – *Панарин А.С.* Евразийский проект в миросистемном проекте // Восток. 1995. № 2. С. 66–79.
- Панарин 1998 – *Панарин А.С.* Пределы фаустовской культуры и пути российской цивилизации // Наука о культуре: итоги и перспективы. 1998. Вып. 4. М., 1998. С. 2–27.

References

- Bolshakova, O.V. (2019a), "The end of the Russian Empire. Modern interpretations (review)", in Bolshakova, O.V., ed., *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: sovremennaya istoriografiya: Sbornik obzorov i referatov* [Imperial turn in the study of Russian history. Modern historiography. Collection of reviews and abstracts], INION RAN, Moscow, Russia, pp. 150–172. (*Seriya "Istoriya Rossii"*)
- Bolshakova, O.V. (2019b), "Crisis of the Russian Empire 1890–1914. in foreign historiography", *Rossiiskaya istoriya*, no. 2, pp. 158–171.
- Bolshakova, O.V. (2021), "Russia as a multinational empire. Results and prospects of study", *Rossiiskaya istoriya*, no. 4, pp. 163–177.
- Bolshakova, O.V., ed., (2019), *Imperskii povorot v izuchenii istorii Rossii: sovremennaya istoriografiya: Sbornik obzorov i referatov* [Imperial turn in the study of Russian history. Modern historiography. Collection of reviews and abstracts], INION RAN, Moscow, Russia, 179 p. (*Seriya "Istoriya Rossii"*)
- Dolbilov, M. and Stalyunas, D. (2006), "Words, people and imperial contexts. The discussion continues", *Ab Imperio*, no. 1, pp. 359–365.
- Laruelle, M. (2000), "Rethinking empire in the post-Soviet space. New Eurasian ideology", *Acta Eurasica*, no. 1, pp. 5–18.
- Panarin, A.S. (1995), *Rossiya v tsivilizatsionnom protsesse: (mezhdru atlantizmom i evraziiztvom)* [Russia in the civilizational process (between Atlanticism and Eurasianism)], IFRAN, Moscow, Russia.
- Panarin, A.S. (1995), "The Eurasian project in the world-system project", *Oriens*, no. 2, pp. 66–79.
- Panarin, A.S. (1998), "The limits of Faustian culture and the path of Russian civilization", in *Nauka o kul'ture: itogi i perspektivy* [The science of culture. Results and prospects], iss. 4, Moscow, Russia, pp. 2–27.
- Volodin, A.G. (2003), "Contemporary theories of modernization. Crisis of the paradigm", *Political science (RU)*, no. 2, pp. 8–29.

Информация об авторе

Наталья В. Иллеритская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-1336-8685

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natalia.v.illeritskaya@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-1336-8685

УДК 930(497.2)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-170-181

Участие Болгарии в Первой мировой войне: болгарская историография вопроса

Дмитрий К. Макаров

*Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия, dmkarov3107@gmail.com*

Аннотация. Спустя более ста лет после окончания Первой мировой войны она все еще не является популярной темой в болгарской историографии, несмотря на серьезное влияние данного конфликта на политическое, социально-экономическое и идеологическое развитие Болгарии. В статье автор анализирует влияние внутри- и внешнеполитического контекстов на изучение Первой мировой войны в Болгарии и выделяет три этапа развития болгарской историографии. В межвоенный период (1919–1939) историография была нацелена на изучение боевых действий болгарской армии и выявление причастных к поражению Болгарии в Первой мировой войне. При коммунистическом режиме (1944–1989) написание истории было поставлено под контроль государства. Важнейшими достижениями данного этапа стали отделение интересов народа от интересов болгарской элиты, изучение жизни рабочего класса в Болгарии и антивоенных выступлений. В современной болгарской историографии (1989–2022) произошло расширение круга исследовательских тем. Однако из-за господства в историографии национального дискурса участие Болгарии в Первой мировой войне до сих пор остается маргинальной темой.

Ключевые слова: Первая мировая война, Болгария, болгарская историография, Балканские войны, Центральные державы, Антанта

Для цитирования: Макаров Д.К. Участие Болгарии в Первой мировой войне: болгарская историография вопроса // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 170–181. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-170-181

Bulgaria in World War I. Bulgaria's national historiograph

Dmitrii K. Makarov

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
dmakarov3107@gmail.com*

Abstract. Over a hundred years after the end of the First World War, it is still not a popular topic in Bulgarian historiography, despite the serious impact of that conflict on the political, socio-economic, and ideological development of Bulgaria. In the article, the author analyzes how the foreign policy context influenced the study of the First World War in Bulgaria. Three stages in the development of Bulgarian historiography were singled out. In the interwar period (1919–1939), the focus was on studying the fighting of the Bulgarian army and identifying those involved in the defeat of Bulgaria in the First World War. Under the communist regime (1944–1989), the writing of history was put under the control of the state. The most important achievements of the stage were the separation of the interests of the Bulgarian elite from the interests of the people, the study of the life of the working class in Bulgaria and anti-war protests. In modern Bulgarian historiography (1989–2022) there has been an expansion of the range of research topics. However, Bulgaria's participation in the First World War is still a marginal topic due to the dominance of national discourse.

Keywords: World War I, Bulgaria, Bulgarian historiography, Balkan wars, the Central Powers, the Entente

For citation: Makarov, D.K. (2023), "Bulgaria in World War I. Bulgaria's national historiograph", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 2, pp. 170–181, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-170-181

Введение

Для Болгарии вступление в Первую мировую войну стало продолжением военных действий, начатых в годы Балканских войн. Участие в этих трех конфликтах было мотивировано идеями ирредентизма, стремлением к расширению территории страны с целью включить в состав государства земли, населенные болгарами, и воссоздать Великую Болгарию.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война дала Болгарии надежду на реванш за проигранную Вторую Балканскую войну и возможность достичь за счет вступления в войну на побеждающей

стороне воплощения ирредентистских целей. Эти ожидания по большей части могли быть достигнуты в союзе с Центральными державами, которые пообещали Болгарии вернуть все утраченные по итогам Второй Балканской войны территории. При посредничестве Германии Болгарии удалось урегулировать отношения со своим многовековым угнетателем – Османской империей.

Осенью 1918 г. Болгария вышла из Первой мировой войны в состоянии глубокого кризиса и дезорганизации. Начался поиск виновных, который привел к судебным процессам и приговорам, а также к конфликту между старой и новой политической и военной элитами и попыткам участников мирового конфликта защитить себя посредством написания мемуаров и статей в прессе [Dimitrova 2002, р. 23]. Пиком потрясений стало свержение правительства Александра Стамболийского в 1923 г. и объявление амнистии многим политическим заключенным в 1924 г.

Цель статьи – определить вклад болгарской историографии в изучение участия Болгарии в Первой мировой войне, выявить влияние внутри- и внешнеполитического контекстов на характер и специфику исследования Первой мировой войны в болгарской историографии. В статье проанализированы труды историков, оказавших наибольшее влияние на развитие болгарской историографии, отмечены достоинства и недостатки трех периодов историописания, выявлены лакуны, которые до сих пор существуют в болгарской историографии.

Историография межвоенного периода (1919–1939)

Глубокий политический кризис, ущемление интересов Болгарии и территориальные потери по Нейскому договору 1919 г. не способствовали созданию благоприятных условий для научного исследования и неангажированного изложения и анализа событий, связанных с участием Болгарии в Первой мировой войне. В результате вплоть до 1945 г. исторические труды в основном затрагивали проблемы, связанные с военной составляющей участия Болгарии в Первой мировой войне.

Многочисленные монографии и статьи преимущественно рассматривали историю боевых действий болгарской армии на фронтах Великой войны. Чаще всего их авторами были солдаты и офицеры, которые либо принимали непосредственное участие в боевых действиях, либо находились в тылу. Большинство этих трудов были опубликованы в журналах «Военно-исторический

сборник», «Военный журнал» и «Наша кавалерия»¹. Самым значительным исследованием, в котором главным образом обсуждалось участие Болгарии в боевых действиях, был девяти томный «Болгарская армия в мировой войне 1915–1918», выпускавшийся с 1936 по 1946 г. В этой книге основной акцент делался на доблести и героизме солдат и офицеров болгарской армии в Великой войне [Bălgarskata armiiа v Svetovnata voina 1936–1946].

Научные труды создавались в рамках доминирующего научного дискурса и давали читателю представление о роли Болгарии в Первой мировой войне как об оправданной различными политическими мотивами патриотической борьбе и были наполнены сожалением о проигранной войне. По мнению большинства авторов, поражение Болгарии не было закономерным: к концу войны она все еще обладала надежными союзниками, военной и экономической мощью [Schulz 2014, pp. 44–45]. На страницах мемуаров возвеличивались мужество и героизм болгарских солдат и офицеров, выполнявших долг перед родиной, но в то же время порицались некомпетентность и недальновидность политической элиты и части генералов, которые и объявлялись виновниками поражения Болгарии в мировом конфликте [Dimitrova 2002, p. 23].

Особенностью развития болгарской историографии до окончания Второй мировой войны является то, что ни одно исследование практически не затрагивало иных, помимо военного, вопросов участия Болгарии в мировом конфликте. Авторы не пытались понять, почему Болгария сражалась на стороне Центральных держав в союзе со своим многовековым угнетателем – Османской империей – против России, которая освободила Болгарию от многовекового турецкого ига в 1878 г. На наш взгляд, такое «молчание» историков можно объяснить социально-политическим контекстом: болгарское общество не оправилось от проигранной войны. Большинство историков, писавших о войне, хотели подчеркнуть героические страницы недавнего прошлого и найти виновников поражения и унижения Болгарии. Именно поэтому документы о вступлении Болгарии в войну, которые были опубликованы в 1921 г., не были использованы болгарскими исследователями². Ими были также

---

¹ *Minkov S.M.* Historiography 1918 – Today: Bulgaria (Southeast Europe) // Encyclopedia: 1914–1918. Online.net. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/historiography_1918-today_bulgaria_south_east_europe (дата обращения 15 февраля 2023).

² *Diplomaticheski dokumenti po namesata na Bălgariya v Evropeiskata voina*. Т. 1–2. Sofia: Ministerstvo na vānshnite raboti i na izpovedaniyata, 1920–1921.

проигнорированы мемуары бывшего премьер-министра Василя Радославова, содержащие уникальную информацию о внешней и внутренней политике Болгарии³.

Желание реванша за унижение в годы Первой мировой войны способствовало участию Болгарии на стороне стран Оси во Второй мировой войне. И, хотя Болгария практически не участвовала в боях против СССР (за исключением нескольких столкновений на море), она помогала Германии в борьбе с югославскими партизанами. Осенью 1944 г. Болгария смогла сменить сторону в войне и благодаря дипломатической поддержке СССР даже не потеряла приобретенную по результатам Крайовского мирного договора 1940 г. Южную Добруджу⁴.

Историография при коммунистическом режиме (1944–1989)

Несмотря на то что в 1944 г. к власти в Болгарии пришли коммунисты, национальный нарратив никуда не исчез из болгарской историографии. Это было обусловлено желанием коммунистов завоевать популярность у народа Болгарии, который был воспитан на национальных идеях. Коммунистические лидеры стремились к укреплению и сохранению своей власти, позиционировали себя как подлинные защитники интересов болгар.

Приход в Болгарии к власти коммунистов поставил под контроль написание истории. Теперь историки должны были руководствоваться марксистско-ленинской парадигмой, уделять основное внимание жизни рабочего класса в Болгарии и борьбе болгар с нацистским режимом. Идеология способствовала тому, что участие Болгарии в Первой мировой – «империалистической» – войне стало маргинальной темой в болгарской историографии. Другой важной причиной этого стало то, что в Первой мировой войне Болгария сражалась против своего исторического союзника – России, которая способствовала освобождению страны от нацистов. В работах, созданных в рамках марксистской традиции, повествование о Первой мировой войне чаще всего было посвящено болгарскому антивоенному движению и деятельности

---

³Радославов В. България и световната криза. София, 1923. 220 с.

⁴Крайовски договор от 7 септември 1940 г. URL: <http://www.kroraina.com/bugarash/bugarash/dobrudja/krajovskidogovor.html> (дата обращения 1 марта 2023).

социалистической партии «Нарров». Некоторые темы было прямо запрещено исследовать [Иванов Ст. 2002, с. 45]. Они касались условий заключения и значения для Болгарии Брестского и Бухарестского мирных договоров.

Официальная версия того, что произошло с Болгарией в годы Первой мировой войны, была изложена в коллективной монографии «История Болгарии» [История на България 1954–1955, т. 1; История на България 1954–1955, т. 2]. Важнейшим достижением этой монографии является отделение интересов болгарского народа от интересов элиты. Однако элита, по мнению авторов, практически монолитно поддерживала войну против Сербии. Авторы издания утверждали, что в понимании элиты единственной возможностью для Болгарии взять реванш за поражение во Второй Балканской войне был союз с Германией и Австро-Венгрией, которые могли способствовать возврату утраченных Болгарией территорий. Нейтралитет Болгарии, объявленный в начале войны, был необходим стране для того, чтобы восстановиться после Балканских войн и подготовиться к предстоящей войне. В издании указывалось, что элита Болгарии хотела при помощи Центральных держав восстановить гегемонию на Балканском полуострове. В начале войны оппозиционные партии пытались выторговать у Антанты территории части Македонии и Фракии, но после вступления Болгарии в войну поддержали правительство Радослава. Первые победы Болгарии способствовали консолидации элит, оппозиционные партии не критиковали внешнюю политику Болгарии и проводили мягкую критику ее внутренней политики. Отмечалось, что мотивы болгарской буржуазии объяснялись исключительно реваншистскими настроениями и зависимостью Болгарии от австро-немецкого капитала [История на България 1954–1955, т. 1, с. 584–590]. Примечательно, что в переизданном труде по истории Болгарии авторы, руководствуясь идеями Маркса, акцентировали внимание на классовых и экономических интересах буржуазии. Отмечалось, что болгарская буржуазия скрывала от народа свои истинные эгоистические интересы, стремление расширить внутренний рынок в поисках прибыли под маской борьбы за освобождение болгар. Зависимость страны от зарубежного капитала, как утверждалось, была определяющим фактором выбора стороны в Первой мировой войне [История на България 1954–1955, т. 2, с. 542–546].

Интересы болгарского народа, по мнению авторов, противоречили интересам элиты. В монографии сделан акцент на антивоенных протестах и несогласии народа с участием Болгарии на стороне Германии в Первой мировой войне, так как это отдаляло

ее от исторического союзника – России. Несмотря на то что через прессу велась прогерманская и антироссийская пропаганда, она, по мнению исследователей, была практически безрезультатной. Призыв к мобилизации усилил недовольство народа, которое перерастало в беспорядки и локальные бунты в армии, что наблюдалось в течение всей Первой мировой войны [Первая мировая война 2014].

Несмотря на идеологизированность изучения болгарскими историками тематики Первой мировой войны, стоит отметить некоторые достижения историографии социалистического периода. В 1957 г. был опубликован труд болгарского историка Туше Влахова, который впервые исследовал дипломатические отношения Болгарии с Центральными державами накануне и в годы Первой мировой войны [Влахов 1957]. В 1951 г. был опубликован дневник болгарского дипломата Михаила Сарафова, в котором содержались сведения о подписании Болгарией Нейиского договора [Христов 1951]. Однако последствия этого договора были впервые проанализированы только в монографии Христо Христова «Болгария, Балканы и мир», которая была издана в 1984 г. [Христов 1984]. Также стоит заметить, что в социалистической Болгарии продолжалось исследование военной истории Первой мировой войны. Наиболее значительных успехов военным историкам удалось достичь в изучении боевых действий различных родов войск. Эти исследования отмечаются меньшей идеологизированностью. Среди работ по этой тематике следует выделить монографию Христо Христова, посвященную действиям болгарской артиллерии [Христов 1977], исследование Ивана Добрева по истории болгарского флота [Добрев 1989] и монографию Димитро Ангелова, посвященную действиям болгарской авиации [Ангелов 1981].

Современная болгарская историография (1989–2022)

После падения коммунистического режима у болгарских историков появился шанс написать историю Первой мировой войны, не опираясь на идеологические штампы и клише. И, хотя популярность тематики участия Болгарии в Первой мировой войне возросла, она до сих пор фактически является маргинальной. Наглядным примером этому служит конференция по теме «Румынская кампания 1916–1917 – опыт и память», которая проводилась в 2016 г. в университете Кирилла и Мефодия в Велико Тырново. Только 4 из

28 докладчиков были историками, работавшими в болгарских университетах и научных институтах⁵.

В современный период, как и в предшествующие годы, популярными являются исследования военного аспекта участия Болгарии в Первой мировой войне. Наиболее значимым из них является коллективная монография «Болгарская армия в Первой мировой войне 1915–1918», содержащая обзор боевых действий болгарской армии на фронтах Первой мировой войны [Българската армия 2015]. Некоторые труды раскрывают отношения Болгарии с Османской империей, Германией и странами Антанты накануне Первой мировой войны⁶. Был издан сборник документов, посвященных дипломатии и боевым действиям Болгарии в условиях войны [Кременаров 2015]. К столетию Первой мировой войны были переведены на болгарский язык и опубликованы многие труды зарубежных историков, писавших об участии Болгарии в Первой мировой войне. Тем не менее стоит отметить, что в настоящее время не существует комплексных исследований, которые включали бы в себя многочисленные внутри- и внешнеполитические аспекты участия Болгарии в войне.

Представления об участии Болгарии в мировой войне как о служении национальному делу и описание героизма и военных подвигов болгарских солдат до сих пор преобладает в болгарском научном дискурсе. Такая позиция отражена в монографии «Болгарская армия в Первой мировой войне». По мнению авторов, в Великой войне Болгария сражалась за «сбор болгар в единое государство». В этой войне болгарский народ проявил «исключительный героизм» и одержал ряд блестящих побед над государствами «более крупными, чем Болгария» [Българската армия 1915, с. 427–428].

Примечательно, что два самых авторитетных академических учреждения в Болгарии – Академия наук и Государственный университет Климента Охридского в Софии – внесли несущественный вклад в развитие исследований Первой мировой войны: за период с 2000 по 2023 г. были опубликованы лишь 37 статей в «Историческом журнале» (причем большая часть из них – 23 статьи – была выпущена в юбилейных 2014 и 2015 гг.), касающихся конкретных ее аспектов. Большинство современных работ об участии Болгарии

---

⁵The Romanian Campaign 1916/17 – Experience and Memory. URL: http://projekt-rumaenienfeldzug.de/?page_id=44 (дата обращения 14 февраля 2023).

⁶Иванов Д. Болгария в первой половине XX в. // История. 2002. № 42. URL: <http://his.1september.ru/2002/42/2.htm> (дата обращения 15 февраля 2023). См. также [Иванов Ст. 2002].

в мировой войне выпускается либо военными издательствами, либо местными, публикующими книги, посвященные отдельным сражениям или жизни населения в определенной местности в годы войны.

Несмотря на демократизацию исторической науки в Болгарии после падения коммунистического режима в 1989 г., появление полярных мнений и возможности изучения темы без опоры на идеологизированные подходы марксистско-ленинской парадигмы, можно выделить некоторые общие черты, присущие большинству болгарских исследований. Во-первых, историки объясняют участие Болгарии в мировом конфликте желанием политической элиты пересмотреть итоги унижительного Бухарестского мира 1913 г., который болгары считали национальной катастрофой. Если правительство Радославова и царь Фердинанд симпатизировали Центральным державам, то большинство политических партий стремилась к альянсу с Антантой, но после первых побед Центральных держав и присоединения Македонии проантантовские настроения быстро сошли на нет. Первоначальный болгарский нейтралитет историки объясняют желанием болгарской элиты подготовить армию к войне и вовремя примкнуть к побеждающей стороне. Более широко исследуется роль дипломатических факторов в принятии Болгарией окончательного решения о вступлении в войну на стороне Центральных держав. Подчеркивается, что оно было вызвано не только симпатиями Фердинанда и правительства Радославова к Германии, но и рядом других обстоятельств. Так, Антанта не могла пообещать Болгарии всю территорию Македонии, поскольку часть ее занимала Сербия. Дипломаты стран Антанты также не смогли предоставить каких-либо гарантий по поводу приобретения части Македонии Болгарией, потому что против территориальных уступок в этом вопросе выступала Сербия. В то же время Центральные державы пообещали возвращение Болгарии утраченной части Македонии сразу после падения Сербии. Немецкие дипломаты смогли убедить Османскую империю в необходимости передачи части спорных территорий Болгарии. В 1915 г. Центральные державы провели ряд успешных операций против России, что создало у болгар впечатление, что они выигрывают войну. Примечательно, что современная болгарская историография почти не делает акцента на изучении антивоенных настроений и бунтов в болгарской армии в годы мировой войны.

В целом участие Болгарии в Первой мировой войне оценивается в современной болгарской историографии как вторая после Бухареста национальная катастрофа. Историки констатируют провал идей ирредентизма, отмечают, что по итогам войны Болгария не только лишилась многих своих территорий, но и была сурово

наказана за недалновидное решение примкнуть к Германии. Историография Первой мировой войны по-прежнему пропитана национальными идеалами, является слабо разработанной, поскольку память о войне не способна поднять ни национальный дух, ни национальное самосознание болгар.

Заклучение

Таким образом, анализ болгарской историографии проблемы участия Болгарии в Первой мировой войне позволяет охарактеризовать ее общие черты, выделить основные этапы развития и их особенности. В межвоенный период были созданы мемуары и исследования, посвященные военным кампаниям, представлявшим героические страницы истории участия Болгарии в Первой мировой войне. Период коммунистического правления отодвинул память о Первой мировой войне еще дальше на задворки историографии: появился негативный оттенок концепта империалистической войны, в которую Болгария вступила из-за своей зависимости от австро-немецкого капитала. Акцент в исторических трудах был сделан на изучении жизни рабочих и антивоенных настроениях в армии и народе в условиях войны. Историки считали, что Болгария вела войну за правое дело, но неправильными методами. После падения коммунистического режима в историографии появился новый подход к некоторым аспектам мировой войны. При этом историография до сих пор проникнута национальными нарративами: Болгария участвовала в мировом конфликте на стороне Центральных держав, поскольку руководствовалась благородными идеями ирредентизма. В болгарской историографии присутствует множество лакун: не до конца исследованы международные отношения Болгарии с Россией и Турцией, ее экономическое и политическое влияние на Балканском полуострове, а также условия унижительного поражения и реакция различных слоев общества на неудачу Болгарии в Первой мировой войне.

Литература

- Ангелов 1981 – История на военната авиация на България / Ред. Д. Ангелов и др.; София: Воен. изд-во, 1988. 337 с.
- Българската армия 2015 – Българската армия в Първата световна война: 1915–1918 / Редкол.: С. Станчев, И. Криворов, Т. Петров. София: Военно изд-во, 2015. 359 с.

- Влахов 1957 – *Влахов Т.* Отношения между България и Централните сили по време на войните 1912–1918 г. Sofia, 1957. 421 p.
- Иванов Ст. 2002 – *Иванов Ст.* Германия и България: 1914–1915. В. Търново: Витал, 2002. 174 с.
- История на България 1954–1955 – История на България в два тома / Д. Косев, Хр. Христов, Ж. Натан, В. Хаджиниколов, К. Василев. София: Наука и изкуство, 1954–1955. Т. 1. 557 с.; Т. 2. 1064 с.
- Кременаров 2015 – *Кременаров Г.* България и Първата световна война. София: Изток-Запад, 2015. 508 с.
- Первая мировая война 2014 – Первая мировая война: Современная историография: Сборник обзоров и рефератов / Ред. М.М. Минц; РАН. ИНИОН. Центр социальных научно- информационных исследований. Отдел истории. М.: ИНИОН РАН, 2014. 231 с.
- Христов 1951 – *Христов Х.А.* Дневникът на Михаил Сарафов с изключение на мирния договор в Ньой през 1919 г. // Известия на Институт за българска история. 1951. Vol. 5. P. 314–365.
- Христов 1977 – *Христов Х.А.* История на българската артилерия. Sofia, 1977. 118 p.
- Христов 1984 – *Христов Х.А.* България, Балканите и мирът. 1919. Sofia, 1984. 371 p.
- Dimitrova 2002 – *Dimitrova S.* My war is not your war. The Bulgarian debate on the Great War “The experienced war” and Bulgarian modernization in the inter-war years // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. P. 15–34.
- Dobrev 1989 – *Добрев И.* История на българския военен флот. Sofia, 1989. 320 p.
- Schulz 2014 – *Schulz O.* Commémorer une guerre oubliée? Mémoires de la Première Guerre Mondiale en Bulgarie // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. No. 113–114. P. 42–51.

References

- Angelov, D., ed. (1981), *Istoriya na voennata aviatsiya v Bŭlgariya 1888–1945* [History of the air force in Bulgaria 1888–1945], Sofia, Bulgaria.
- Dimitrova, S. (2002), “ ‘My war is not your war’. The Bulgarian debate on the Great War ‘The experienced war’ and Bulgarian modernization in the inter-war years”, *Rethinking History*, vol. 6, pp. 15–34.
- Dobrev, I. (1989), *Istoriya na Bŭlgarskiya voennomorski flot* [History of the Bulgarian Navy], Sofia, Bulgaria.
- Ivanov, St. (2002), *Germaniya i Bŭlgariya 1914–1915* [Germany and Bulgaria 1914–1915], Vital, V. Tŕnovo, Bulgaria.
- Khristov, K. (1951), “The diary of Mikhail Sarafov with the exception of the peace treaty of Neuilly in 1919”, *Izvestiya na Instituta za bŭlgarska istoriya*, vol. 5, pp. 314–365.
- Khristov, K. (1977), *Istoriya na bŭlgarskata artileriya* [History of the Bulgarian artillery], Sofia, Bulgaria.

- Khristov, K. (1984), *Bŭlgariya, Balkanite i mirŭt 1919* [Bulgaria, the Balkans and peace 1919], Sofia, Bulgaria.
- Kosev, D., Khristov, Kh., Natan, Zh., Khadzhinikolov, V. and Vasilev K. (1954–1955), *Istoriya na Bŭlgariya v dva toma* [History of Bulgaria in two volumes], Наука и изкуство, София, Bulgaria, Т. 1, 2.
- Kremenarov, G. (2015), *Belgariya i Pervata svetovna voina* [Bulgaria and the First World War], Iz-tok-West, Sofia, Bulgaria.
- Mints, M.M., ed. (2014), *The First World War. Modern historiography. Collection of reviews and abstracts*, INION RAN, Moscow, Russia.
- Stanchev, S., Krivorov, I. and Petrov, T., eds. (1936–1946), *Bŭlgarskata armiiа v Svetovnatа voina: 1915–1918* [The Bulgarian Army in the First World War: 1915–1918], vol. 1–9, Ministerstvo na voinata, Sofia, Bulgaria.
- Stanchev, S., Krivorov, I. and Petrov, T., eds. (2015), *Bŭlgarskata armiiа v Pŕvata svetovna voina: 1915–1918* [Bulgarian army in the World War I. 1915–1918], Voenno izd., Sofia, Bulgaria.
- Schulz, O. (2014), “Commemorer une guerre oubliée? Mémoires de la Première Guerre Mondiale en Bulgarie”, in *Matériaux pour l’histoire de notre temps*, no. 113–114, pp. 42–51.
- Vlakhov, T. (1957), *Otnosheniya mezhdu Bŭlgariya i tsentralnite sili po vreme na voynite 1912–1918* [The relations between Bulgaria and the Central Powers during the wars of 1912–1918], Sofia, Bulgaria.

Информация об авторе

Дмитрий К. Макаров, аспирант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; dmakarov3107@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-5429-0296

Information about the author

Dmitrii K. Makarov, postgraduate student, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; 19, Mira St., Ekaterinburg, Russia, 620002; dmakarov3107@gmail.com

ORCID ID: 0009-0002-5429-0296

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 325(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-182-197

Переселенческая политика Германии в колониях: переселение буров в Восточную Африку

Вальдемар Шмидт

Университет Регенсбурга, Регенсбург, Германия
wolodjaschmidt@gmx.de

Аннотация. Предлагаемая статья по истории переселенческого движения буров в колониальные владения кайзеровской Германии в Восточной Африке представляет несомненный интерес, прежде всего в плане привлечения ранее неизвестных архивных материалов федерального архива Германии, а также материалов периодической печати, освящающих данную проблему. Возникновение миграции буров было вызвано их поражением в англо-бурской войне, чем воспользовались колониальные круги Германии.

Помимо этого автор статьи попытался провести анализ исторических событий, а также мероприятий колониального ведомства кайзеровской Германии и колониальной администрации восточноафриканских колоний по вопросу переселения буров из различных областей Южной Африки: Наталья, Трансвааля, а также Родезии – и их использование, прежде всего в экономических целях, для укрепления немецкого колониального господства в Восточной Африке. Архивные материалы раскрывают особенности переселения буров-мигрантов в Восточную Африку, отношение к этому процессу колониальных кругов Германии и ведомственных служащих колонии. Автор статьи рассматривает особенности переселения буров и привлечение их к созданию фермерских хозяйств на территории северных регионов Восточной Африки. Кроме этого, автор статьи представил проект Шутце как основу для крупномасштабного переселения буров из южноафриканских бурских республик в колонию кайзеровской Германии в Восточной Африке.

Ключевые слова: кайзеровская Германия, Восточная Африка, переселенческое движение буров

Для цитирования: Шмидт В. Переселенческая политика Германии в колониях: переселение буров в Восточную Африку // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 182–197. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-182-197

© Шмидт В., 2023

The resettlement policy of Germany in the colonies. The resettlement of the Boers to East Africa

Waldemar Schmidt

*University of Regensburg, Regensburg, Germany,
wolodjaschmidt@gmx.de*

Abstract. The proposed article on the history of the Boer resettlement movement to the colonial possessions of Kaiser Germany in East Africa is of undoubted interest, first of all in terms of exposing completely previously unknown archival materials of the Federal Archive of Germany, as well as periodical press materials addressing the issue. The emergence of Boer migration was caused by their defeat in the Anglo–Boer War, which the colonial circles of Germany took advantage of.

In addition, the author of the article tried to analyze historical events, as well as the activities of the colonial office of Kaiser Germany and the colonial administration of the East African colonies on the issue of the resettlement of Boers from various regions of South Africa: Natal, Transvaal, as well as Rhodesia and their use primarily for economic purposes to strengthen German colonial rule in East Africa. Archival materials reveal the specifics of the resettlement of migrant Boers to East Africa, the attitude of the colonial circles of Germany and the departmental employees of the colony to that process. The author of the article tried to show the features of Boer resettlement and their involvement in the creation of farms in the northern regions of East Africa. In addition, he considered the Schutze project as a basis for large-scale resettlement of Boers from the South African Boer republics to the colony of Kaiser Germany in East Africa.

Keywords: Kaiser's Germany, East Africa, Boer resettlement movement

For citation: Schmidt, W. (2023), "The resettlement policy of Germany in the colonies. The resettlement of the Boers to East Africa", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 2, pp. 182–197, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-182-197

Введение

Тема германского колониализма в Африке неоднократно привлекала интересы научной общественности. Большая часть колониальных владений кайзеровской Германии, возникших в 1884 г., находилась на африканском континенте. К началу XX в. Германия владела на африканском континенте одной из значительных колоний – немецкой Восточной Африкой. Немецкая Восточная

Африка занимала площадь 995 000 кв. км, что было почти вдвое больше, чем территория Германской империи. Ко всему прочему в Германии до 1914 г. существовало ошибочное мнение, что страна нуждается в колониях, хотя на самом деле это выглядело не совсем так. Практически все колониальные владения Германской империи требовали значительных субсидий, но немецкий финансовый капитал, впрочем, так же, как и эмигранты, предпочитал страны Восточной Европы и Америки, а не свои колонии.

Несмотря на широкий спектр в исследованиях колониального прошлого немецкой Восточной Африки и всесторонний охват проблем ее колониального прошлого, сегодня еще имеются вопросы, которые не получили должного освещения в научных исследованиях. К числу таких малоизученных вопросов о колониальном прошлом немецкой Восточной Африки, которому мало уделено внимания, относится проблема осуществления переселенческой политики колониальным ведомством Германской империи в своих колониальных владениях. Предлагаемая статья по истории переселенческого движения буров в колониальных владениях Германии в Восточной Африке представляет несомненный интерес прежде всего в плане привлечения ранее неизвестных документальных материалов из федерального архива Германии, касающихся данной проблемы. Тема переселения буров в колониальные владения Германии в Восточной Африке практически не разрабатывалась, и основной комплекс исследований приходится на период начала XX столетия. Помимо этого, спектр проблем и вопросов, связанных с переселением буров в колониальные владения Германии в Восточной Африке, очень широк, следовательно, требует более тщательного исследования этого исторического факта из колониального прошлого Германии.

В статье автор попытался провести анализ исторических событий, а также мероприятий колониального ведомства Германии и колониальной администрации восточноафриканских колоний по вопросу переселения буров и их использования, прежде всего в экономических целях.

Анализ переселенческой политики

В ракурсе нашей темы имеется множество фактов о деятельности колониальных учреждений и их мероприятий по привлечению европейского элемента для колонизации и переселения в восточноафриканские колонии. В результате возрастающего интереса к африканским колониям со стороны европейских государств между

ними разгорелась борьба за их обладание. Однако массовое проникновение европейцев на африканский континент происходит в самом начале XIX в., когда Англия захватила Капскую колонию, что способствовало развитию внутренней миграции на африканском континенте. Вслед за Англией на африканском континенте возникают колониальные владения Германской империи. Надо отметить, что между 1884 и 1889 гг. Германия располагала колониями не только в Африке, но и в Северном Китае, а также в Тихоокеанском регионе. После Великобритании, Франции и Голландии, в результате расширения колониальных захватов, Германия являлась четвертым европейским государством, имеющим колониальные владения [Conrad 2008, p. 11].

К началу XX в. немецкие колонии в Восточной Африке стали приобретать более важное значение в экономической жизни страны, особенно в развитии ее торговли. Развитие торгового оборота между метрополией и колонией требовало все больше человеческих ресурсов для производства товаров, пользующихся спросом на внутреннем рынке Германии¹. Несмотря на быстрый рост колониальных приобретений Германией, внутри страны имелись определенные противоречия по поводу проведения колониальной политики. Данные противоречия во многом определялись взглядами Отто фон Бисмарка на значимость проведения широкой колониальной экспансии Германской империей. Еще в 1883 г., выступая в рейхстаге, Бисмарк заявил, что «как долго я буду рейхсканцлером, Германия не будет стремиться проводить колониальную политику» [Greichen 2007, p. 90]. Однако взгляды Бисмарка на участие в колониальной политике резко меняются в 1884 г. Основной причиной, побудившей изменить курс в отношении колониальных вопросов, явилось усиление влияния Англии во внешнеполитических делах. Несмотря на изменение взглядов Бисмарка на колониальные вопросы, в правящих кругах Германской империи имелось огромное количество скептиков, которые своими действиями тормозили рассмотрение важнейших колониальных вопросов в рейхстаге, обосновывая свою позицию высказыванием Бисмарка, сделанным им в 1883 г.

Такая двойственность в решении проблемы колониальной экспансии не могла в конечном итоге не сказаться на вопросах заселения уже приобретенных Германской империей колониальных владений. В многочисленной колониальной литературе, изданной в Германии перед Первой мировой войной, освещались различные полемические вопросы, связанные с переселенческими

---

¹ Rohrbach P. Die deutschen Kolonien. Dachau, 1914. P. 29–38.

мероприятиями колониального ведомства страны. Переселение европейцев в Восточную Африку перед началом Первой мировой войны носило очаговый характер, то есть европейцы могли переселяться только лишь в пригодные в климатическом отношении регионы колонии. Пригодными регионами для европейского переселения в восточноафриканские колонии перед Первой мировой войной были не только северный регион Килиманджаро – Меру, но и южные районы колонии Иринга и Нейлангенбург, которые, по мнению колониальных властей, были более подходящими для переселения. Переселенческая политика Германии в Восточной Африке являлась одной из острейших проблем в ее колониальных мероприятиях перед началом Первой мировой войны, хотя к 1914 г. восточноафриканские колонии Германии относились к числу самых населенных колоний этой страны европейцами. Переселенческая политика во многом зависела от различных факторов, к числу которых следовало бы отнести как экономические, так и климатические, а также политические.

1. К экономическим факторам, которые тормозили поток переселенцев, прежде всего из Германской империи в восточноафриканские владения, можно отнести выделение и распределение земельных участков среди переселенцев и их качество.

2. Медленный рост переселенческого движения в восточноафриканские колонии объяснялся также и тем, что не все регионы вновь приобретенной колонии были пригодны в климатическом отношении для переселения.

3. Одним из факторов, тормозящим развитие потока переселения в Восточную Африку, являлось то, что до начала Первой мировой войны в этой крупнейшей колонии Германии не имелось нормальной сети дорожных коммуникаций, что, в свою очередь, осложняло продвижение и освоение переселенцами ее территорий.

4. К политическому фактору, тормозившему переселение, прежде всего имперских немцев, можно отнести соперничество между Англией и Германией в этом регионе [Schulze 1939, p. 396].

К началу 1900 г. в немецких колониях в Восточной Африке насчитывалось 1500 европейских переселенцев. Инициатором быстрого экономического освоения вновь приобретенных владений в Восточной Африке на основе европейского переселения был губернатор этой колонии Эдуард фон Либерт. По плану Либерта, возможность быстрейшего освоения этой крупнейшей колонии Германии была возможна лишь при условии планомерной колонизации этих территорий европейцами, прежде всего переселенцами из Германии или же других стран Европы. Помимо этого, в план губернатора по вопросам колонизации и переселения был включен

пункт, что, наряду с созданием крупных хозяйств, предлагалось создание также и мелких переселенческих хозяйств. Идеи губернатора Восточной Африки Либерта нашли поддержку и отклик в Германии, прежде всего среди имперских немцев, которые хотели эмигрировать из Германии. В основном к этой группе принадлежали выходцы из среднего сословия [Karstedt 1938, p. 119].

Предложение Эдуарда фон Либерта о возможности переселения европейцев в восточноафриканские колонии основывалось на выводах, сделанных им по материалам ряда исследовательских экспедиций. Экспедиции, организованные по инициативе губернатора Восточной Африки, имели своей целью выяснение и исследование особенностей и возможностей для переселения европейцев в определенные регионы восточноафриканской колонии. Неслучайно Либерт в книге “Die deutschen Kolonien und ihre Zukunft”, опубликованной в 1906 г. в Берлине, писал: «В результате исследований Коха было доказано, что в высокогорных районах Восточной Африки, где не господствует малярия, могут селиться немецкие переселенцы с семьями» [Liebert 1906, p. 50]. Основываясь на результатах исследований экспедиций, губернатор Восточной Африки содействовал созданию специальных опытных хозяйств в районе западной Узамбары (опытное хозяйство Квай) и в районе Уее (опытное хозяйство Дабага), целью которых являлось выяснение природно-климатических условий, пригодных для развития европейского переселения. Несмотря на то что предложения Либерта нашли отклик в среде простых немцев, принадлежащих к среднему сословию, они не нашли должного интереса как в правительственных, так и колониальных кругах Германской империи. В воспоминаниях по этому поводу бывший губернатор Восточной Африки указывал на основные причины медленного роста европейского переселения в колонии, объясняя это тем, что руководство было централизованным, и все основные вопросы, связанные с развитием колонии и вопросами переселения в ее пределы, решались в Берлине. В частности, он писал, что «Восточная Африка с конца 1896 г. уже двенадцать лет находится под нашим управлением, но все действия в колонии и связанные с ней вопросы определяются Берлином, и многие важные вопросы решаются некомпетентными служащими, которые Африку не видели и не знают сложившихся здесь отношений» [Liebert 1929, p. 111]. Это высказывание губернатора Восточной Африки во многом определяет общую тенденцию в вопросах проведения переселенческой политики в одной из самых значительных колоний Германии. С другой стороны, позиция правящих кругов Германии в отношении переселения в эту колонию объяснялась также и тем, что они в большей мере были озабочены

выделением денег для расширения оккупации вновь приобретенных территорий, чем вопросами привлечения определенных групп населения Германской империи к переселению.

Если рассмотреть динамику роста численности европейского переселенческого населения в восточноафриканской колонии перед началом Первой мировой войны, среди которого, несмотря на трудности, немецкие переселенцы занимали значительную часть, то становится ясно, что переселение в эту колонию Германии шло очень медленно и неравномерно, а также во многом зависело от политического влияния Германии и его упрочнения в этом регионе. Кроме имперских немцев в переселенческом движении в Восточную Африку принимали участие также и другие европейские народы: греки, итальянцы, российские немцы, буры, немецкие колонисты Палестины, швейцарцы.

Ниже (см. табл.) показана общая динамика роста численности европейского переселения в Восточную Африку по годам [Weigt 1953, p. 48].

Годы	Количество европейских переселенцев
1894	750
1900	1139
1905	1873
1911	4026
1914	5500

Среди общего количества европейских переселенцев к 1914 г. в восточноафриканских колониях большинство принадлежало немецким переселенцам, которые из общего числа переселившихся европейцев в Восточную Африку составляли 4100 человек, причем 3011 из них мужчин и 1089 – женщин с детьми [Elmayer-Vestenberg 1938, p. 107]. В основном перед началом Первой мировой войны поток переселения в восточноафриканские колонии Германии шел в ее северные районы, которые были более благоприятны в климатическом отношении для развития европейских переселенческих хозяйств. Процесс переселения европейского элемента в колониальные владения Германии в Восточной Африке можно разделить на следующие этапы.

1. Период с 1900 по 1904 г. характеризуется как период переселения и укрепления фермерских хозяйств буров в северных регионах Восточной Африки.

2. Период с 1906 по 1909 г. – это период развития переселенческого движения российских немцев – выходцев с Кавказа – и создание ими земледельческих хозяйств в северных регионах восточноафриканской колонии.

3. Период с 1909 по 1913 г. – это период переселения немецких колонистов из Палестины в Восточную Африку.

Последователем идей губернатора фон Либерта по вопросу расширения притока и развития европейского переселенческого движения в колонию стал вновь назначенный губернатор Восточной Африки граф Адольф фон Гетцен. Именно в период губернаторства Гетцена на территорию восточноафриканской колонии начинается приток буров. Переселение буров на территорию немецкой Восточной Африки было обусловлено их поражением в англо-бурской войне, которое и послужило причиной их внутренней миграции на территории африканского континента. Первые переселенцы буры на территории Восточной Африки появились в 1902 г. для ознакомления с экономической ситуацией и земельными отношениями в немецкой колонии. В этот период состоялась встреча губернатора Восточной Африки Адольфа фон Гетцена в Дар-эр-Саламе с представителями буров. Именно после этой встречи у губернатора Гетцена возникает идея использования буров как основного переселенческого контингента для северных регионов колонии и создания на их основе прочных переселенческих хозяйств, преимущественно ферм, в этом регионе.

В письме от 22 января 1902 г. в колониальное отделение при Министерстве иностранных дел губернатор Восточной Африки писал, что «ознакомился с памятной запиской Шутце, в которой автор высказывает мысль о возможности переселения буров в Восточную Африку». О личности Шутце Гетцен писал, что «он происходит из хорошей семьи и имеет образование техника и позже работал в переселенческом управлении в Юго-Западной Африке, а позднее переселился в Трансвааль, где также работал техником. Во время войны Англии с бурскими республиками был в плену у англичан, после окончания войны был освобожден. Что касается докладной записки, то она имеет важное значение для рассмотрения возможностей переселения буров в Восточную Африку»². Докладная записка «Немецкая Восточная Африка и южноафриканские буры. К вопросу о переселении в немецкие колонии» была написана Теобальдом Шутце в 1901 г. В ней автор отмечал, что «нужно принять во внимание тот факт, что в результате полного уничтожения

---

²Bundesarchiv. Berlin; Lichtenfelde. Auswärtige Amt. Kolonial – Abteilung. Akten: “Lokale Einwanderung nach Deutsch – Ostafrika” (далее – BArch).

южноафриканского поголовья скота и всеобщую экономическую разруху страны в результате войны, возрождение обычной жизни буров затруднено или практически невозможно, что побуждает их к большой миграции и поискам возможностей переселения»³. Далее Шутце отмечал, что определенная часть буров из бурских республик стремилась найти возможность для переселения в Родезию, но Родез не очень оптимистично отнесся к новому прибытию переселенцев. Поэтому Родезия как территория для переселения буров была исключена из их переселенческой программы. Автор записки предлагал определенную часть переселившихся буров в Юго-Западную Африку использовать для переселенческих мероприятий в немецкой Восточной Африке. В записке по поводу переселения буров в Восточную Африку автор высказывал мысль об использовании их как контингента для организации в восточноафриканской колонии фермерских хозяйств. Позже в письме от 9 декабря 1902 г. ведомственного служащего округа Танга подчеркивалось, что вопрос переселения семей буров в восточноафриканскую колонию находит сопротивление в кругах колониального управления. По его мнению, это сопротивление основывается на том, что именно климатические условия не будут способствовать успешному предпринятию по вопросу переселения буров, и, исходя из этого, у колониальных служащих нет уверенности, что создание на основе переселения буров фермерских хозяйств принесет успех для экономического развития региона и будет служить примером для немецких переселенцев⁴.

28 октября 1902 г. на запрос губернатора Восточной Африки пришел ответ из немецкого генерального консульства в Претории по вопросу переселения буров в Восточную Африку. Как сообщал немецкий консул в Претории Бирман, он провел беседы с Шутце по вопросам общего положения буров и их желания к переселению. В письме Бирман также сообщал, что Шутце считает, будто среди буров можно найти хороших хозяев, которые готовы к переселению в Восточную Африку, но, как отмечал консул, для переселения буры нуждаются в материальной поддержке, так как большая часть их средств потеряна. К письму генеральный консул прилагал записку Теобальда Шутце «О практических мероприятиях по введению переселения буров в немецкую Восточную Африку». В этой записке о возможностях переселения буров в Восточную Африку Шутце писал, что «успешному переселению буров в Восточную Африку мешало прежде всего враждебное отношение Англии в

---

³ Ibid. R 1001. Bd. 1. Bl. 11.

⁴ Ibid. Bl. 24–26.

Южной Африке этому переселению»⁵. По мнению Шутце, хорошим переселенческим материалом для переселения в Восточную Африку являлись сельские жители восточной низменности Цоутпансберга и северо-восточной части Трансвааля, где климат был схож с климатом Восточной Африки. Однако Шутце отмечал, что немецкое правительство, представленное в Претории немецким консульством, играет роль посредника в вопросах переселения буров в восточноафриканскую колонию, но только для избранных личностей, к которым имеется интерес у немецких колониальных властей. Как отмечал автор записки, такая позиция в проводимых переселенческих мероприятиях приобретает ярко выраженный политический характер.

5 февраля 1903 г. ведомственный служащий Штульман, заменивший губернатора Восточной Африки Гетцена во время его отпуска, сообщал в отделение колоний, что «переселенцы буры из Родезии покинули территорию колонии, причиной послужило то, что климатические условия, а также экономические отношения для создания прочного переселенческого поселения мало соответствовали их представлениям. Буры – переселенцы из Натала, которые хотели создать свои переселенческие поселения в районе Килиманджаро – до сих пор не дали колониальному управлению колонией никаких сведений. В это же время, как сообщал Штульман, в колонию прибыли буры во главе с Йобертом из Эрмело (Трансвааля) с рекомендательным письмом от консула из Претории с просьбой о возможности этой группе буров выделить участки для переселения в колонию»⁶.

В разговоре с бурами Штульман предложил главе делегации осмотреть территорию между озером Виктория и Килимантинде, а именно район Шаши – Унуамвези, Иссансу – Ифиоме, а также район Кондао – Иранги, которые считал более пригодными в климатическом отношении регионами, а также более пригодными для переселения в связи с деятельностью железной дороги. Однако 30 апреля 1903 г. Штульман в письме в колониальное отделение сообщал, что «группа буров во главе с Йобертом в количестве шести человек, которая предприняла попытку ознакомления с северными районами колонии для возможности в последующем создания переселенческих поселений, неожиданно вернулась в Южную Африку»⁷. 11 мая 1903 г. губернатор Восточной Африки сообщал в колониальное ведомство, что была «предпринята также попытка служащим

---

⁵Ibid. Bl. 30–34.

⁶Ibid. Bl. 35.

⁷Ibid. Bl. 41.

округа Лангенбург Цехе, в связи со строительством дороги Нясса – Танганика, о возможности переселения буров в этот район»⁸. 16 июня 1903 г. немецкий консул в Претории сообщил о поездке для выяснения ситуации, сложившейся среди буров, и возможности их использования для переселенческих мероприятий в Восточной Африке. Как сообщал Бирман в донесении в колониальное отделение Германии, в период с 21 по 23 мая 1903 г. он имел разговор с 80 представителями буров, имеющих интерес к переселению в Восточную Африку. В результате поездки немецкий консул посетил район Цоуптансберга и сообщил, что положение буров в округе очень плачевное, так как их фермы и дома разрушены. Консул отмечал, что среди буров этого округа имеется желание переселиться в Восточную Африку при условии, если «колониальная администрация выделит земельные участки для развития фермерских хозяйств»⁹.

14 ноября 1903 г. губернатор Восточной Африки Гетцен отправил письмо в колониальное отделение при министерстве иностранных дел, в котором указывал, что вопрос о переселении буров неоднократно обсуждался в прессе. В письме губернатор отмечал, что, по сообщению немецкого консула в Претории Бирмана, имеется большое число буров в округе Цоуптансберга, желающих переселиться в Восточную Африку. Он убедительно просил колониальное отделение о согласии на разрешение организации переселения буров в Восточную Африку¹⁰.

К письму от 14 ноября 1903 г. губернатор прилагал отчет немецкого консула в Претории о его поездке по Южной Африке с целью ознакомления с экономической ситуацией среди буров и возможности их переселения в восточноафриканскую колонию. Как сообщал консул в Претории, к числу буров, желающих переселиться в Восточную Африку, прежде всего относятся малоимущие слои. Поэтому он предлагал, чтобы первоначально приехали доверенные лица от буров в Дар-эр-Салам для получения сведений от губернатора о наличии земли для организации переселенческих участков. В начале 1904 г. губернатор Восточной Африки рассмотрел заявление Переселенческого комитета буров о возможности их планового переселения и выдачи им земельных угодий в северных районах Восточной Африки. После подписания соглашения между Переселенческим комитетом буров и губернатором им были выделены земельные участки, которые были свободны и не принадлежали резервату, специально организованному для племен массай [Mehtner 1938, p. 177].

---

⁸ Ibid. Bl. 42.

⁹ Ibid. Bl. 64.

¹⁰ Ibid. Bl. 67.

В 1904 г. по инициативе губернатора в районе Моши создается первое переселенческое поселение буров, в основном беженцев из Южной Африки. В этом районе в трех пунктах: Энгаре Омотони, Олдонью Самбу и Энгаре Нанюки возникли бурские переселенческие поселения¹¹. Причем буры составляли значительную часть европейского населения в этом регионе¹². Губернатор Гетцен, принявший решение о переселении буров в восточноафриканские колонии, прекрасно понимал, что переселенцы будут представлять для правительственных и колониальных органов нежелательный элемент. Однако он был уверен, что будет найден компромисс, так как считал, что идея переселения исходила от буров, которые хотели переселиться в Восточную Африку по собственной инициативе. Проводимая политика в отношении переселения буров в северные регионы Восточной Африки была подвергнута острой критике в Германии, так как, по мнению колониальных кругов, она вела к отдаче лучших земельных участков иностранцам. В этой связи губернатор Восточной Африки писал, «что он рассматривает критику проводимой им политики как определенный успех, так как эта критика означает повышение значимости африканских колоний». Помимо этого, Гетцен считал, что переселение буров в колонию могло бы послужить определенным стимулом для переселения немцев из Германии. Он также считал, что переселение буров приведет к определенному успеху в колониальных мероприятиях, так как, по его мнению, в течение десяти лет еще должны были переселиться 90% буров в восточноафриканские колонии. В начале 1906 г. в журнале “*Zeitschrift für Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft*” была опубликована статья, в которой анализировалась ситуация с переселением буров в колонию: «Вопрос о заселении восточноафриканской колонии на основе бурского переселения широко и основательно обсуждается в колониальных кругах. Во взглядах на проблему переселения буров, как основного элемента при колонизации восточноафриканских колоний, нет единого мнения, что на практике означает, что при рассмотрении этого вопроса в губернаторстве по управлению восточноафриканскими колониями нет единого мнения по вопросу переселения буров»¹³.

---

¹¹ Deutsches Kolonial – Lexikon / Schnee H. (Hrsg.) Bd. 2. Leipzig, 1920. P. 550.

¹² Leue A. Die Siedlung am Meru. <Deutsch – Ostafrika> // Schriften zur Förderung der inneren Kolonisation. Vol. 13. Berlin, 1912. P. 1.

¹³ Zeitschrift für Kolonialpolitik, Kolonialrecht und Kolonialwirtschaft. 1906. 8. Jhr. P. 89–90.

Несмотря на то что буры составляли значительную часть европейского населения в северных районах колонии, они не рассматривали этот регион как место для оседания, для них он являлся только лишь пунктом для дальнейшего переселения в британскую Восточную Африку. Переселившиеся в Восточную Африку буры в меньшей мере были заняты земледелием и в основном в созданных ими поселениях занимались скотоводством. Поэтому при организации переселенческих поселений управление колонией учитывало необходимость создания переселенческих хозяйств буров в регионах с климатическими условиями, схожими с Южной Африкой, откуда в основном шел поток переселения в северные районы Восточной Африки (Samassa 1909, p. 51). В результате проводимой администрацией восточноафриканских колоний политики в северные районы колонии переселили 300 семей буров, где было организовано 30 фермерских хозяйств. Однако развитие фермерских хозяйств на основе переселения буров в северных районах колонии было затруднено тем, что их фермы постоянно подвергались нападению и угону скота со стороны местных племен массай¹⁴.

Идею об использовании переселенцев буров в колониальных мероприятиях Германии в северных районах колонии поддерживал также руководитель округа Танга Мейер¹⁵. По мнению Мейера, фермерские хозяйства буров могли способствовать упрочнению экономической позиции Германии в этом регионе. Мысли, высказанные Мейером, нашли поддержку в работе Пфайля “Wirtschaftliche Entwicklung in Deutsch-Ostafrika”, в которой он писал, что «для немецкой колонизации северных регионов колонии имеет важное значение каждый европейский переселенец, как в смысле денежного капитала, так и в смысле рабочей силы, так как мы не можем пока использовать при переселении северных регионов колонии немецких переселенцев, поэтому мы должны признать значимость и приветствовать прибытие бурских переселенцев в этот район» (Pfeil 1907, p. 124). Мнение Пфайля подтверждает также сообщение миссионера Фоккеля о значимости бурского переселения в восточноафриканские колонии, в котором он писал: «...о новых переселенцах в наши колонии можно услышать и прочитать различные мнения. В начале переселения были высказаны положительные мнения, дающие надежду на скорейшее экономическое освоение региона за счет буров, но уже в это время появились и противоположные высказывания, направленные против их переселения. При

---

¹⁴ Evangelisch – lutherisches Missionsblatt. 1906. P. 425.

¹⁵ Förster E.F. Die Siedlung am Kilimandjaro und Meru // Koloniale Abhandlungen. Vol. 12. Berlin, 1907. S. 7.

этом переселении буров, на мой взгляд, нужно ценить, так как они переселяются не на определенное время для того, чтобы заработать денег и вернуться обратно на Родину, а для того, чтобы здесь остаться. И в будущем нужно от них ожидать, что они смогут стать преданными подданными Германской империи»¹⁶. Позиция Мейера по поводу широкомасштабного заселения северных регионов колонии также не нашла поддержки в колониальном управлении немецкими колониями. Причиной отклонения проекта Мейера о развитии фермерских хозяйств буров в северных регионах восточноафриканских колоний явились также внешнеполитические отношения Германии с Англией и их противоречия в колониальных вопросах, которые играли немаловажную роль в проведении переселенческой политики немецким колониальным ведомством. Кроме этих противоречий, немецкие колониальные власти в Восточной Африке понимали, что при дальнейшем росте переселения буров в колонии Германии в Восточной Африке лучшие земли в северных регионах могут оказаться в руках буров, а не будущих немецких переселенцев. Буры – переселенцы, осевшие в северных регионах восточноафриканской колонии, помимо скотоводства также занимались и пахотным земледелием, в результате чего они получили в пользование большее количество земли, чем могли бы обрабатывать. Для одной бурской фермы выделялось 1000 гектаров земли, которую они практически не могли обработать и при обработке полученной земли нуждались в использовании наемной рабочей силы. 14 апреля 1905 г. “Kölnische Zeitung” по поводу переселения буров в Восточную Африку отмечала, что «сообщения из немецкой Восточной Африки относительно переселения и организации переселенческих хозяйств буров различны, так как организация переселенческих хозяйств буров в северных регионах колонии идет не совсем успешно»¹⁷.

Массовому переселению буров в северный регион и плану губернатора Гетцена противостояли определенные колониальные круги, которые рассматривали данный регион как район для переселения прежде всего имперских немцев. Изменение политики в отношении переселения буров в Восточную Африку произошло при следующем губернаторе этой колонии фон Рехенберге, который по политическим основаниям ввел ограничение на переселение буров. Его позиция была обусловлена тем, что, по мнению определенных колониальных кругов Германии, буры представляли не совсем надежный контингент в переселенческих мероприятиях Германии в Восточной Африке в условиях все более обострившихся англо-

---

¹⁶ Evangelisch – lutherisches Missionsblatt 1906. P. 89–90.

¹⁷ Kölnische Zeitung, 1905. 14. April.

германских отношений, а с другой стороны, не могли рассматриваться как переселенческий материал еще и потому, что с появлением их фермерских хозяйств они стали составлять серьезную конкуренцию вновь возникшим немецким фермерским хозяйствам (Heilborn 1908, pp. 26–27). Надежда колониальных властей на улучшение экономического положения за счет фермерских хозяйств буров в Восточной Африке оправдалась лишь частично [Rohrbach 1931, p. 345].

Исходя из создавшегося положения колониальные власти были вынуждены пересмотреть вопрос о развитии фермерских хозяйств буров, и некоторые фермерские хозяйства подверглись новым земельным переделам (Müllendorff 1910, p. 161). По этому поводу 28 мая 1907 г. было опубликовано распоряжение губернатора, в котором говорилось, «что крупные фермы буров должны быть подвержены распродаже или отданы для распахивания» (Fleischmann 1908, p. 92).

Заключение

Завершая статью, хотелось бы отметить, что в распорядительных документах появились настойчивые указания колониальной администрации о том, чтобы местные колониальные органы позаботились о сохранении лучших земель для немецких переселенцев, а не отдавали все лучшие земли бурам.

Источники

- Fleischmann 1908 – *Fleischmann M.* Die Verwaltung unserer Kolonien und die Fortschritte des letzten Jahres // Jahrbuch über die deutschen Kolonien. 1. Jhr. Berlin, 1908. P. 70–92.
- Heilborn 1908 – *Heilborn A.* Die deutschen Kolonien (Land und Leute). Leipzig, 1908. 170 p.
- Müllendorff 1910 – *Müllendorff P.* Ostafrika im Aufstieg. Essen, 1910. 275 p.
- Pfeil 1907 – *Pfeil J.* Wirtschaftliche Entwicklung in Deutsch – Ostafrika. Berlin, 1907. 213 S.
- Samassa 1909 – *Samassa P.* Die Besiedlung Deutsch – Ostafrikas. Berlin, 1909. 313 p.

Литература

- Conrad 2008 – *Conrad S.* Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2008. 128 p.
- Elmayer-Vestenbrugg 1938 – *Elmayer-Vestenbrugg R., von.* Unsere Kolonien. Leipzig, 1938. 207 p.
- Greichen 2007 – *Greichen G.* Deutsche Kolonien: Traum und Trauma. Berlin, 2007. 481 p.
- Karstedt 1938 – *Karstedt O.* Der Weiße Kampf um Afrika. Deutschland in Afrika. Bd. 2. Berlin, 1938. 360 p.

- Liebert 1906 – *Liebert E., von*. Die deutschen Kolonien und ihre Zukunft. Berlin, 1906. 79 p.
- Liebert 1929 – *Liebert E., von*. Aus einem bewegten Leben. Berlin, 1929. 226 p.
- Rohrbach 1931 – *Rohrbach P.* Paul: Das Deutschtum über See. Karlsruhe, 1931. 360 p.
- Schulze 1939 – *Schulze J.H.* Die Besiedlung der deutsch – afrikanischen Kolonien mit Weißen. Grundsätzliches in Gegenwart und Zukunft // Geographischer Anzeiger. 1939. 40. Jahr. Heft 17/18. P. 370–396.
- Weigt 1953 – *Weigt E.* Europäer in Ostafrika. Klimabedingungen und Wirtschaftsgrundlagen // Kölner Geographischer Arbeiten. Heft 6/7. Köln, 1953. 365 p.

References

- Conrad, S. (2008), *Deutsche Kolonialgeschichte*, München, Germany.
- Elmayer-Vestenbrugg, R., von (1938), *Unsere Kolonien*, Leipzig, Germany.
- Greichen, G. (2007), *Deutsche Kolonien: Traum und Trauma*, Berlin, Germany.
- Karstedt, O. (1938), *Der Weiße Kampf um Afrika. Deutschland in Afrika*, Bd. 2, Berlin, Germany.
- Liebert, E., von (1906), *Die deutschen Kolonien und ihre Zukunft*, Berlin, Germany.
- Liebert, E., von (1929), *Aus ein bewegtes Leben*, Berlin, Germany.
- Rohrbach, P. (1931), *Das Deutschtum über See*. Karlsruhe, Germany.
- Schulze, J.H (1939), “Die Besiedlung der deutsch – afrikanischen Kolonien mit Weißen. Grundsätzliches in Gegenwart und Zukunft”, *Geographischer Anzeiger*, 40. Jahr., Heft 17/18, pp. 370–396.
- Weigt, E. (1953), “Europäer in Ostafrika. Klimabedingungen und Wirtschaftsgrundlagen“, in *Kölner Geographischer Arbeiten*, Heft 6/7, Köln, Germany.

Информация об авторе

Вальдемар Шмидт, магистр истории, Университет Регенсбурга, Регенсбург, Германия; Регенсбург, Германия, 93053, Гумбольдт штрассе, д. 48а; wolodjaschmidt@gmx.de
ID ORCID: 0000-0001 – 5969-8210

Information about the author

Waldemar Schmidt, Magister of History, University of Regensburg, Regensburg, Germany; 48a, Humboldt St., Regensburg, Germany, 93053; wolodjaschmidt@gmx.de
ID ORCID: 0000-0001 – 5969-8210

УДК 364(430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-198-208

Система базового социального обеспечения в ФРГ (2005–2023 гг.)

Дарья В. Саватеева

*Белорусский государственный университет,
Минск, Республика Беларусь, darya-kruglova.98@mail.ru*

Аннотация. Обеспечение базовых социальных потребностей населения, особенно наиболее уязвимых групп общества, – важное направление социальной политики. Статья посвящена исследованию базового социального обеспечения в ФРГ в 2005–2023 гг., выявлению структуры и особенностей системы предоставления социальных льгот для населения. Хронологические рамки исследования обусловлены значительными изменениями в структуре и законодательном регулировании базовой помощи. С 2005 г. в силу вступила Двенадцатая книга Социального кодекса, регулирующая предоставление первого элемента базового социального обеспечения – социальной помощи, которая состоит из помощи по обеспечению средств к существованию, базового обеспечения по старости и в случае снижения трудоспособности, вспомогательных средств для здоровья, помощи в уходе, помощи в преодолении определенных социальных трудностей и помощи в других жизненных ситуациях. В 2023 г. второй элемент системы – пособие по безработице-2 – был заменен на пособие гражданину. В ходе исследования автор пришел к выводу о том, что особенностями системы базового социального обеспечения в ФРГ на современном этапе развития являются ее непрерывный процесс реформирования и адаптации к вызовам современности, ежегодное индексирование выплат в соответствии с социально-экономическим развитием, модернизация в соответствии с демографическим фактором и расширение категорий соискателей социальных льгот.

Ключевые слова: система базового социального обеспечения, социальная политика, ФРГ, социальная помощь, пособие по безработице-2

Для цитирования: Саватеева Д.В. Система базового социального обеспечения в ФРГ (2005–2023 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 198–208. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-198-208

© Саватеева Д.В., 2023

Basic social security system in Germany (2005–2023)

Daria V. Savateyeva

*Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
darya-kruglova.98@mail.ru*

Abstract. Ensuring the basic social needs of the population, especially the most vulnerable groups of society, is an important area of social policy. The paper is dealing with the study of basic social security in Germany in 2005–2023, identifying the structure and special system for providing social benefits to the population. The chronological scope of the research is defined by significant changes in the structure and legislative regulation of basic assistance. Since 2005, the Twelfth Book of the Social Code has come into force, regulating the allocation of the first element of basic social security – social assistance. It consists of livelihood assistance, basic security for old age and disability, health aids, care assistance, assistance in overcoming certain social difficulties and assistance in other life situations. In 2023, the second element of the system, unemployment benefits-2, was replaced by a citizen benefit. In the course of the research, the author came to the conclusion that the features of the basic social security system in Germany at the present stage of development are its continuous process of reform and adaptation to the challenges of modern times, annual indexation of payments in accordance with socio-economic development, modernization in accordance with demographic factor and expansion of categories of applicants for social benefits.

Keywords: basic social security system, social policy, Germany, social assistance, unemployment benefits-2

For citation: Savateyeva, D.V. (2023), “Basic social security system in Germany (2005–2023)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 2, pp. 198–208, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-198-208

Введение

Социальная уязвимость в условиях кризисов и динамично меняющегося мира способствует росту среди населения недоверия и неуверенности в завтрашнем дне. В свою очередь система базового социального обеспечения представляет собой ключевой элемент социальной политики и содействия благосостоянию населения, обеспечивая социальную защиту наиболее уязвимых групп насе-

ления и предоставляя им доступ к базовым социальным услугам. С целью выявления особенностей системы базового социального обеспечения в ФРГ на современном этапе развития необходимо проанализировать ее структуру и наиболее характерные изменения, произошедшие в данной сфере в 2005–2023 гг.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены работы, посвященные основным принципам и организационной структуре немецкого социального государства [Neumann, Scharer 2008], а также социальной политике [Frerich 2018]. Теоретические основы, этапы развития и реформирования системы базового социального обеспечения представлены в немецкоязычной научной литературе. Среди исследователей, уделивших внимание данной теме, можно выделить работы М. Крапфа, Г. Шеллхорна, У. Крамера¹, Р. Мюллер де Менезес, Й. Хюттенбринка², Р. Собота³ [Krapf 2019; Müller de Menezes 2012]. Что касается русскоязычной академической литературы, то специальные работы, посвященные системе базового социального обеспечения, в ней отсутствуют.

Понятие «социальное государство» в ФРГ рассматривается в рамках теории социальной справедливости и основывается на принципе социальности. В связи с этим государство реализует политику, направленную на обеспечение достойного уровня жизни своих граждан и удовлетворение основных жизненных потребностей всех социальных групп.

Результаты и их обсуждение

Первым элементом системы базового социального обеспечения является социальная помощь, цель которой заключается в предоставлении возможности лицам, имеющим право на льготы, вести

---

¹Krahmer U., Schellhorn H. Hilfe zur Pflege nach dem SGB XII: Leistungen der neuen Sozialhilfe bei Pflegebedarf. Hannover: Vincentz Network, 2022. 156 S.

²Hüttenbrink J. Sozialhilfe und Arbeitslosengeld II: Hilfe zum Lebensunterhalt (Hartz IV), Grundsicherung, sonstige Ansprüche (z. B. Hilfe zur Pflege), Verfahren, Verwandtenregress (Beck-Rechtsberater im dtv). Berlin, 2009. 304 S.

³Sobota R. Sozialleistungen in der Betreuungspraxis: Teilhabeleistungen (BTHG), Eingliederungshilfe, Sozialhilfe, Grundsicherung für Arbeitssuchende, Renten- und Versicherungsansprüche. Köln: Reguvis Fachmedien, 2022. 408 S.

образ жизни, соответствующий достоинству человека⁴. С 1976 г. в ФРГ данный вид поддержки граждан был особой частью Социального кодекса и только к 2005 г. выделился в Двенадцатую книгу Социального кодекса (Социальная помощь) в рамках проведения программы «Повестка дня–2010», которая начала реализовываться с 2003 г.

В соответствии с параграфом 8, разделом 1, главой 2 Двенадцатой книги Социального кодекса, социальная помощь включает в себя:

- 1) помощь по обеспечению средств к существованию;
- 2) базовое обеспечение по старости и в случае снижения трудоспособности;
- 3) вспомогательные средства для здоровья;
- 4) помощь в уходе;
- 5) помощь в преодолении определенных социальных трудностей;
- 6) помощь в других жизненных ситуациях⁵.

Помощь по обеспечению средств к существованию предоставляется лицам, которые не могут самостоятельно обеспечить себе прожиточный минимум: питание, одежду, предметы личной гигиены и домашнего обихода, участие в социально-культурной жизни общества. Под собственными средствами подразумеваются личные доходы и активы. В случае наличия супруга, сожителя или ребенка (не находящегося в браке и относящегося к семье родителей) доходы и имущество подлежат общему учету. Исключением являются лица, имеющие право на получение пособия как трудоспособные граждане и иждивенцы. На практике данный вид социальной помощи возможно получить при условии отсутствия оснований для получения пособия по безработице-2 и базового обеспечения в старости и нетрудоспособности.

Базовое обеспечение по старости и в случае снижения трудоспособности. Данный вид пособия выплачивается на основании заявления лица, соответствующего критериям признания, установленного законом пенсионного возраста (табл.) либо полной недееспособности.

---

⁴ Sozialgesetzbuch (SGB). Zwölftes Buch (XII): Sozialhilfe. Artikel 1 des Gesetzes vom 27. Dezember 2003 // BGBl. I. S. 3022. § 1. Aufgabe der Sozialhilfe. URL: <https://clck.ru/35sr9f> (дата обращения 25 сентября 2023).

⁵ Ibid. § 8. Leistungen. URL: <https://clck.ru/35sr9m> (дата обращения 25 сентября 2023).

Таблица

Предельный возраст лиц, которые имеют право на получение базового обеспечения в старости⁶

Год рождения	Предельный возраст
1947	65 лет и 1 месяц
1948	65 лет и 2 месяцев
1949	65 лет и 3 месяцев
1950	65 лет и 4 месяцев
1951	65 лет и 5 месяцев
1952	65 лет и 6 месяцев
1953	65 лет и 7 месяцев
1954	65 лет и 8 месяцев
1955	65 лет и 9 месяцев
1956	65 лет и 10 месяцев
1957	65 лет и 11 месяцев
1958	66 лет
1959	66 лет и 2 месяца
1960	66 лет и 4 месяца
1961	66 лет и 6 месяцев
1962	66 лет и 8 месяцев
1963	66 лет и 10 месяцев
с 1964	67 лет

За период с 2005 по 2022 г. количество лиц, которые получили базовую помощь по старости и в случае снижения трудоспособности, выросло в 1,9 раза – с 630,3 тыс. в 2005 г. до 1,2 млн в 2022 г., значительное увеличение данного показателя объясняется демографическими изменениями в немецком обществе, а также увеличением числа лиц с миграционным фоном⁷.

⁶Ibid. § 41. Leistungsberechtigte. URL: <https://clck.ru/35sr9t> (дата обращения 25 сентября 2023).

⁷Anzahl der Empfänger von Grundsicherung im Alter und bei Erwerbsminderung in Deutschland von 2003 bis 2022. URL: <https://clck.ru/35srAA> (дата обращения 25 сентября 2023).

Вспомогательные средства для здоровья выделяются в целях профилактики и выявления ранних типов заболеваний, также для того, чтобы лица, не имеющие медицинского страхования, имели доступ к данному виду услуг. Другие льготы предоставляются только в том случае, если без них, согласно заключению врача, существует угроза возникновения заболевания или иного вреда здоровью. Размер помощи соотносится с пособием по обязательному медицинскому страхованию. Данный вид социальной помощи выплачивается в исключительных случаях, так как регистрация по получению социальной помощи происходит через компании медицинского страхования, и, таким образом, данная категория лиц рассматривается как участники обязательного медицинского страхования.

Помощь в уходе предоставляется лицам, которые имеют нарушения, связанные со здоровьем, не могут самостоятельно справляться с физическими, когнитивными и психологическими нарушениями. Для получения данного вида социальной помощи проводится экспертиза, которая определяет степень необходимого ухода и ранжирует соискателей пособия по уровням, соответствующим степени тяжести нарушений самостоятельной занятости:

- уровень ухода 1: незначительные нарушения дееспособности (от 12,5 до 27 баллов);
- уровень ухода 2: значительные нарушения дееспособности (от 27 до 47,5 баллов);
- уровень ухода 3: серьезные нарушения дееспособности (от 47,5 до 70 баллов);
- уровень ухода 4: наиболее серьезные нарушения дееспособности (от 70 до 90 баллов);
- уровень ухода 5: наиболее серьезные нарушения дееспособности или нарушения с особыми требованиями к уходу (от 90 до 100 баллов)⁸.

Дети в возрасте старше 18 месяцев, чья степень способностей не соответствует возрастному развитию, также имеют право на получение льгот по уходу:

- уровень ухода 2: от 12,5 до 27 баллов;
- уровень ухода 3: от 27 до 47,5 баллов;
- уровень ухода 4: от 47,5 до 70 баллов;
- уровень ухода 5: от 70 до 100 баллов⁹.

---

⁸Sozialgesetzbuch (SGB). Zwölftes Buch (XII): Sozialhilfe. Artikel 1 des Gesetzes vom 27. Dezember 2003 // BGBl. I. S. 3022. § 61b. Pflegegrade. URL: <https://clck.ru/35srAJ> (дата обращения 25 сентября 2023).

⁹Ibid. § 61c. Pflegegrade bei Kindern. URL: <https://clck.ru/35srAV> (дата обращения 25 сентября 2023).

Необходимо отметить, что данный вид помощи может предоставляться как в виде денежной выплаты, так и в натуральной форме. Уровень ухода 1 включает в себя вспомогательные средства по уходу, меры по улучшению жилищных условий и т. д. Уровень ухода 2–5 включает в себя уход на дому, частичный стационарный и стационарный уход, краткосрочный уход¹⁰.

Помощь в преодолении определенных социальных трудностей выделяется особым категориям населения, которые находятся вне системы социального обеспечения (бездомные, ранее находящиеся в заключении и т. д.). Пособие включают все меры, необходимые для преодоления трудностей, в частности консультирование и личный уход за получателями помощи и их иждивенцами, поддержка в обучении, интеграция в рынок трудовых отношений, а также комплекс мер по сохранению или приобретению жилья. Также помощь предоставляется независимо от дохода и имущества, в той степени, в которой услуги необходимы в каждом конкретном случае¹¹.

Помощь в других жизненных ситуациях осуществляется в рамках оказания поддержки по ведению домашнего хозяйства; помощи пожилым людям; помощи слепым; помощи в других жизненных ситуациях, при условии обстоятельств, на которые не распространяются другие правила социальной помощи; расходов на похороны. Помощь в ведении домашнего хозяйства осуществляется на временной основе и при условии, что ни соискатель помощи, ни проживающие с ним лица не могут самостоятельно его осуществлять¹². Помощь пожилым людям предоставляется без учета имеющегося дохода и имущества и подразумевает: льготы по приобретению и содержанию жилья; консультирование и поддержка в условиях оказания медицинской помощи; льготы на посещение мероприятий и заведений, предназначенных для общения, развлечения, образования или культурных потребностей пожилых людей¹³. Помощь людям со слепотой осуществляется в качестве компенсации дополнительных расходов при условии, что не предоставляются иные виды пособий в соответствии с другими

---

¹⁰ Ibid. § 63. Leistungen für Pflegebedürftige. URL: <https://clck.ru/35srAj> (дата обращения 25 сентября 2023).

¹¹ Ibid. § 68. Umfang der Leistungen. URL: <https://clck.ru/35srAr> (дата обращения 25 сентября 2023).

¹² Ibid. § 70. Hilfe zur Weiterführung des Haushalts. URL: <https://clck.ru/35srB7> (дата обращения 26 сентября 2023).

¹³ Ibid. § 71. Altenhilfe. URL: <https://clck.ru/35srBT> (дата обращения 26 сентября 2023).

законодательными актами. Посobie выделяется как в натуральной, так и в денежной форме¹⁴.

Проблема занятости населения, ставшая ключевым вопросом на рубеже веков, рост числа безработных граждан (на 2005 г. достигший отметки в 4,86 млн человек, что составляет 11,7% от общей численности населения страны)¹⁵, увеличение числа лиц с миграционным фоном, а также демографические изменения, проявившиеся в неуклонном старении населения, поставили перед правительством непростую задачу по стабилизации системы социального обеспечения и адаптации ее к современным вызовам.

Необходимо отметить, что проведение реформ в системе базового социального обеспечения стала очевидной не только на фоне вышеперечисленных факторов, но и в связи с увеличением государственного иждивенчества в виде злоупотребления предоставляемыми пособиями по безработице и ростом социальных расходов. Таким образом, с 1 января 2005 г. было введено пособие по безработице-2 – второй элемент системы базового социального обеспечения в рамках реализации «Концепции Харца», которое действовало до 31 декабря 2022 г. (с 1 января 2023 г. заменено на пособие гражданину).

В соответствии с четвертым Законом «О современных услугах на рынке труда»¹⁶, пособие по безработице-2 образовалось в ходе слияния помощи по безработице и социальной помощи. Данный вид льготы предоставляется лицам, временно нетрудоустроенным. Вторая книга Социального кодекса¹⁷ регулирует базовые гарантии для лиц, ищущих работу, и является частью Харца-4.

В соответствии с п. 1 и 2, § 1, главы 1 Второй книги Социального кодекса, базовые гарантии для лиц, ищущих работу, предназначены для того, чтобы они могли вести жизнь, соответствующую человеческому достоинству, и для усиления лич-

---

¹⁴ Ibid. § 72. Blindenhilfe. URL: <https://clck.ru/35srBf> (дата обращения 26 сентября 2023).

¹⁵ Arbeitslosenzahl in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2005 bis 2023. URL: <https://clck.ru/36BKQU> (дата обращения 21 октября 2023).

¹⁶ Viertes Gesetz für moderne Dienstleistungen am Arbeitsmarkt Vom 24. Dezember 2003. URL: <https://clck.ru/35srBm>, (дата обращения 26 сентября 2023).

¹⁷ Sozialgesetzbuch (SGB). Zweites Buch (II): Bürgergeld, Grundsicherung für Arbeitsuchende. Artikel 1 des Gesetzes vom 24. Dezember 2003 // BGBl. I. S. 2954. URL: <https://clck.ru/35srBv>, (дата обращения 26 сентября 2023).

ной ответственности лиц, имеющих право на льготы, и людей, которые живут с ними в нуждающемся сообществе¹⁸. Помощь предоставляется денежной выплатой для обеспечения основных жизненных нужд: жилье, продукты питания, здравоохранение и другие категории расходов. С момента введения данной формы социального пособия ее получателями были безработные, низкооплачиваемые работники и другие уязвимые категории населения. Однако существовали категории граждан, которые не имели права на получение пособия по безработице-2: иностранцы, не имеющие статуса постоянного жителя; лица, нарушающие миграционное законодательство; граждане, имеющие значительное имущество или другие источники дохода, достаточные для обеспечения жизненных нужд.

С 1 августа 2006 г. в силу вступил Закон «О дальнейшем развитии базовой безопасности для соискателей работы»¹⁹, который предусматривал внесение 50 поправок: сокращение пособий и ужесточение доступа к получению пособия по безработице-2, сокращение и отмена выплат на проживание при самовольном изменении места жительства и т. д. Следующий этап ужесточения выплаты по пособиям начался с 1 января 2007 г. и предусматривал три уровня санкционных мероприятий: первое нарушение – снижение выплаты пособия на 30% на три месяца, второе – на 60%, третье нарушение в течение одного года – лишение пособия²⁰.

Уровень стандартной ставки, на основании которой происходит расчет базового социального обеспечения (социального пособия и пособия по безработице-2), пересматривается 1 января каждого года в соответствии со средним изменением цен и уровня заработной платы по стране (см. рис. 1).

---

¹⁸ Ibid. § 1. Aufgabe und Ziel der Grundsicherung für Arbeitsuchende. URL: <https://clck.ru/35srCB> (дата обращения 26 сентября 2023).

¹⁹ Gesetz zur Fortentwicklung der Grundsicherung für Arbeitsuchende. URL: <https://clck.ru/35srCF> (дата обращения 26 сентября 2023).

²⁰ Sozialgesetzbuch (SGB). Zweites Buch (II): Bürgergeld, Grundsicherung für Arbeitsuchende. Artikel 1 des Gesetzes vom 24. Dezember 2003 // BGBl. I. S. 2954. § 31a. Rechtsfolgen bei Pflichtverletzungen. URL: <https://clck.ru/35srCT> (дата обращения 26 сентября 2023).

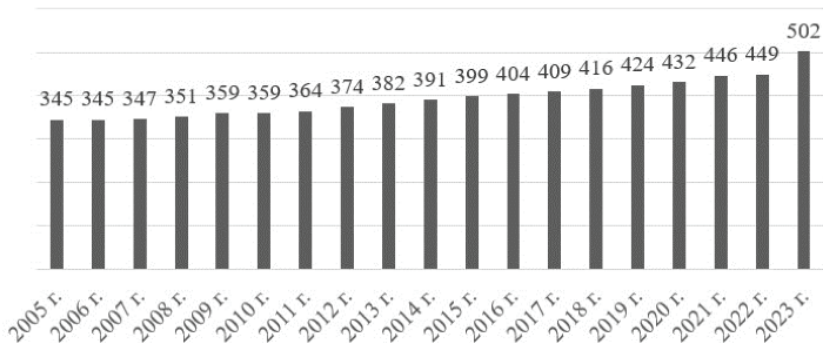

Рис. 1. Стандартная ставка базового социального обеспечения в Германии (на одного одинокого взрослого человека в евро) с 2005 по 2023 г.²¹

Заключение

В итоге рассмотрения данного вопроса можно сказать, что с 1970-х гг. были проведены значительные реформы в системе социального обеспечения, которые на законодательном уровне закрепили предоставление социальной помощи. В начале XXI в. Германия столкнулась с рядом глобальных вызовов, что, в свою очередь, привело к расширению базового социального обеспечения посредством введения пособия по безработице-2 в 2005 г. Таким образом, категории лиц, имеющих право на получение социальных льгот, были расширены до безработных, пожилых людей, лиц с ограниченными возможностями, граждан, находящихся в тяжелых жизненных ситуациях. Наряду с этим необходимо отметить, что особенностями системы базового социального обеспечения в ФРГ на современном этапе развития являются ее непрерывный процесс адаптации к вызовам современности, ежегодное индексирование выплат в соответствии с социально-экономическим развитием, модернизация в соответствии с демографическим фактором и расширение категорий соискателей социальных льгот.

²¹ Höhe des Bürgergelds bzw. des Hartz-IV-Regelsatzes in den Jahren von 2005 bis 2024. URL: <https://clck.ru/35srCi> (дата обращения 26 сентября 2023).

Литература

- Frerich 2018 – *Frerich J.* Sozialpolitik: das Sozialleistungssystem der Bundesrepublik Deutschland. München; Wien: Oldenburg, 2018. 667 s.
- Krapf 2019 – *Krapf M.* Der deutsche Sozialstaat seit der Jahrhundertwende: Von den Reformen nach 2000 bis zur Gegenwart. Darmstadt: Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2019. 412 s.
- Müller de Menezes 2012 – *Müller de Menezes R.* Soziale Arbeit in der Sozialhilfe: Eine qualitative Analyse von Fallbearbeitungen. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 412 s.
- Neumann, Schaper 2008 – *Neumann L.F., Schaper K.* Die Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland. Frankfurt a/M.; N.Y.: Campus, 2008. 405 s.

References

- Frerich, J. (2018), *Sozialpolitik: das Sozialleistungssystem der Bundesrepublik Deutschland*, München, Wien, Oldenburg, Germany.
- Krapf, M. (2019), *Der deutsche Sozialstaat seit der Jahrhundertwende: Von den Reformen nach 2000 bis zur Gegenwart*, Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt, Germany.
- Müller de Menezes, R. (2012), *Soziale Arbeit in der Sozialhilfe: Eine qualitative Analyse von Fallbearbeitungen*, VS Verlag für Sozialwissenschaften, Wiesbaden, Germany.
- Neumann, L.F. and Schaper, K. (2008), *Die Sozialordnung der Bundesrepublik Deutschland*, Deutschland, Campus, Frankfurt a/M., New York, Germany.

Информация об авторе

Дарья В. Саватеева, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; 220030, Минск, Республика Беларусь, пр. Независимости, д. 4; darya-kruglova.98@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5018-4210

Information about the author

Darya V. Savateyeva, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; 4, Niezaliežnasci Av., Minsk, Republic of Belarus, 220030; darya-kruglova.98@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5018-4210

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-209-234

Динамика адаптации общества
в условиях глобального дистресса:
анализ ситуации с февраля 2022 по февраль 2023 г.

Галина Г. Ершова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ga.gav@mail.ru*

Анна А. Кулешова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kysakina.anna@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается реакция общества на проведение Специальной военной операции, начатой в феврале 2022 г., которая, безусловно, стала стрессом для населения России. Были собраны данные опросов, проведенных разными компаниями с марта по ноябрь. Затем проанализированы результаты материалов этих опросов, которые показали любопытную динамику изменения общественного мнения. Реакция населения, характеризующаяся опасениями и страхами и изначально достаточно инертная, постепенно начала трансформироваться в сторону все большей поддержки – как вербальной, так и действенной – спецоперации и государства. Кроме того, возник феномен индивидуальной самоорганизации граждан с целью оказания разнообразной помощи участникам боевых действий, раненым, жителям новых территорий, учреждениям, животным и т. д. Активное участие в оказании помощи становится адаптационным фактором, снимающим стресс. Кроме того, активное содействие спецоперации со стороны граждан становится образцом и стимулом для включения в этот процесс других, находящихся до определенного времени в состоянии выживания. Позитивные тенденции этого процесса очевидны. Подобные реакции носят антропосистемный характер и требуют особых подходов для сохранения общественной стабильности и консолидации общества в целом.

Ключевые слова: специальная военная операция, социологический опрос, социальный стресс, активная адаптация, общественная стабильность

© Ершова Г.Г., Кулешова А.А., 2023

Для цитирования: Ершова Г.Г., Кулешова А.А. Динамика адаптации общества в условиях глобального дистресса: анализ ситуации с февраля 2022 по февраль 2023 г. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 209–234. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-209-234

Dynamics of adaptation
of society in conditions of global distress.
Analysis of the situation
from February 2022 – February 2023

Galina G. Ershova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ga.gav@mail.ru*

Anna A. Kuleshova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kysakina.anna@yandex.ru*

Abstract. The article considers the public reaction to the Special Military Operation launched in February 2022, which certainly became a stress for the Russian population. The data from different companies, that conducted polls between March and November, were collected and the subsequent analysis of the polling materials showed a curious dynamics of public opinion change. The reaction of the population, characterized by anxiety and fears and initially quite inert, gradually began to transform towards more and more support – both verbal and effective – for the Special Operation and the State. In addition, the phenomenon of individual self-organization of citizens to provide various kinds of assistance to combatants, the wounded, residents of new territories, institutions, animals, etc. has emerged. Active participation in providing assistance becomes an adaptive factor that relieves stress. In addition, active assistance to the Special Operation on the part of citizens becomes a model and an incentive for others, who until a certain time were in a state of waiting, to be included in that process. The positive tendencies of the process are obvious. Such reactions are anthroposystemic in nature and require special approaches to preserve social stability and consolidation of society as a whole

Keywords: Special Military Operation, Sociological survey, social stress, active adaptation, social stability

For citation: Ershova, G.G. and Kuleshova, A.A. (2023), “Dynamics of adaptation of society in conditions of global distress. Analysis of the situation from February 2022 – February 2023”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 2, pp. 209–234, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-209-234

Введение

Проведение специальной военной операции (далее – СВО, спецоперация) с февраля 2022 г. выявило несколько важных проблем, требующих быстрого реагирования не только со стороны военных структур или государственного аппарата, но и общества в целом. Внутри организованной совокупности всех жителей страны каждый должен обладать некой гражданской позицией и ответственностью. Именно коллективное доминирование той или иной позиции абсолютно на всех уровнях социума предопределяет конечный результат и исход судьбоносных решений, принимаемых верховной властью. В данном случае рассматривается проблема, связанная с реакциями российского общества на проведение военных действий в рамках СВО, начатой в феврале 2022 г. Важно, что от адекватности этих реакций и широты сознательной интегрированности общества зависит, в конечном счете, исход всей военной операции и целостности страны.

Одним из наиболее неожиданных явлений на первых этапах СВО стала невероятная инертность общества в целом. А поскольку СВО началась сразу после двух лет пандемии ковида, то отчасти обнаружился некий параллелизм и преемственность в реакции общества на два типологически разных дистресса. При этом было очевидно, что «ковидный» дистресс стал почвой для развития «военного» дистресса. Реакции на «ковидный» дистресс оказались сходными в разных государствах и системах – общество неизбежно проявляло «усталость» от страха и ковидных ограничений. Но в России это состояние отторжения негативного стресса 2020–2021 гг. неожиданно, без перерыва перетекло в стресс военный. Таким образом, ковид выступил в качестве весьма негативного фактора в психологическом отношении, предвзято военную операцию.

На субъективном уровне было несложно заметить, что реакция общества, во-первых, с самого начала не была единой, и, во-вторых, на протяжении прошедшего периода она постоянно изменялась в качественном и количественном отношении. Если в начале СВО большинство, сохраняя отчасти подсознательное отрицание ковидных ограничений, старалось просто игнорировать происходящее, полагая, что все само быстро возвратится в прежнее состояние, и только громко зазвучали голоса так называемых пацифистов и сторонников «европейских ценностей», то спустя год в общественном сознании стал ощущаться существенный сдвиг. С одной стороны, очевиден рост патриотически настроенных сторонников СВО, вырабатываются модели активной адаптации в виде самой разнообразной помощи

и участия. А с другой – четко проявилась поляризация позиций, кульминация которой связана с призывной кампанией. Объявление военного призыва вынудило реагировать на происходящее даже устойчиво инертную и безразличную ко всему общественному массу населения, которая привычно выбрала путь пассивной адаптации и игнорирования. Традиционно это инертная масса, отличающаяся порой так называемой выученной беспомощностью (что особенно ярко проявляется при доминирующем воспитании мальчиков матерями)¹ [Аршавский, Ротенберг 1984] и ориентированная на пассивную адаптацию. Эта группа предпочитает замкнуться в своем нежелании участвовать в новой реальности или, чаще всего бессмысленно и хаотично, бежит разными способами от проблемы. В данном случае это проявилось в виде панической миграции из страны, чтобы затем не менее хаотично, но осмысленно и тихо вернуться. Так, в выступлении на заседании Госдумы 14 февраля 2023 г. спикер Вячеслав Володин заявил, что «за время с момента отъезда <за границу> более 60% вернулось и работает вновь на тех предприятиях, где раньше были...»². Эта же инертная масса готова в любой момент принять даже позицию противника, если только ей будет обещано сохранение привычного состояния. Кстати, это то самое удивленное «а нас за шо?», которое теперь особенно часто приходится наблюдать на территории Украины. Инертная масса также становится способной на бессмысленную агрессию, если давление будет слишком сильным. По всей видимости, проблему «выученной беспомощности» на возникшем материале стоит исследовать в качестве социального явления, чего раньше не проводилось.

Таким образом, целью исследования стала фиксация состояния общественного мнения в отношении СВО на протяжении первого года, отслеживание динамики, а также исследование причин подобного поведения групп населения и выявление возможностей влияния на ситуацию. Решение поставленной задачи становится возможным благодаря применению междисциплинарного антропосистемного метода.

---

¹См.: Солнцева Н.Н. Феномен выученной беспомощности: причины формирования и пути преодоления // Universe-tss. 2018. 20 авг. URL: <https://universe-tss.su/main/chel/59970-solnceva-n-v-fenomen-vyuchennoy-besposmoschnosti-prichiny-formirovaniya-i-puti-preodoleniya.html> (дата обращения 17 февраля 2023).

²Володин: более 60% покинувших Россию вернулись обратно // ТАСС. 2023. 14 февр. URL: https://tass.ru/obschestvo/17044271?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 14 февраля 2023).

Опросы и их результаты

Для формального подтверждения субъективных наблюдений за происходящим и выявления динамики настроений в обществе были проведены исследования на основе опросов, которые начиная с февраля 2022 г. осуществлялись различными службами. Опросы позволили выделить группы населения, в большей или меньшей степени склонные к определенному типу реакций на СВО и выбирать соответствующие формы адаптации.

В качестве эмпирической основы были избраны социологические исследования, в которых содержались вопросы, выявляющие отношение россиян к СВО. Речь идет о следующих организациях:

- 1) Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)³;
- 2) Институт психологии Российской академии наук⁴;
- 3) компания КРОС⁵;
- 4) Russian Field⁶.

Проводя сравнительный анализ полученных в результате указанных опросов данных, следует оговориться, что, по мнению большинства исследователей, сама специфика опросов имеет некоторую степень погрешности, которая не позволяет с детальной точностью оценить уровень общественного мнения. В свою очередь, заметим, что опросы помогают как ученым, так и гражданам увидеть и определить ключевые векторы мнений различных социальных групп. Благодаря подобным «картам движения» общественного мнения интерпретация приобретает как научные, так и общественные смыслы.

---

³См.: Аналитический обзор: Десять месяцев СВО: оценка результатов // ВЦИОМ Новости. 2022. 29 дек. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/desjat-mesjacev-svo-ocenka-rezultatov> (дата обращения 12 января 2023).

⁴См.: В РАН выявили «парадоксальное» улучшение настроений россиян: Социологи разделили опрошенных на группы – от «разочарованных патриотов» до «фрустрированных» // РБК. 2022. 22 дек. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/12/2022/63a0a6389a79474ceec889e0> (дата обращения 12 января 2023).

⁵См.: Национальный индекс тревожности: Индекс тревожностей – спецпроект 2022 // КРОС. URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/3479/> (дата обращения 14 января 2023).

⁶См.: «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/svorussia> (дата обращения 17 января 2023).

Первое анализируемое исследование нашло свое отражение в статье И. Деготьковой, посвященной возрастающему оптимизму граждан России⁷, зафиксированному опросом Института психологии РАН. Само исследование пока не опубликовано, но благодаря ему стало возможным выделить некоторые актуальные для нашей статьи данные.

Сравнивая полученные данные в ходе опросов в начале спецоперации и в ноябре, можно утверждать, что наблюдается позитивное изменение общественного мнения в отношении перспектив России. Так, в частности, более чем на 10 пунктов вырос показатель позитивного отношения к будущему государства. Сам опрос состоял из трех вопросов, характеризующих перспективы жизни российского общества. Позитивная динамика наблюдается во всех трех ответах.

Также благодаря данному исследованию ученые из Института психологии РАН смогли составить и классифицировать типологические психологические портреты граждан нашей страны и выделить основные группы граждан, выражающих то или иное отношение к поставленной проблеме по ряду критериев. К ним относятся (данные представлены в процентном соотношении от общего количества опрошенных респондентов):

Первая группа: полагающиеся на государство оптимисты (28%). Основные характерные черты (в сравнении с большей частью опрошенных):

- возраст: как правило, старше 45 лет;
- пол: преобладающее большинство женщин;
- основные страхи: подрыв культурного кода страны на фоне роста преступности, терактов и притока мигрантов;
- высшее образование: не имеют;
- местожительство: малые города и села;
- уровень дохода: средний, высокий.

Вторая группа: фрустрированные (18%), т. е. люди, находящиеся в тревожном, депрессивном состоянии по отношению к действующей реальности. Основные характерные черты:

- возраст: каждый второй респондент в возрасте менее 35 лет;
- пол: преобладающее большинство мужчин;
- основные страхи: негативный сценарий развития событий внутри страны, ожидание репрессий со стороны государства и негативных экономических последствий спецоперации;
- высшее образование: имеют;
- местожительство: города-миллионники;
- уровень дохода: либо низкий, либо высокий.

---

⁷См.: В РАН выявили «парадоксальное» улучшение настроений россиян...

Третья группа: встревоженные реалисты (22%). Основные характерные черты:

- возраст: средний возраст 35 лет;
- пол: преобладающее большинство женщин;
- основные страхи: текущая ситуация в стране, выражающаяся в негативных последствиях спецоперации, в частности в страхе самоуправства государственных органов;
- высшее образование: данные отсутствуют;
- местожительство: данные отсутствуют;
- уровень дохода: низкий и средний.

Четвертая (заключительная) группа: разочарованные несправедливостью патриоты (32%)⁸. Основные характерные черты:

- возраст: старше 55 лет;
- пол: примерно одинаковое соотношение и мужчин, и женщин;
- основные страхи: утрата культурных традиций и социальный кризис;
- высшее образование: большинство опрошенных не имеют;
- местожительство: малые города и села;
- уровень дохода: низкий и средний.

Полученные данные позволяют нам сформировать общее представление о некоторых типах людей, живущих в нашей стране, а также наметить пути купирования их основных страхов. Безусловно, следует понимать, что это работа не одного дня, но правильно подобранные инструменты не только психологического взаимодействия/воздействия, но также социального, экономического и культурного могут сделать колоссальный прорыв в формировании здорового мышления.

Не менее интересными для нас представляются данные, опубликованные в спецпроекте компании КРОС «Индекс тревожностей»⁹. Выявление замеров происходит каждый квартал года, но в настоящее время на официальном сайте компании опубликованы данные в период с 24 февраля по 31 мая 2022 г. Примечательно то, что Индекс формируется благодаря анализу источников, опубликованных в социальных сетях и СМИ как по отдельности, так и в суммарных значениях.

В анализируемый период наиболее интересны данные, которые вошли в первые 10 пунктов полного опубликованного отчета Индекса¹⁰. Это обусловлено прежде всего необходимостью отследить господствующие страхи россиян в первые три месяца СВО. Следует также отметить, что в продолжающемся списке страхов, указанных

---

⁸ Там же.

⁹ См.: Национальный индекс тревожности...

¹⁰ Там же.

в Индексе, разрыв показателей с первыми 10 наименованиями значительно увеличивается.

В первой таблице представлены данные по суммарному индексу. Данный индекс рассчитывается сложением суммы медиа- и соцмедиаиндексов. В него вошли:

Таблица 1

№ п/п	Наименование	Суммарный индекс
1	Рост цен и дефицит товаров и лекарств	1873,16
2	Реакция общества на СВО и западные санкции	1678,16
3	Ход спецоперации	1654,43
4	Уход иностранных компаний	775,10
5	Усиление ограничений в интернете	581,66
6	Эскалация конфликта с Западом	538,62
7	Диверсии	527,70
8	Культура отмены России	507,70
9	Финансовая нестабильность и сокращение количества платежных систем	460,06
10	Реакция западных СМИ на действия Российской армии на Украине	456,56

Таблица 2

№ п/п	Наименование	Индекс переживаемости
1	Ход спецоперации	5,51
2	Усиление ограничений в интернете	3,66
3	Реакция общества на СВО и западные санкции	3,64
4	Уход иностранных компаний	2,42
5	Диверсии	1,72
6	Рост цен и дефицит товаров и лекарств	1,68
7	Реакция западных СМИ на действия Российской армии на Украине	1,62
8	Мобилизация	1,54
9	Эскалация конфликта с Западом	1,33
10	Финансовая нестабильность и сокращение количества платежных систем	1,14

Во второй таблице представлены данные по индексу переживаемости, рассчитанному по отношению соцмедиаиндекса к медиаиндексу.

На основании представленных данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, рассматривая суммарный индекс, можно заметить, что сама агенда в общем и целом включает в первую очередь социально-экономические вопросы. Люди обеспокоены ростом цен, возможным дефицитом лекарственных средств, теми ограничениями, которые коснутся непосредственно их в ходе блокировки интернет-ресурсов, ухода иностранных и привычных жителям нашей страны компаний. Во-вторых, при анализе таблиц становится очевидным, что ход спецоперации в первом случае занимает третье место, а в индексе переживаемости – первое. Это говорит, на наш взгляд, о том, что люди в социальных сетях высказываются более активно, в то время как в медиaprостранстве публикуется официальная точка зрения, не отражающая порой весь спектр общественного мнения. В-третьих, работу Правительства России по регулированию финансовой деятельности страны на фоне введенных против России экономических санкций (блокировка платежных систем, курс рубля, валютные скачки и т. д.) можно рассматривать в призме позитивной оценки обществом. Об этом свидетельствуют результаты как по суммарному индексу (460,06), так и по индексу переживаемости (1,14).

Большой проект по теме реакции общества на СВО представляет компания “Russian Field”¹¹. В 2022 г. она опубликовала 10 отчетов, посвященных данной теме. Конкурентным преимуществом данного исследования является возможность проанализировать реакции общества на спецоперацию в разные временные периоды и сделать выводы исходя из поставленных целей работы. В качестве метода исследования был выбран телефонный опрос граждан. Выборка каждого опроса не превышает 2000 респондентов (разного пола, социального статуса, места жительства и пр.). Вопросы меняются в зависимости от актуальной повестки дня (начало СВО, уход иностранных компаний, мобилизация и т. д.) в опрашиваемый период.

Анализируя первую волну опроса (конец февраля 2022 г.), можно сделать следующие выводы:

- 1) чем старше респондент, тем более положительную оценку государственной власти он транслирует;
- 2) более половины участников опроса поддерживают решение власти о начале СВО;

---

¹¹ См.: «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян...

- 3) в качестве инициатора эскалации конфликта большинство опрошиваемых граждан видит США (1-е место), Украину и НАТО (2-е место), Россию (3-е место);
- 4) материальная помощь от государства жителям Донбасса поддерживается большинством респондентов;
- 5) почти все респонденты, согласно опросу, хотя и поддерживают дружеские отношения с жителями Украины.

Основными характерными и отличительными чертами опроса второй волны¹² (5–7 марта 2022 г.) стали вопросы, посвященные психологическому (эмоциональному) состоянию граждан нашей страны. В целом можно отметить, что пессимистично настроенные граждане (30%) – это в первую очередь люди, не поддерживающие СВО, а также те, кто имеет на территории Украины родственные и/или дружеские связи. Интересно и то, что отражение негативного эмоционального состояния чаще встречается среди граждан определенного возраста, в частности среди молодых респондентов (18–29 лет). Это может свидетельствовать о многом, например, что в молодежных кругах принято анализировать информацию сквозь призму различных источников: социальные сети, группы, СМИ, признанные властями Российской Федерации иностранными агентами, и др. Крайне редко данная возрастная группа пользуется официальными источниками информации (государственные телевидение и интернет-ресурсы). На наш взгляд, примечательно и то, что во многом информация транслируется заведомо с конкретным контекстом, что лишает возможности анализировать ее не субъективно, опираясь на прочитанные данные, а в соответствии с теми мнениями, которые предлагают читателю авторы работ.

В период с 13 по 16 марта 2022 г. была проведена третья волна исследования¹³. Она также отражает в себе вопросы, касающиеся СВО. Примечательно, что с каждой новой волной опросов уровень поддержки гражданами спецоперации растет, но вклиниваются вопросы, наиболее ярко выраженные в данный период времени. В частности, санкции и личное финансовое благополучие. Данный показатель за исследуемый период вырос. Интересно, что последствия введения санкций на себе в большинстве своем ощущают люди с низким уровнем дохода, при этом значительная часть опро-

---

¹² См.: «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. Вторая волна (5–7 марта) // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/zamir> (дата обращения 17 января 2023).

¹³ См.: «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. Третья волна (13–16 марта) // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/beregiterossiy> (дата обращения 17 января 2023).

шиваемых затрудняется ответить на вопрос о том, кто является инициатором данных санкций, или, иными словами, по чьей вине и какова причина их начала. Это может свидетельствовать о низком уровне вовлеченности и знаний граждан и желании анализировать внешнюю информацию. Следующий интересный параметр для изучения, на наш взгляд, отобразился в показателях релокаций. Значительная часть респондентов (10%) отмечает, что их родственники, друзья и коллеги уехали или уезжают из страны.

Динамика проведенных опросов позволяет увидеть интересные данные, на которые стоит обратить внимание. В частности, в четвертой волне (23–25 марта 2022 г.)¹⁴ люди с низким доходом отмечают, что сталкиваются с дефицитом товаров, испытывают страх принимать участие в опросах, дают негативную оценку движения страны в правильном направлении чаще всего из всех респондентов. В пятой волне (13–15 апреля 2022 г.)¹⁵ все чаще мы можем наблюдать разделение общества на две группы: люди, поддерживающие СВО (чаще – мужчины, со средним и высоким уровнем дохода, старше 45 лет), и не поддерживающие – молодежь и люди с низким достатком. Последние, в свою очередь, создают впечатление того, что люди умышленно вгоняют в себя в депрессивное состояние, оправдывая текущее положение дел как первопричину собственной несостоятельности.

По результатам первых шести волн опросов, проходивших в период с 26 февраля по 5 мая 2022 г., компания Russian Field публикует проект «Портреты сторонников и противников военной операции»¹⁶.

Данный проект позволяет увидеть разницу в целевых показателях тех людей, которые поддерживают и не поддерживают СВО. К ним относятся: пол, возраст, доход, образование, регион, профессия и т. д.

На наш взгляд, ключевые отличительные черты удобнее отобразить в виде таблицы для составления некоего собирательного образа сторонников и противников СВО:

---

¹⁴ См.: «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. Четвертая волна (23–25 марта) // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/metavernis> (дата обращения 17 января 2023).

¹⁵ См.: «Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. Пятая волна (13–15 апреля) // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/mirumir> (дата обращения 17 января 2023).

¹⁶ Портреты сторонников и противников военной операции // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/portret> (дата обращения 20 февраля 2023).

Таблица 3

Показатели	Сторонники СВО	Противники СВО
Пол	Больше мужского	Больше женского
Возраст	30+ лет, с возрастом поддержка растет	18–29 лет
Доход	Все группы, кроме группы «малообеспеченные»: с ростом дохода поддержка растет	Все группы: с ростом дохода доля противников уменьшается (15%)
Образование	Вне зависимости от уровня образования доля сторонников выше (в среднем более 45%)	Вне зависимости от уровня образования доля противников ниже (в среднем не более 25%)
Регион (в первую очередь)	Дальний Восток	Москва, Северный Кавказ
Профессия (в первую очередь)	Правоохранительные органы	Работники науки

Далее респондентам задавались вопросы о готовности принять участие в СВО, поддержке родственников, которые участвуют или планируют участвовать в спецоперации, выезде за границу, о тех каналах информации, благодаря которым респонденты черпают информацию, и проч. В целом можно отметить, что характерными различными особенностями сторонников и противников спецоперации при формировании ответов на вопросы стали их личные позиции по отношению к ним. В частности, люди, поддерживающие СВО, готовы принять участие в спецоперации (84%).

Подводя итоги объемного проекта ««Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян»¹⁷, можно сделать следующие выводы. Во-первых, за период всех волн опросов (с апреля по ноябрь 2022 г.) мнения респондентов по отношению к СВО не носят критических изменений и находятся в рамках примерно одинаковых показателей, исключение составляет период объявления частичной мобилизации, но даже в этом случае показатели практически сразу выровнялись. Во-вторых, тенденция изменения

¹⁷ «Специальная военная операция» на Украине...

личного мнения респондентов по вопросам, относящимся к спецоперации, объективно отсутствует. Это может свидетельствовать, на наш взгляд, о том, что в большинстве своем общество выбирает следующую формулу: изменение мнения равно признание собственной неправоты, вследствие чего показатели общественного мнения на протяжении длительного периода не претерпевают критических изменений.

Вместе с тем следует отметить, что динамика проведенных исследований выявляет определенную тенденцию к росту поддержки СВО среди различных групп респондентов, что следует из результатов проведенных опросов в период с марта по ноябрь 2022 г. Данные результаты могут свидетельствовать как об эффективности работы органов государственной власти по информированию граждан о целях и ходе СВО, так и о росте в обществе негативных настроений по отношению к странам, наложившим санкции на Российскую Федерацию, вследствие чего простые граждане претерпели ряд ограничений в привычном образе жизни (уход с российского рынка крупных зарубежных брендов, невозможность пользоваться иностранными платежными системами и электронными сервисами и т. п.).

Инициативы населения

Вместе с тем к завершению года СВО можно говорить о массовой «самоорганизации» населения – возникло и явно продолжает увеличиваться количество различных групп помощи: военным на фронте, раненым в госпиталях, семьям бойцов, в целом населению новых территорий, беженцам, зоопаркам, брошенным домашним животным, образовательным и медицинским учреждениям. Причем отчетливо проявляется опасение оказывать эту помощь через организованные «сверху» структуры, аргументируя свою позицию тем, что в этом случае «деньги идут на содержание аппарата» или же «неизвестно куда». Все предпочитают делать помощь адресной и с конкретной обратной связью – очень важна ответная реакция в виде получения мини-видео с благодарностью от получателей помощи. Это касается даже самостоятельной организации кампаний перевозок с благотворительными грузами, где оплата зависит от благосостояния отправителя и большинство расходов покрывается самим организатором. Все группы помощи формируются исключительно по личному принципу, в частном порядке и адресно. Например: сбор и отправка обогревателей в города Донбасса (отопления нет и в сохранившихся домах температура равна уличной + 3° С);

самых разнообразных приборов, огнегасителей, ночного видения, дронов и т. д.; изготовление и отправка качественных спальных мешков и военной одежды; специальных теплых мешков для обездвиженных ног раненых; еды и одежды для оставшихся жителей; аптек и лекарств для военных; еды, лекарств и необходимого для животных зоопарков; литературы и оргтехники в университеты и школы; уход за ранеными в госпиталях и огромное количество других инициатив, которые трудно даже предвидеть, но всегда исходящих из личного опыта и знания конкретной ситуации со стороны организаторов подобных групп. Причем нет никакой зависимости от социального статуса, профессии или материального состояния помогающих – это и очень богатые люди, и так называемый «средний класс», и пенсионеры, отдающие последние 300 рублей. Причем помощь оказывается чаще всего совершенно не публично, как и выступления некоторых артистов.

Подобные массовые инициативы снизу вызваны, в частности, и тем обстоятельством, что «отвечающие за взаимодействие» чиновники, как правило, сами даже не пытаются выехать на новые территории и прояснить ситуацию на месте, ограничиваясь весьма сомнительными источниками информации, оправдывающими их нежелание и неумение делать что-либо по собственной инициативе. Эта позиция «руководящих» организаций неизбежно вызывает естественное недоверие со стороны желающих помочь и раздражение из-за отсутствия реальной информации хотя бы по логистике взаимодействия. Так, с сентября по декабрь 2022 г. нами предпринимались безуспешные попытки выяснить реальную ситуацию с вузами новых территорий, и в конечном счете пришлось окольными путями связываться с сотрудниками (в данном случае Мариупольского университета) и ехать туда буквально с разведкой, на свой страх и риск. И все это, чтобы обнаружить, что ничего сложного и запредельно опасного в подобных операциях нет, а ситуация на месте требует незамедлительного *ведомственного* вмешательства и вполне доступного содействия. В результате университету Мариуполя начала оказываться разносторонняя помощь практически в частном порядке со стороны РГГУ, в которой сразу же приняли активное участие большое количество людей, продолжавших до появления реальной возможности помочь оставаться в инертном состоянии ожидания «указаний». Эта ситуация свидетельствует, скорее, уже не об инертности общества, а о наблюдаемом определенном параличе среднего звена власти. И эта странная позиция властных структур, воплощающих в определенном смысле власть, неизбежно оказывает при опросах свое негативное влияние на рес-пондентов.

Немного истории для сравнения

Итак, мы получили некоторое представление о динамике изменения общественного мнения и общественной позиции за год проведения СВО. С одной стороны, полученные данные вызывают определенное недоумение – неизбежность начала войны была очевидна, упреждающее наступление предотвратило куда как более крупные для страны потери, в том числе человеческие, которые неизбежно затронули бы всех. Казалось бы, общество сразу должно было сплотиться, но выяснилось, что динамика этого процесса развивается по своему собственному алгоритму.

Естественно, что всплывают исторические параллели, нашедшие отражение не в исследованиях – тогда их попросту не проводили, – а прежде всего в художественной литературе. В частности, совершенно по-новому оцениваются (и понимаются) рефлексии героев бессмертного романа «Война и мир» Л.Н. Толстого, вскрывая в событиях двухсотлетней давности ровно те же проблемы реакции «мира» на войну, которые мы наблюдаем и изучаем сейчас.

Рефлексии по поводу Первой мировой не нашли своего столь полного отражения в русской литературе, поскольку, видимо, оказались вытеснены вскоре последовавшим более глобальным для страны событием – Революцией. Однако состояние общества можно представить на примере судеб писательско-поэтического сообщества этого времени. Так, в интернет-публикации Д. Шеварова рассматривается позиция поэтов «Серебряного века», где одни вели себя достойно и безупречно – Николай Гумилев, Бенедикт Липшиц, сразу отправившиеся на фронт и исполнившие до конца свой долг. Причем Гумилев имел до этого «белый билет», но сумел добыть фальшивое медицинское заключение о том, что полностью здоров – и честно защищал Россию¹⁸.

А вот призванный Сергей Есенин, не пробыв и полугодом санитаром в военном эшелоне, позорно бежал, став дезертиром. Владимир Маяковский совсем было собрался на войну, но вдруг вовремя понял, что война – «кровавая бессмысленная свалка, в которую

---

¹⁸ См.: *Шеваров Д.* Добровольцы и дезертиры: Война разделила лучших поэтов Серебряного века на два непримиримых лагеря // Российская газета. 2018. 8 нояб. URL: <https://rg.ru/2018/11/08/rodina-vojna-razdelila-poetov-serebrianogo-veka.html> (дата обращения 10 февраля 2023).

ринулись народы». И остался в сытом Петербурге заниматься творчеством и проповедовать пацифизм¹⁹.

Одинаково трусливо повели себя О. Мандельштам, К. Чуковский, продолжавшие наслаждаться привычной комфортной жизнью в столице, по сути, игнорируя при этом войну. Вместе с Чуковским «весело», по воспоминаниям, съездили в Лондон в 1916 г. «укреплять издательские связи» А. Толстой, В. Набоков, С. Маковский.

Даже небольшая выборка из одного социального среза показывает соотношение людей с активной жизненной позицией и преобладающую инертную массу, пассивно адаптирующуюся ко всему – лишь бы ничего не менять в своем существовании. В целом общая схема общественного состояния, по всей видимости, была весьма сходна с ситуацией, которую как раз воспроизвел Ярослав Гашек в «Похождениях Бравого солдата Швейка»²⁰, где каждый персонаж ярко воплощает определенный типаж представителей общества в период войны.

И литература, посвященная Великой Отечественной войне, как оказывается, совсем не случайно постоянно возвращалась к теме предательства во всех его видах – от стремления отгородиться от реальности до перехода на сторону врага. Анатомию этого процесса предельно точно показал Василь Быков в повести «Сотников»²¹. И подобных произведений после войны появилось немало, что свидетельствует о непреходящей ценностной востребованности обществом подобных рефлексий.

В чем же причина подобного векового однообразия восприятия обществом войны? Совершенно очевидно, что речь идет о некоем системном процессе, формирующем как типовую реакцию общества на глобальный стресс, так и динамику ее изменений. Этот процесс имеет антропосистемное происхождение.

---

¹⁹ См.: В.В. Маяковский в годы Первой мировой войны // Сайт-энциклопедия литературных произведений. URL: https://www.lit-helper.com/p_V_V_Mayakovskii_v_godi_Pervoi_mirovoi_voini (дата обращения 10 февраля 2023).

²⁰ Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. М.: Художественная литература, 1967. 698 с.

²¹ Быков В. Третья ракета; Альпийская баллада; Сотников. М.: Молодая гвардия, 1972. 336 с.

Антропосистема как арена исторического процесса

Объектом антропосистемного подхода является целостная история человечества Земли с момента возникновения *homo sapiens*, начавшего коллективно создавать искусственную среду обитания [Ершова 2003]. Человек обладает едиными, достоверно присутствующими только ему возможностями познания окружающего мира и воздействия на него, активно адаптируясь к условиям агрессивной биосреды, в условиях роста населения и агрессивной конкуренции соседей, создает сложную искусственную систему, обеспечивающую ему выживание – антропосистему (далее – АС). Важный системный признак АС – это самоорганизация, а основным принципом самоорганизации, развития и устойчивости АС становится движение.

АС возникает из биосферы в качестве уровня системы (фито-, зоо-), которая, в свою очередь, выделяется из органического мира, являющегося формой самоорганизации неорганического мира, единого по физико-химическим свойствам для микро- и макрокосма, неся в себе единые законы самоорганизации, основанные на функциональной асимметрии (функция сохранения / функция изменения состояния системы), приводящей к качественным изменениям системы за счет изменения морфологии (смены форм симметрии). Все это в полной степени относится и к социосистеме, предположительно последнему из трех уровней организации АС.

В каждой из трех уровней входят: функционально асимметричный элемент (функциональная асимметрия по принципу «сохраняющее» – «изменяющее»), в присутствии третьего «несистемного» элемента, которым является пространство. Без него невозможна функциональная асимметрия ни на одном из уровней, поскольку именно пространство (территория) является фактором энергообеспечения каждого из уровней. Тем самым третий, «пространственный», компонент выступает в качестве катализатора или ингибитора всех процессов системы.

Первый: *головной мозг* (функциональная асимметрия: правое – левое полушария). Функции мозга реализуются посредством человека как сложной системы.

Второй: *социорепродуктивная пара* в разных исторических формах семьи (функциональная асимметрия: женское – мужское). Функции реализуются на артефактном пространстве жилища-хозяйства. Основная функция – биосоциальное воспроизведение потомства, которое приобретает новые биологи-

ческие характеристики (фенотип), а также усваивает знание и технологии предыдущих поколений и создает новые для освоения территории и ресурсов – иначе не обеспечивается развитие социума.

Третий уровень для нас сейчас наиболее интересен: *социум* (функциональная асимметрия: народ – власть). Функции реализуются на естественно-артефактном пространстве «территория». Принцип территориального поселения социума исторически воплощается в оппозиции: столица (город) – провинция, где последняя несет системосохраняющую функцию, а город – системоизменяющую [Ершова 2000]. Естественно, что всякая инновация порою проходит очень долгий путь от концентрирующей передовые разработки столицы до самых удаленных регионов страны, прежде чем быть усвоенной всем населением. При этом с развитием средств коммуникации этот процесс становится все более динамичным [Ершова 2012].

Естественно, что действия третьего уровня включают организованную совокупность интегрированных уровней.

Наивысшим выражением функции сохранения состояния системы являются инновации или развитие, т. е. изменение состояния системы ради обеспечения ее устойчивости. Подсистемы выживают только в случае технологически-интеллектуального опережения соседей. Выживает та подсистема, которая доказывает свое превосходство (военное, экономическое, интеллектуальное, технологическое, организационное, информационное) над конкурентом – через устойчивое увеличение средней продолжительности жизни при снижении разницы между мужским и женским показателем. Стоит подчеркнуть, что именно военные технологии стали первыми и решающими в истории человечества и вовсе не утратили своей приоритетной значимости. Хорошо известно, как в 1980–1990-е гг. России со стороны Запада отнюдь не случайно навязывалось в первую очередь разрушение наиболее передового из существовавшего в национальном военном комплексе страны. Последствия сказываются до сих пор.

Важно отметить, что соотношение *нового к старому* должно придерживаться следующей пропорции: 30% изменений и 60% существующей основы. Если же сохранение традиций стремится к 100%, то система стагнирует и умирает. И если инновации превышают свои 30%, то система теряет устойчивость и разваливается.

Скорость продвижения инновационных моделей *внутри* самой системы является исключительно важным фактором прогрессивного развития. И вот тут возникает главная для нас

проблема – как именно заставить *весь* социум принимать и быстро осваивать инновации. Одним из факторов включения всего социума в новую реальность становится грамотное преподнесение «нового», чтобы на индивидуальном уровне оно не разрушало базовых традиций и внутренних личных установок большинства населения.

Что влияет на личность при принятии коллективного решения

На этот вопрос трудно найти однозначный ответ. Однако можно выделить несколько важных факторов. Один из них связан с психофизиологическими характеристиками и наличием фактора *поисковой активности*. Поисковая активность человека – это механизм, который заставляет мозг выбирать активную или пассивную модель адаптации. По мнению В.С. Ротенберга и В.В. Аршавского, уникальность потребности поисковой активности у человека заключается в ее принципиальной ненасыщенности, ибо это потребность в самом процессе постоянного изменения. Еще одним отличием от поисковой активности животных у человека является *коллективная деятельность* [Аршавский, Ротенберг 1984]. Отсюда вытекает исключительная по значимости роль поисковой активности, являющая собой биологически обусловленную движущую силу саморазвития каждого индивида. Выживание в условиях стресса любой популяции и прогресс человеческого коллектива во многом зависят от выраженности поисковой активности. *Поэтому отказ от поиска, пассивно оборонительное поведение является биологически вредным не только для индивида и для популяции, а что еще важнее, для прогресса в целом* [Аршавский, Ротенберг 1984]. Опыты с животными, наподобие «Вселенная-25»²², показали, что в любой популяции есть не более 6% представителей, обладающих ярко выраженной поисковой активностью и стремлением к активной адаптации. Они, «альтруисты», по определению В. Аршавского, в нормальных условиях становятся вожаками группы. В условиях стресса эти 6% не принимают условия сиюминутного комфорта и, рискуя своей жизнью, стремятся физически вскрыть замкнутые

---

²² См.: Утопия для мышей: 53 года эксперименту «ВСЕЛЕННАЯ-25» // Портал «Научная Россия». 2021. 9 июля. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/utopiya-dlya-myshej-53-goda-eksperimentu-vsennaya-25> (дата обращения 13 февраля 2023).

пространства. Это закон выживаемости популяции, для которой необходимы потенциальные пространства для биологического воспроизводства будущих поколений. Однако в условиях стресса инертное большинство «эгоистов» (в опыте с крысами) готово «сожрать альтруистов», израненных в поисках выхода из запертого рая²³.

Для людей с выраженной поисковой активностью социальный стресс неизбежно становится поводом для поисков коллективного выхода из возникших проблем. Именно такие люди и становятся лидерами, за которыми даже бессознательно будут следовать остальные. Однако если люди с ярко выраженной поисковой активностью сами активно включаются в поиск решений, то инертное большинство будет до последнего сопротивляться, охраняя свое личное пространство. И даже проявлять агрессию, если это пространство будет затронуто. Вне всяких сомнений этот феномен инертности нашел свое отражение в проведенных опросах, где наблюдается лишь постепенное включение общества в процесс поддержки СВО, реализуемой, если пользоваться физиологическим термином, в целях спасения всей популяции.

Есть еще одна важная характеристика в области коллективного поведения. Она основывается на двух принципах. Один из них – тот самый биологический принцип «следования за вожаком». Он хорошо прослеживается у стадных животных – как только вождь бросается бежать, так тут же за ним без раздумий бросается вся группа (стая, стадо, табун, прайд и т. д.). Это важный, сформировавшийся за миллионы лет эволюции, необходимый закон выживания популяции. Человеческий коллектив, наследник групповых коллективов приматов, с самого начала формировался по тому же принципу: лидер становился для коллектива безусловным образцом для подражания и следования. Да, собственно, это и продолжает являться очевидностью, когда коллектив ждет «сигнал» от лидера. И если такой сигнал не поступает или оказывается ложным, то лидер начисто утрачивает свои позиции, а коллектив ищет нового лидера.

При этом болезнь общества проявляется в самой возможности появления и сохранения слабого, недееспособного, некомпетентного лидера – как это отчетливо наблюдается сейчас в США. Кстати, так утратил лидерство в общественном понимании Николай II, кульминация безволия которого и неумение принять необходимые решения особенно проявились во время Первой мировой войны.

---

²³ Аршавский В.В. Конспекты к семинарам по физиологии активности человека. Рига: Балтийский ин-т, 2000. 145 с.

Даже всемогущему Сталину народ не простил (и не забыл) того, что о начале войны сообщил стране не он сам, а другое, менее значимое лицо. Слабость, некомпетентность, страх и предательство интересов народа обществом лидеру никогда не прощает. Неслучайно фраза из сказки Р. Киплинга про Маугли «Акела промахнулся» вошла в речь, иносказательно означая утрату бывшим лидером своих прежних позиций.

Возвращаясь к проблеме воздействия на коллектив, необходимо отметить, что если брать в целом власть как выражение *коллективного лидера*, то инертность среднего управляющего звена становится просто преступной, поскольку вызывает со стороны народа полное отторжение власти. Этот феномен тихой блокировки задач верховной власти со стороны среднего звена можно назвать «синдромом безволя среднего звена», которое способно убить любую государственную инициативу, что особенно опасно сейчас в военное время. Инстинкт популяционного самосохранения подсказывает, что коллектив без лидера становится чрезвычайно уязвимым. Сейчас, если судить по результатам, полученным во время опросов, эта опасность, провоцируемая инертностью среднего звена управления, становится особенно очевидной.

В 2017 г. одним из авторов этой статьи был опубликован анализ, касающийся перспектив развития общеполитической ситуации и адаптации к этим изменениям населения [Ершова 2017]. Собственно, статья была посвящена расчету времени очередного переустройства мира, который по экспоненциальному росту в развитии АС выводил на момент социальной сингулярности в неожиданную для всех дату 2025 г. [Ершова 2017, с. 13–15], а также анализу признаков формирования и подготовки этого события, включая то, как население может адаптироваться к подобным переменам. Причем эта скорая дата передела мира возникала и в более ранних публикациях [Ершова 2017; Ершова 2013], но совершенно не воспринималась всерьез даже автором. По сути, речь шла о неизбежности начала глобальной войны, что невозможно было представить как реальность.

Стоит заметить, что иными расчетами, но к тем же выводам пришли и участники саммита Университета сингулярности (под эгидой GOOGLE и NASA) в 2012 г., предлагая дату 2030 г., которая самим авторам тоже казалась невероятной [Ершова 2017], т. е. коллективный Запад загодя осознал неизбежность передела мира и начал к нему подготовку.

Поскольку 2022 г. подтвердил расчеты этого серьезного процесса и в результате приходится заниматься как раз решением

наступивших проблем адаптации населения, то позволим себе процитировать некоторые положения, которые объясняли в 2017 г. *будущую* ситуацию, уже предполагая возможный военный конфликт, который мы спустя пять лет и наблюдаем.

Речь шла о том, что социальные катаклизмы нарушают устойчивые границы личного пространства человека. Они подразумевают перемены, которые с собой несут: экономическую нестабильность и уменьшение доходов, снижение качества жизни, увеличение опасности для личности человека и его близких [Ершова 2011а]. Личность начинает ощущать приближающуюся угрозу уже в период подготовки конфликта – через навязываемый извне особый дискурс, нацеленный на разрушение картины мира и провоцирование страха, рассчитанного как раз на паралич воли населения к моменту развязывания конфликта.

Разрушение картины мира становится катастрофой, которая, на первый взгляд, кажется не столь очевидной, но может оказаться куда более разрушительной, нежели сами военные действия. Картина мира – это не только комплексное описание мира и места в нем самого человека, а также законы мироустройства. Это прежде всего субъективное представление человека о мире и месте в нем самого человека. На эту очень личную «картинку» накладываются системные объективные факторы, среди которых: биологическое регулирование брачных отношений и социобиологическое воспроизводство потомства, инстинкт самосохранения, социальная организация и нормы отношений членов общества, правила поведения и ритуально-организационная жизнь.

Все это издревле расценивалось человеческим коллективом как часть постоянного мира и потому считалось таким же неприкосновенным и обязательным для выполнения, как и все прочие обнаруженные в мире законы. Отклонение от выполнения этих правил и норм издревле было чревато для личности полным разрушением всего мироздания [Ершова 2011b]. России не случайно пришлось принять в последние годы целый ряд законов, ограничивающих этот разрушительный дискурс.

Результаты проведенных опросов заставляют признать, что респонденты во всей полноте стали заложниками не столько происходящих трансформаций, сколько совершенно чуждой и агрессивной идеологии глобализма. Не добавляло комфорта и ощущение признаков неустойчивости мировой системы: «усиление борьбы за энергоносители и территории; провоцирование конфликтов всех уровней, вплоть до интервенций; попытки нарушения геополитического равновесия; бездействие, игнорирование и откровенное нарушение всех международных договоренностей, составлявших

правовую защиту устойчивости системы; подрыв экономических основ равновесия с целью оказания давления; размывание понятия закона на всех уровнях через очевидное применение принципа двойных стандартов». Не говоря уже об «активном использовании новых технологий для продвижения чуждого политического дискурса, в том числе провокационного для навязывания однополярного взгляда на происходящее» [Ершова 2017].

Если в 2017 г. геополитическое противостояние воспринималось, как правило, лишь опосредованно информационно, то в настоящее время реальностью стали военные действия, принимающие все более широкий и агрессивный характер со стороны западных стран по отношению к России. Сейчас совершенно очевидно, что Россия не уступила экономическому (в области спорта, медицины, культуры и т. д.) давлению, что заведомо негативно давно начало сказываться на общем настроении. Тем не менее надо признать, что российское общество не отказалось от противостояния противнику из-за очевидной угрозы утраты независимости, на что и было нацелено все это давление извне. Совершенно очевидно, что в негативном дискурсе использовались и продолжают использоваться западные идеологические медиа-инновации, нацеленные непосредственно на личность.

Даже без военных действий информационный фактор, и особенно экономический, превратился в «мощный стрессор, негативно сказываясь на настроении каждого и общества в целом, вызывая нервно-психический дистресс. Все это непосредственно затрагивает личность, приводя ее в неустойчивое состояние отказа от поисковой активности. При этом инновации идеологического вмешательства так или иначе, чаще совсем неосознанно, усиливают эти личностные трансформации, меняя отношения в социуме и заставляя пересматривать принятую в этом обществе картину мира» [Ершова 2017, с. 18–19]. Результаты дистресса очевидны в ответах респондентов.

Заключение

Результаты опросов, проведенных с марта по ноябрь 2022 г. среди различных групп респондентов, в целом показали позитивную динамику в отношении поддержки населением спецоперации и будущего государства. При этом следует отметить ожидаемую инертность большинства, объясняемую рядом системных факторов. Одни из них относятся к социобиологическим закономерностям антропосистемного характера. Кроме того, по всей видимости,

стоит обратить самое серьезное внимание на психопедагогическую проблему «выученной беспомощности» не в индивидуальном, а в социальном плане. Важный социально-политический фактор заключается в кадровой политике в отношении управленческой прослойки государства – сюда, в первую очередь, относится инертность представителей средних управленческих структур, что позволяет говорить о «синдроме безволя среднего звена власти», причем во всех сферах деятельности. Это, безусловно, зачастую деморализует население и тормозит интегрирование людей в процесс поддержки спецоперации.

Вопреки инертности (иногда откровенного противостояния) среднего управленческого звена, которое должно было бы взять на себя инициативу организации масс населения для содействия СВО, многие активные члены общества в индивидуальном порядке перешли к невероятной по масштабу самоорганизации с целью оказания самой разнообразной помощи, в которой принимает участие все большее количество населения. Стало очевидным, что именно активное участие в поддержке СВО заставляет людей уйти из инертной зоны и становится хорошей терапией против страхов.

Необходимы уже сейчас специальные методики и инструменты комплексного психологического, социального, экономического и культурного воздействия. Это помогло бы обеспечить прорыв в формировании психической устойчивости, избегания состояния навязанной беспомощности, формирования здорового мышления общества.

Литература

- Аршавский, Ротенберг 1984 – *Аршавский В.В., Ротенберг В.С.* Поискшая активность и адаптация. М.: Наука, 1984. 125 с.
- Ершова 2000 – *Ершова Г.Г.* Цивилизационные процессы: урбогенез в Старом и Новом Свете // Развитие цивилизации в Новом Свете. М.: РГГУ, 2000. С. 8–29.
- Ершова 2003 – *Ершова Г.Г.* Асимметрия зеркального мира. М.: РГГУ, 2003. 260 с.
- Ершова 2011а – *Ершова Г.Г.* Конфликт как закон развития системы: Дискурсивные практики подготовки конфликта // Конфликт в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2011. С. 11–27.
- Ершова 2011б – *Ершова Г.Г.* Роль научного знания в развитии антропосистемы // Цивилизация знаний: проблема человека в науке XXI века: Труды 12-й Международной научной конференции, г. Москва, 22–23 апреля 2011 г. М.: Росоноу, 2011. С. 16–28.

- Ershova 2012 – *Ershova G.G.* Антропосистема: коммуникативные модели и регулируемая интеграция // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 11–25.
- Ershova 2013 – *Ershova G.G.* Воспроизводство научного знания и технологий как характеристика антропосистемы // Мир психологии. 2013. № 3 (75). С. 50–66.
- Ershova 2017 – *Ershova G.G.* Проблемы адаптации и дезадаптации в период смены эпох // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса. М.: Академический проект, 2017. С. 9–30.

References

- Arshavskii, V.V. and Rotenberg, V.S. (1984), *Poiskovaya aktivnost' i adaptatsiya* [Search activity and adaptation], Nauka, Moscow, USSR.
- Ershova, G.G. (2000), “Civilization processes. Urban genesis in the Old and New Worlds”, in *Razvitie tsivilizatsii v Novom Svete* [Development of civilization in the New World], RGGU, Moscow, Russia, pp. 8–29.
- Ershova, G.G. (2003), *Asimetriya zerkal'nogo mira* [Asymmetry of the mirror world], RGGU, Moscow, Russia.
- Ershova, G.G. (2011), “Conflict as a law of the system development. Discursive practices in preparing a conflict”, in *Konflikt v yazyke i kommunikatsii* [Conflict in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 11–27.
- Ershova, G.G. (2011), “The role of scientific knowledge in the development of the anthroposystem”, *Tsivilizatsiya znanii: problema cheloveka v nauke XXI veka: Trudy 12-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Moskva, 22–23 aprelya 2011 g.* [Civilization of knowledge. The issue of man in science of the 21st century. Proceedings of 12th International Scientific Conference, Moscow, 22–23 Apr. 2011], Rossiiskii novyi universitet, Moscow, Russia, pp. 16–28.
- Ershova, G.G. (2012), “Anthroposystem. Communication models and regulated integration”, *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, no. 4, pp. 11–25.
- Ershova, G.G. (2013), “Reproduction of scientific knowledge and technology as a characteristic of the anthroposystem”, *World of psychology*, vol. 75, no. 3, pp. 50–66.
- Ershova, G.G. (2017), “Issues of adaptation and maladaptation during changing eras”, in *Sotsiokul'turnye resursy cheloveka kak sposob aktivnoi adaptatsii: povedencheskie strategii v usloviyakh sotsial'nogo stressa* [Sociocultural resources for a person as a way of active adaptation. Behavioral strategies under conditions of social stress], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia, pp. 9–30.

Информация об авторах

Галина Г. Ершова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ga.gav@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4607-6436

Анна А. Кулешова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kysakina.anna@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0008-8551-2748

Information about the authors

Galina G. Ershova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ga.gav@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4607-6436

Anna A. Kuleshova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kysakina.anna@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0008-8551-2748

Развитие путей сообщения Северного Причерноморья в начале XX в.

Александр С. Сенин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kiguoo@rggu.ru*

Аннотация. В статье дана характеристика транспортной системы Новороссии и Крыма в начале XX в.: состояние и функционирование гужевого, железнодорожного и речного транспорта в Екатеринославской, Таврической, Херсонской и юго-восточной части Харьковской губерний. Показано влияние природно-климатических условий на развитие транспорта. На основе широкого круга источников и научной литературы рассмотрены планы шоссейного строительства, улучшения судоходства по Днепру, Южному Бугу, Северскому Донцу, проекты новых железных дорог, моста через Керченский пролив. Подчеркнута роль транспорта в превращении юга России во вторую горно-металлургическую базу страны, в один из ведущих индустриальных центров Российской империи. Отмечены результаты обсуждения состояния дорожной сети и охраны водных ресурсов страны в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, роль земских учреждений в строительстве и эксплуатации местной дорожной сети, значение специального Дорожного фонда. Охарактеризовано техническое состояние речного и железнодорожного хозяйства.

Ключевые слова: Российская империя начала XX в., Екатеринославская губерния, Херсонская губерния, Таврическая губерния, Новороссия, Крым, гужевой транспорт, речной транспорт, железнодорожный транспорт, Министерство путей сообщения

Для цитирования: Сенин А.С. Развитие путей сообщения Северного Причерноморья в начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 235–253. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-235-253

Development of communications of the Northern Black Sea region at the beginning of the 20th century

Alexandr S. Senin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dep_kiguoo@rggu.ru*

Abstract. The article gives description of the transport system of Novorossia and Crimea at the beginning of the 20-th century: the state and functioning of horse-drawn, rail and river transport in the Ekaterinoslav, Taurida, Kherson and southeastern parts of the Kharkov provinces. It shows the influence of natural and climatic conditions on transport development. Based on a wide range of sources and scientific literature the author considers plans for highway construction, improvement of navigation along the Dnieper, Southern Bug, Seversky Donets, projects for new railways, the bridge across the Kerch Strait. He notes the role of transport in the transformation of the south of Russia into the second mining and metallurgical base of the country, into one of the leading industrial centers of the Russian Empire. The results of the discussion of the state of the road network and the protection of the country's water resources in the work of the Special Council on the needs of the agricultural industry, the role of zemstvo institutions in the construction and operation of the local road network, and the importance of the special Road Fund are noted. The article also characterizes technical condition of the river and railway infrastructure.

Keywords: Russian Empire at the beginning of the 20-th century, Yekaterinoslav province, Kherson province, Tauride province, Novorossiya, Crimea, horse-drawn transport, river transport, railway transport, Ministry of Railways

For citation: Senin, A.S. (2023), "Development of communications of the Northern Black Sea region at the beginning of the 20th century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 2, pp. 235–253, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-235-253

Введение

Вхождение в 2022 г. в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей вызвало закономерный интерес к истории этого обширного региона. В данной статье предпринята попытка дать оценку состояния транспортной инфраструктуры в начале XX столетия.

Северное Причерноморье от Прикубанья до Бессарабии (Новороссийский край) вошло в состав России в результате многочисленных русско-турецких войн в XVIII–XIX вв. В ходе российских революций и Гражданской войны все новороссийские земли оказались в составе Украинской Советской Социалистической Республики. Понятие «Новороссия» постепенно ушло из официального употребления и научной литературы. В отечественной историографии регион изучался как часть Украины.

Новороссия снова оказалась в центре внимания после государственного переворота на Украине в 2014 г. За прошедшие годы на тему Новороссии, ее прошлого и будущего, написаны десятки книг и сотни статей, в основном научно-популярного и публицистического характера. Наиболее глубоким исследованием на данный момент является фундаментальный труд сотрудников Института российской истории Российской академии наук «История Новороссии»¹. В постсоветский период историков не интересовали отрасли народного хозяйства, частью которых была экономика Новороссии. Теперь это предмет исследований историков из республик бывшего СССР, и книги, за редким исключением, выходят на национальных языках республик.

В статье дана характеристика транспортной системы Северного Причерноморья в начале XX в.

Сухопутный и водный (речной) транспорт

Пути сообщения в России не имели единого центра управления. В процессе огосударствления железных дорог в последней четверти XIX в. в Северном Причерноморье не осталось крупных частных железнодорожных линий. Казенные железные дороги управлялись Министерством путей сообщения (МПС). Береговая инфраструктура речного транспорта (пристани, порты, каналы, шлюзы, затоны и прочее), за редким исключением, также находилась в ведении Министерства путей сообщения. Суда при этом были преимущественно частными. Основные местные дороги – внутригубернские почтовые, торговые пути и военные сухопутные сообщения – находились в ведении Министерства внутренних дел. Все остальные сельские и полевые дороги (в основном грунтовые) в 70-е годы XIX в. переданы в управление и эксплуатацию земским

---

¹См.: История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров; Рос. ист. об-во; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М., 2017.

учреждениям. И лишь общеимперские шоссейные дороги подчинялись Министерству путей сообщения².

Общее наблюдение за состоянием сухопутных и водных путей сообщения осуществляли чиновники округов путей сообщения. Транспортная инфраструктура Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерний находилась в ведении Киевского округа путей сообщения. На рубеже XIX–XX вв. некоторые участки шоссе были переданы органам земского и городского самоуправления. Например, часть Южнобережного шоссе в Крыму, проходившего по территории Севастополя [Сенин 2016а].

Основным перевозчиком местных грузов оставался гужевой транспорт. Он доставлял грузы к железнодорожным станциям и речным пристаням, торговым ярмаркам, осуществлял внутригородские перевозки, в том числе со станционных дворов грузополучателям. На заре XX в. специалисты называли Россию «классической страной бездорожья»³. 32% населенных пунктов поддерживали связь с внешним миром только верховыми и пешеходными тропами. Подчас до ближайшей грунтовой дороги нужно было идти пешком до 80 верст. Проселочные дороги, в том числе в южных российских губерниях, часто были столь узкими, что две подводы с трудом могли разъехаться. Большинство сельских дорог были глинистыми и черноземными. Из-за дождей и снега такие дороги с ноября по апрель были непроездными. Население старалось приспособиться к этим условиям. Например, делали телеги такой вместимости, чтобы возчик мог из грязи вытащить ее руками [Сенин 2016а].

В 1906 г. были опубликованы «Технические правила производства работ по ремонту шоссе». Частичный ремонт предполагал заделку щебнем выбоин, ям и других неровностей, образующихся на шоссе под воздействием проезжающих. Сплошной ремонт означал новую укладку щебня, с уплотнением катками. Каменный материал для дорог добывался путем раздробления валунов. Каменоломен в России было мало. Свыше 70–75% всей добычи камня приходилось на 12 губерний. Наибольшее количество камня давала Херсонская губерния [Кудрявцев 1951, с. 253]. Имея значительное количество месторождений строительных материалов, Россия ввозила из-за границы камень, песок, кирпич, глину, известь и др.

В январе 1902 г. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте было созвано межведомственное Особое совещание о нуждах сель-

---

²См.: Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 520, 1367–1375.

³Мейен В.Ф. К вопросу о гужевых дорогах. СПб., 1909. С. 1.

скохозяйственной промышленности. 9 февраля 1902 г. совещание приняло решение об организации в стране местных комитетов для сбора достоверных данных о проблемах сельского хозяйства. Всего было образовано 618 комитетов (82 губернских и 536 уездных). В их работе участвовало свыше 13 тысяч человек⁴. По итогам работы были составлены своды, касающиеся отдельных вопросов, включенных в программу изучения комитетов, в том числе о состоянии путей сообщения. На относительное благополучие с местными сухопутными дорогами указали лишь отдельные местные комитеты, например Лебединский комитет Харьковской губернии и Перекопский комитет Таврической губернии. Большинство же отмечало крайне неудовлетворительное состояние проселочных дорог. Об этом сообщали комитеты Киевской, Харьковской, Черниговской, Бессарабской, Екатеринославской и Херсонской губерний. Так, в докладе Бердичевского комитета Киевской губернии говорилось: «На караванных трактах от многолетней езды образовались на месте дорог узкие, глубокие канавы, так что в ночное время опасно ехать. Весною и осенью бывает такая невылазная грязь, что пассажирам приходится идти с вокзалов пешком, ибо лошади не в силах вытащить тележку из грязи. Иногда по целому месяцу и больше нельзя брать груза с железнодорожной станции, потому что нельзя к ней проехать»⁵. Многие комитеты (например, Полтавской и Херсонской губерний) отмечали неудовлетворительное состояние мостов, гатей и других дорожных сооружений. Указывая на плохое состояние большинства грунтовых дорог, комитеты справедливо отмечали, что это препятствует эффективной работе железных дорог и водных путей. «Сеть железных дорог, – говорилось в докладе по Херсонской губернии, – насколько бы обширна она ни была, и каких бы затрат из средств государственного казначейства на сооружение их ни требовала, не может все-таки вполне соответствовать своему прямому назначению, т. е. удовлетворять быстрому и правильному передвижению грузов до тех пор, пока подъездные дороги к этой сети не будут находиться в удобном для проезда состоянии»⁶. По данным на 1900 г., в среднем по Европейской России в осеннюю и весеннюю распутицу подвоз грузов по грунтовым дорогам к ближайшим станциям железных дорог сокращался на

⁴ Экономическая история России... Т. 2. М., 2009. С. 198–199.

⁵ Гужевые и водные пути: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России / Высочайше учрежденное Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; сост. П.И. Рудченко. СПб., 1904. С. 8.

⁶ Там же. С. 11.

48–90%⁷. В телегу на грунтовых дорогах, как правило, грузили не более 30 пудов. По мнению ряда комитетов, грунтовые дороги, даже при хорошем содержании, не могли существенно влиять на развитие торгового обмена. Шоссе позволяло увеличить грузоподъемность телеги до 60 пудов. Поэтому большинство местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности высказывались за увеличение сети шоссеиных дорог в стране. Ряд комитетов выступил с предложением разработать общегосударственный план развития дорожной сети. Другие же выражали «скромное пожелание» о замощении наиболее трудных участков грунтовых дорог «ввиду дороговизны устройства сплошных шоссе»⁸.

В 1913 г. в ведении земских учреждений находилась дорожная сеть протяженностью 184 992 версты, из которых на дороги с каменным покрытием приходилось 11 448 верст. Все эти дороги строились и содержались за счет дорожной повинности, которая постепенно переводилась из натуральной в денежную. На 1 января 1914 г. натуральная дорожная повинность сохранялась в $\frac{1}{4}$ уездов. Расходы земств на дорожное дело были весьма незначительны. Их удельный вес в общих расходах земств колебался в пределах 6–8% [Кудрявцев 1951, с. 239]. Постройка и содержание проселочных и полевых дорог производились за счет местного населения и землевладельцев.

Возложив содержание гужевых дорог на земские учреждения и пообещав выдавать им беспроцентные ссуды на дорожное строительство, государство на деле фактически сократило расходы на эти дороги. На первом съезде деятелей по шоссеиному делу в 1914 г. представитель Харьковского губернского земства Н.П. Виноградов отметил, что постройка одной версты обычной грунтовой дороги обходится в 300 рублей, а ее содержание – до 150 рублей в год. Такие расходы были непосильными даже для богатых южных земств. Земства не могли покупать дорогую дорожную технику. На том же съезде депутат Государственной думы В.Я. Демченко заявил, что земские учреждения, за неимением средств, «совершенно не могли улучшать местных путей сообщения». Министр путей сообщения С.В. Рухлов, выступая на съезде, был вынужден признать, что свыше 94% сухопутных дорог страны «находятся почти в таком положении, в каком их создал Бог, то есть в положении, возможном для проезда только тогда, когда условия погоды это допускают»⁹.

⁷ См.: *Мейен В.Ф.* Указ. соч. С. 6.

⁸ Гужевые и водные пути... С. 21.

⁹ Труды первого съезда деятелей по шоссеиному делу. 1914. Ч. 1: Общие сведения и стенографический отчет. Пг., 1914. С. 3, 9, 28.

В 1895 г. по Санкт-Петербургу проехал первый автомобиль. В следующем году торговый дом «Еланский и К^о» установил автобусное движение между Симферополем, Ялтой и Севастополем, для чего во Франции был куплен автобус¹⁰. Появление в стране автомобилей не могло не повлиять на улучшение состояния дорог. Согласно требованиям, ширина проезжей части должна была увеличиться до 4 сажень (8,5 м). Радиус на закруглениях не мог быть менее 50 м. На построенных ранее в Крыму горных шоссе радиус в среднем был 10,8 м¹¹. Поэтому реконструкция шоссежных дорог требовала значительных средств.

Первые работы в Крыму, где было «большое автомобильное движение», провели на Южнобережном шоссе в районе Ливадии. Ширина проезжей части здесь была доведена до 3,7 сажень (7,8 м) с устройством тротуара и мощением обочин¹². В начале XX в. при строительстве дорог в России стали применять асфальтовое покрытие. Первый участок такой дороги в Новороссии был построен в Одессе в 1904 г. [Дороги России 1996, с. 60]. Однако абсолютное большинство шоссежных дорог, как и в XIX в., строилось с щебеночным покрытием. Постоянно росла доля расходов на ремонт и содержание дорог. Так, в 1914 г. МПС предполагало израсходовать на эти цели 11,3 млн рублей. Строительную технику (грейдеры, катки, камнедробилки) преимущественно закупали в США [Сенин 2016a].

В МПС учитывали, что малая протяженность благоустроенных дорог является серьезным препятствием «к успешному экономическому развитию нашего отечества». Поэтому еще в 1914 г. министерство предложило создать специальный Дорожный фонд для выдачи земским учреждениям пособий и ссуд на дорожное строительство. Ежегодно фонд должен был пополняться из средств государственного казначейства. Предложение министерства было одобрено в Государственной думе и Государственном совете и стало законом в июне 1914 г. Но выделенный на этот год для Дорожного фонда 1 млн рублей был направлен на военные нужды. В сметы МПС на 1915 и 1916 гг. средства для Дорожного фонда уже не закладывались [Сенин 2016a].

На 1 января 1913 г. в ведении Киевского округа путей сообщения находилось 2027 верст шоссежных и мощеных дорог. Из них

---

¹⁰ См.: Экономическая история России... Т. 1. С. 581.

¹¹ См.: *Тухолка П.С.* О приспособлении шоссежных дорог к автомобильному движению. СПб., 1912. С. 4, 9.

¹² См.: Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. Пг., 1914. С. 108.

в Крыму – 581,4 версты¹³. В осеннее и весеннее время размокший грунт делал край совершенно непроходимым и непроезжим. В весеннее половодье небольшие речки и ручьи превращались в полноводные реки. Вода сносила ветхие мосты и мостики. В зимние месяцы препятствием для транспортировки грузов становилось отсутствие корма для скота и сильные южные метели. Низкие сани-«розвальни», на которых возили товар ямщики внутренних губерний, утопали в сугробах, а при оттепелях – в ямах с водой. Фактически перевозки осуществлялись только в период с конца апреля по октябрь.

Для доставки грузов в черноморские порты использовался водный транспорт. В конце XIX в. речное судоходство осуществлялось на Днепре, Днестре и Южном Буге и на некоторых притоках этих рек. Навигация даже на этих южных реках Российской империи не была круглогодичной. Как показали исследования, проведенные МПС в 1909 г., лед на Днепре в районе Екатеринослава появился 12 ноября, а полностью река очистилась от льда к 24 марта. У Лисичанска на Северском Донце плавание из-за льда было невозможно с 15 ноября по 17 марта. Южный Буг у Вознесенска начинал замерзать 13 ноября и освобождался от льда 12 марта¹⁴. Интенсивное движение судов речного флота находилось в постоянной зависимости от уровня воды. Многие реки становились судоходными только при весеннем подъеме воды. Неблагоприятные условия (частые засухи и понижение уровня воды, отмели, каменные пороги, отсутствие каналов) существенно сдерживали развитие водного транспорта. Каменные пороги Днепра допускали сплав грузов только весной, да и то на 2–3 недели. Летом и осенью порожистая часть реки становилась непроходимой, и в эти месяцы грузы перевозили по сухопутным дорогам. Опасность для судоходства представляли карчи – снесенные водой деревья с корнями и замытые в песок под водой [Сенин 2016а]. В начале XX в. губернские комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности высказывались в пользу решительных мер по охране водных богатств страны: укреплению берегов рек, постоянной расчистке водных источников и фарватеров, регулированию стока атмосферных вод и др. Высказывалось предложение о создании специальных речных комитетов в составе правительственных чиновников, представителей земских и городских органов самоуправления, судовладель-

---

¹³ См.: Очерк деятельности Киевского округа путей сообщения. Киев, 1913. С. 295.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 190. Оп. 4. Д. 130. Л. 2–13.

цев. Комитеты были призваны изучать условия судоходства на реках, предлагать меры по их улучшению и совершенствованию законодательства. В частности, допускалось взыскание с лесопромышленников за повреждение берегов и искусственных сооружений при сплаве леса; вознаграждение владельцев паровых мельниц, и др. Комитеты Херсонской губернии высказались за улучшение условий перевозок по водным путям сельскохозяйственных и других рабочих, уходящих на отхожие промыслы. По их свидетельству, условия пребывания рабочих на пристанях и перевозки на пароходах намного хуже, чем на железных дорогах из-за «огромной скученности и неимоверной грязи на палубах», нерегулярности рейсов, постоянного запаздывания пароходов. Еще опасней было передвижение на «дубах», которому отдавали предпочтение из-за его дешевизны. В трудах Одесского комитета говорилось: «Дубы эти обыкновенно плохо сбиты, покупаются только для того, чтобы спуститься вниз по Днепру, и потом тотчас продаются. Рабочих берут на них столько, сколько найдет возможным хозяин, при чем путешествие продолжается от 5 до 8 дней. Неудивительно поэтому, что не проходит года без того, чтобы один-два, а то и больше переполненных дуба не пошли ко дну с их пассажирами»¹⁵.

Днепровские пристани по-прежнему играли значительную роль в торговле хлебом, сахаром, солью, лесным строительным материалом. Грузооборот речных перевозок по Днепру неуклонно рос. Если за пятилетний период 1888–1892 гг. было перевезено 162,2 млн пудов, а на рубеже веков (1898–1902 гг.) – 241,0 млн пудов, то в предвоенные годы (1908–1912 гг.) уже 270,2 млн пудов¹⁶. Продолжительность навигации зависела в верхнем и нижнем течении Днепра от особенностей климата, глубин, продолжительности весеннего паводка, обмеления реки в летние месяцы и др. причин. В районе Херсона навигация заканчивалась в среднем в декабре с началом замерзания реки и возобновлялась после ледохода и очищения воды от льда в середине марта. В нередкий для Нижнего Днепра засушливый период лета отправка хлеба и других грузов по воде останавливалась и грузы направлялись грунтовыми дорогами в Бердянск и Феодосию. В Киевском округе путей сообщения отмечали, что «такие коллизии в транспортном деле имеют место не только в деле экспортно-зерновом, но и внутренне-мукомольном»¹⁷. Поэтому

---

¹⁵ Гужевые и водные пути. С. 208.

¹⁶ Там же. С. 25.

¹⁷ Материалы для статистико-экономического обследования Черноморско-Балтийского водного пути / Киевский округ путей сообщения. К., 1912. С. 51–53, 100.

Киевский биржевой комитет обсуждал вопрос о возможности соединения Днепра с Западной Двиной для создания альтернативного пути вывоза грузов.

В 1906 г. перевозки по Днепру осуществляли 382 парохода¹⁸. В предвоенные годы речные пароходства активно пополнялись новыми судами, более современными по своей конструкции и большей грузоподъемности. Например, для речного флота на Днепре в 1912 г. было построено 187 судов, а в предвоенном 1913 г. – 174 судна¹⁹. В перевозках по Днепру широко использовался непаровой флот, в основном изготовленный из дерева: барки и полубарки, берлины, боты, брянки, гиляры, гулеты, гончаки, дубы, люзы, подчалки, трембаки, чайки, шаланды, шхуны и др. суда, а также наливные баржи. Строились непаровые суда (деревянные и железные) почти на всех значительных притоках Днепра.

Второй после Днепра судоходной рекой был Южный Буг. От Николаева до устья глубокое русло позволяло морским судам подходить к городским пристаням. В начале XX в. по нему в среднем ежегодно перевозилось более 20 млн пудов грузов. В основном везли хлеб, спирт, сахар, рыбу, соль, лес. Министерство путей сообщения в 1911 г. внесло в Государственную думу законопроект об установлении сборов с судоходства по Южному Бугу для возмещения государственных расходов на дноуглубительные работы между городами Вознесенском и Николаевым. Но до войны он так и не был рассмотрен²⁰.

XXII съезд горнопромышленников Юга России в 1897 г. просил министра земледелия и государственных имуществ ходатайствовать перед министром путей сообщения об устройстве судоходного пути по Северскому Донцу [История Новороссии 2017, с. 378.]. В предвоенные годы были проведены работы по шлюзованию этой реки, и она стала судоходной от устья до станции Гундоровской 213 верст. Всего было построено 7 плотин со шлюзами [Сенин 2016а]. В результате глубина фарватера стала не менее 1,1 сажени (2,3 м). В акте о приеме искусственных сооружений от подрядчика было отмечено, что все шлюзы и плотины

---

¹⁸ См.: Материалы для статистико-экономического обследования Черноморско-Балтийского водного пути. Киев, 1912. С. 45.

¹⁹ См.: Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1912 год. СПб., 1913. С. 88; Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. С. 89.

²⁰ См.: Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. С. 102.

«расположены в русле реки правильно и что они построены вполне соли дно»²¹.

Всего в начале века по Днепру, Южному Бугу и Днестру перевозилось до 18% всех грузов, доставлявшихся потребителям по 12 основным речным бассейнам Европейской части России²². В навигацию 1913 г. грузооборот в нижнем течении Днепра и его притоков (ниже порогов) на судах и плотам составил 74,5 млн пудоверст, в бассейне Южного Буга – 26,3 млн пудоверст, в бассейне Днестра – 11,6 млн пудоверст²³. В МПС признавали, что точными данными о перевозке грузов речным флотом не располагали, поскольку такая статистика велась только на главных речных бассейнах. По остальным рекам ведомство в оценке грузооборота руководствовалось «крайне неполными сведениями, получаемыми от местных судов и сплаво-промышленников». Статистика пассажирских перевозок по рекам Министерством путей сообщения не велась²⁴.

Территорию Новороссии и Крыма в начале XX в. обслуживали линии трех казенных железных дорог: Екатерининской, Юго-Западных и Южных. В 1913 г. протяженность железных дорог Малороссии и новороссийских губерний составила 10 900 км, и они перевезли 104 млн т грузов и 48 млн пассажиров²⁵.

Из наиболее крупных строек этих лет стала вторая очередь Екатерининской железной дороги (Долгинцево – Никополь – Александровск – Волноваха), открывшей дополнительный выход донецкому углю к Приднепровью, а криворожской руде – к новым металлургическим предприятиям Донбасса. Новая дорога прошла через богатые месторождения марганцевой руды, флюсов, хлебородные уезды. Руководил работами инженер Б.А. Риппас. На дороге было построено 214 мостов, в том числе 16 больших. Кичкасский мост через Днепр у Александровска (проект инже-

---

²¹ Акты окончательного освидетельствования и приемки от подрядчика шлюзов и плотин на реке Северном Донце. Пг., 1915. С. 2.

²² См.: История народного хозяйства Української РСР. Т. 1. Киев, 1983. С. 413.

²³ См.: Статистика движения грузов по рекам Киевского округа путей сообщения. I. Очерк организации статистики движения речных грузов в 1913–1914 гг.; II. Цифровые данные о движении грузов за 1913 год. Киев, 1915. С. 74.

²⁴ См.: Всеподданнейший отчет о деятельности Министерства путей сообщения за 1913 год. С. 89.

²⁵ *Лановик Б.Д.* Економічна історія України і світу / Б.Д. Лановик, З.М. Матисякевич, Р.М. Матейко; за ред. Б.Д. Лановика. Киев, 2006. С. 318.

нера Л.Д. Проскуракова, возведен под руководством инженера Ф.В. Лата) имел длину 336 м и наибольшее в России пролетное строение – 190 м²⁶. На 694 верстах введена полуавтоматическая блокировка [Сенин 2016а].

В период 1907–1914 гг. велось дополнительное строительство станционных путей и станций Пятихатка, Дебальцево, Алмазная, Ясиноватая и других. Велись работы по механической централизации стрелок²⁷. Екатерининская железная дорога стала одной из самых технически оснащенных в стране. Главные мастерские в Екатеринославле считались крупнейшими в России. Их ежегодная производительность была рассчитана на постройку и ремонт 200 паровозов и 200 тендеров. Здесь до войны трудились 2,2 тыс. рабочих.

В 1906 г. глава «Продугля» Н.С. Авдаков в письме министру финансов В.Н. Коковцову сообщал, что шахтовладельцы вынуждены приостанавливать добычу угля из-за невозможности его своевременного вывоза за пределы Донбасса. Предлагалось несколько проектов строительства железных дорог, которые должны были связать Донбасс с промышленными районами центральной части России, в частности Петербург – Славянск и Никитовка – Вязьма. Комиссия о новых железных дорогах Министерства финансов высказалась за строительство более короткой магистрали, соединявшей станцию Льгов Московско-Киевско-Воронежской железной дороги и станцию Лихая Юго-Восточных железных дорог с пересечением линии Попасная – Купянск Екатерининской железной дороги. В 1908 г. был утвержден Устав Общества Северо-Донецкой железной дороги. Председателем правления стал инженер путей сообщения Л.Ф. Шухтан. Уже в 1910 г. было открыто временное движение по двухколейному участку от Харькова до Лимана (166 верст) и от Лимана до Славянска (26 верст)²⁸. В 1911–1913 гг. были приняты в эксплуатацию участки до станции Родаково. Всего было построено 39 станций, 22 разъезда, 228 водопропускных сооружений, 297 мостов (в том числе 6 крупных через реки Оскол, Псёл, Северский Донец), 31 путепровод. На главных путях впервые были уложены тяжелые рельсы типа Па длиной 12,5 м. Станция Лиман превратилась в крупнейший в Донбассе сортировочный комплекс [Сенин 2016а]. Обратной стороной ускоренных темпов

---

²⁶ См.: *Крейтис З.Л.* Знаменитые железнодорожные мосты Российской империи. М., 2013. С. 92–93.

²⁷ См.: Приднепровская железная дорога. Днепропетровск, 1973. С. 56.

²⁸ См.: Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 2000 г. / Сост. Г.М. Афонина. М., 2001. С. 80.

строительства стали существенные недоделки и отступления от технических норм²⁹.

В июле 1914 г. Обществом Токмакской железной дороги было завершено строительство линии Цареконстантиновка – Верхний Токмак – Федоровка, которая стала связующим звеном между донецким углем и Токмакским месторождением железных руд. Тогда же было открыто движение к соляным копам по Славянской и Ступкинской веткам.

В 1907 г., в результате объединения Курско-Харьковско-Севастопольской и Харьковско-Николаевской железных дорог, возникли Южные железные дороги. Накануне войны была проведена централизация 483 стрелок. На двухпутном участке Белгород – Харьков начались работы по устройству путевой блокировки. Был возведен железнодорожный мост через Сиваш, а также Камышовский виадук. 18 станций в 1913 г. были оборудованы электрожелезнодорожной сигнализацией, а участок Славянск – Рапная – электроколокольной сигнализацией. На станции Харьков-Пассажирский смонтировали электроаппарат-«оповеститель», способный транслировать восемь групп объявлений. В 1913 г. на дороге приступили к оборудованию электрическим освещением пассажирских вагонов. В канун войны Южным дорогам принадлежали: 18 электростанций, 4 элеватора, 3 кирпичных 2 шпалопропиточных заводов и завод железобетонных изделий [Сенин 2016а].

В предвоенные годы русскими инженерами разрабатывались смелые и многообещающие проекты железнодорожного строительства в Новороссии и Крыму.

В 1901 г. Управление по сооружению железных дорог назначило группу инженеров под руководством А.С. Голембиовского для изучения трассы будущей магистрали Одесса – Херсон – Одесса. Дорога не только позволила бы улучшить экономические связи двух соседних губерний, Таврической и Херсонской, но и значительно сократить транзитные перевозки на полуостров. От Джанкоя, например по действующим путям до Киева через Полтаву, было 902 версты, а через Херсон и Знаменку – 803. Одной из многих проблем было сооружение дороги в районе Николаева. Предстояло провести дорогу кружным путем или строить через Южный Буг сложный по конструкции разводной или высокий мост, чтобы не мешать проходу строившихся на николаевских

---

²⁹ См.: История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв. М., 2012. С. 144.

верфях линкоров для Черноморского флота. Проект осуществить не удалось³⁰.

В начале XX в. рассматривались варианты строительства железных дорог для увеличения объемов вывоза угля из Донбасса в центр России. Первоначально проектом предусматривалось сооружение новой железнодорожной магистрали Славянск – Санкт-Петербург. Однако из-за перегруженности участка Славянск – Константиновка железную дорогу решили провести от Никитовки. Общая длина предполагаемой магистрали увеличивалась до 1405 верст (по первоначальному проекту – 1305 верст), но зато сокращалась к основным рудникам. Дорогу в перспективе можно было довести до станции Дебальцево. Вместо этой магистрали была построена Северо-Донецкая железная дорога³¹.

В ноябре 1910 г. Управление железных дорог МПС проинформировало Министерство финансов о предложении Старо-Крымского городского общества соединить г. Старый Крым с Феодосией ширококолейным подъездным путем. Министр финансов ответил, что в ближайшие годы «трудно было предвидеть возможность отпуска из государственного казначейства» необходимых для этой дороги средств. Однако предложение старокрымской общественности было поддержано Феодосийской уездной земской управой. В 1913 г. по распоряжению министра путей сообщения С.В. Рухлова была проведена оценка экономического состояния Старого Крыма и примыкающего к нему района для определения объема возможных грузовых перевозок. В январе 1914 г. постройка Старо-Крымской железной дороги рассматривалась на заседании порайонного комитета в Харькове и была признана необходимой и выгодной. Война помешала реализовать этот проект³².

Несколько десятилетий в различных учреждениях рассматривался проект строительства дороги в Евпаторию. И только после принятого в 1910 г. Министерством финансов решения выделить необходимые средства для глубокой реконструкции морского порта в этом городе реализация проекта перешла в новую стадию. В 1911 г. было учреждено Общество Западно-Крымской железной дороги, и инженеру Н.Б. Емельянову МПС разрешило провести изучение трассы от Джанкоя через Перекоп до Алешек и некоторых вариантов линии до Евпатории. В результате появились

---

³⁰ См.: *Айдин Ю.Э.* Железнодорожное строительство в Крыму во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2023. С. 211–212.

³¹ См.: Проект углевозной С.-Петербургско-Донецкой железной дороги. СПб., 1905.

³² См.: *Айдин Ю.Э.* Указ. соч. С. 203–208.

проекты дорог Евпатория – Симферополь (Сарабуз) протяженностью 55 верст и Евпатория – Перекоп (Соляные озера) – 88 верст. Соединение Евпатории с Симферополем поддерживалось Министерством торговли и промышленности. Дорога была построена уже в годы Первой мировой войны³³.

В 1911 г. предприниматель Г.К. Ушков предложил построить железную дорогу Севастополь – Ялта – Алушта. В пояснительной записке к проекту он указал, что еще при строительстве Лозово-Севастопольской железной дороги предполагалось проложить рельсовый путь от Бахчисарая до Ялты. Затем появилось несколько проектов строительства в Ялту – курортную столицу Крыма – узкоколейных дорог. В 1902 г. по распоряжению Николая II была созвана специальная комиссия для изучения сооружения железнодорожной линии, обслуживающей Южный берег Крыма. Решением комиссии было проведено изучение возможных трасс железных дорог на юге полуострова. Война с Японией сняла на время вопросы нового железнодорожного строительства в Крыму. Комиссия о новых дорогах Министерства финансов в 1910 г. высказалась в пользу строительства электрической трамвайной линии от Севастополя до Алушты. Ушков же предлагал построить железнодорожный путь с использованием электрической тяги. Поскольку движение поездов «будет носить чисто курортный характер», Ушков предлагал организовать частое движение небольших по составу поездов³⁴. Проекты Ушкова и других предпринимателей так и не были осуществлены из-за сложности и дороговизны строительства дороги в горной местности с неопределенным пассажирооборотом.

В 1905 г. инженер путей сообщения Н.Н. Перцов в письме министру финансов просил о предоставлении концессии на сооружение магистрали Умань – Николаев – Херсон – Джанкой – Керчь – Туапсе – Ново-Сенаки с ветвью от Армавира к Туапсе. Год спустя к аналогичному письму министру торговли и промышленности Перцов приложил пояснительную записку с подробным обоснованием строительства этой дороги. Предполагалось создание акционерного общества, на средства которого построят основные участки будущей магистрали, включая мостовой переход через Керченский пролив. Общество арендует строящуюся казной линию Николаев – Херсон. Перцов считал, что этот проект имеет стратегический характер, поскольку крат-

---

³³ Там же. С. 190–194.

³⁴ См.: *Ушков Г.К.* Пояснительная записка к проекту железнодорожной линии Севастополь – Ялта – Алушта 1910 г. СПб., 1911. С. 1–38.

чайшим путем связывает западные губернии России с Северным Кавказом и Закавказьем. Если на перевозку груза из Тифлиса в западные губернии затрачивалось от 12 до 15 дней, то по новой магистрали – 6–10 суток. Более того, новая дорога могла стать транзитным путем между Европой и Персией. По подсчетам Перцова, путь от Лондона до Тегерана по проектировавшейся Багдадской железной дороге составлял 5967 верст, до Шираза (юг Ирана) – 6237 верст, а по магистрали через Россию, от Лондона до Тегерана – 5291 верста, а до Шираза – 6106 верст. Дорога проектировалась однопутной с пропускной способностью 12 пар поездов в сутки [Сенин 2016b].

Особое место в обосновании проекта уделялось мосту через Керченский пролив. Он мог быть низким с небольшим возвышением над уровнем моря, но не менее двух саженей (4,26 м), так как высота волн в проливе достигала 9 футов (2,7 м). Для пропуска судов предполагалась разводная часть.

После войны с Японией и первой русской революции у государства не было средств на осуществление столь масштабных идей, тем более что на первый план вышел проект Амурской железной дороги. Не получив поддержки у чиновников, Н.Н. Перцов уступил задумку своему брату, общественному деятелю и меценату П.Н. Перцову, сумевшему добиться концессии на сооружение железной дороги от Армавира до Туапсе. Устав Общества Армавир-Туапсинской железной дороги был утвержден 17 мая 1908 г. Акции Общества в основном принадлежали крупнейшим коммерческим банкам России: Русско-Азиатскому, Азовско-Донскому, Петербургскому Международному и др. Возглавил Общество П.Н. Перцов. Среди строителей дороги был инженер путей сообщения Магомед-Али Дахадаев (Махач), в честь которого позднее в Советской России назовут столицу Дагестана.

Братья Перцовы не оставили идею строительства крупной магистрали на юге Российской империи и в 1909 г. возобновили ходатайство о соединении Умани со станцией Абинская Владикавказской железной дороги. Одновременно на свои средства они начали исследование рельефа дна Керченского пролива у места возможной мостовой переправы. После трехлетнего изучения дна пролива, течений и высоты волн в штормовые дни, направления ветра, движения льдов зимой группа инженеров под руководством И. Новкунского пришла к выводу, что мост необходимо строить у мыса Ак-Бурун в направлении косы Тузла и далее по ней в сторону Таманского полуострова.

Строительство моста через Керченский пролив было выгодно жителям Керчи, поскольку открывало новые возможности для

торговли с богатыми кубанскими станицами. С проведением новой железнодорожной магистрали появилась надежда на возобновление деятельности Керченского металлургического завода, закрытого в годы экономического кризиса в 1903 г.

Н.Н. Перцов в краткой технической записке к проекту моста через пролив писал о двух вариантах перехода через Керченский пролив. Северный вариант предполагал строительство моста между пригородом Еникале до косы Чушка. Далее железнодорожная линия должна была пройти по северному берегу Таманского полуострова. Этот вариант поддерживали городская дума, купцы и ремесленники г. Темрюк. По южному варианту железнодорожный путь от станции Багерovo шел в сторону керченской крепости на мысе Ак-Бурун и пересекал пролив в наиболее узкой его части к косе Тузла. Керченцы опасались, что постройка железной дороги мимо города приведет к упадку керченский порт. На Таманском полуострове темрюкские грузы станут разгружаться либо на косе Тузла, либо в порту Новороссийска. Горожане опасались непредвиденных последствий от места строительства. Если мост будет построен по южному варианту, Керченский пролив заполнится пресной водой Азовского моря из-за сужения пролива после строительства дамб с обеих сторон. В Керченской бухте объем пресной воды увеличится, и она дольше будет покрыта льдом. Во время весеннего ледохода порт будет загромождаться льдом в еще большей степени. Поскольку мост предполагался разводным, жители Керчи опасались, что порт не сможет принимать суда большой грузоподъемности. Тем не менее инженеры тогда высказались в пользу южного варианта перехода Керченского пролива. Мост был рассчитан на пропуск 21 пары поездов в сутки при наличии разъездов на обоих берегах пролива [Сенин 2016b, с. 75–77].

Вопрос о сооружении железнодорожной магистрали Умань – Николаев – Херсон – Джанкой – Керчь (Багерovo) – Туапсе – Квалони был рассмотрен в Комиссии о новых дорогах в 1912 г. 24 августа 1912 г. было образовано Общество Черноморской железной дороги, задачей которого было строительство участка Туапсе – Сухум – Квалони протяженностью 322 версты. Общество должно было продолжить экономическое обследование трассы всей магистрали от Умани до Туапсе. Исследование было завершено в 1915 г.³⁵ Осуществить этот грандиозный проект тогда не удалось.

---

³⁵ См.: *Айдин Ю.Э.* Указ. соч. С. 215–218.

Заключение

Густая сеть железных дорог, насыщенность подвижным составом, большое количество речных судов, особенно паровых, постоянный рост товарооборота черноморско-азовских портов обеспечивали транспорту юга России важную роль во всероссийском рынке. Развитие транспорта способствовало быстрому обороту товаров, реализации его на территории всей империи. В центральных губерниях страны предприятия Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний поставляли металл, речные суда, мостовые конструкции, рельсы, сельскохозяйственные машины, каменный уголь, хлеб, сахар, соль. В обратном направлении на кораблях и поездах везли лес и изделия из него, строительные материалы, нефть и нефтепродукты, ткани, электротехнические изделия. Развитие транспортной инфраструктуры способствовало более рациональному размещению производительных сил, выравниванию цен на товары в различных регионах империи, развитию культурных связей, повышению мобильности населения.

Литература

- Дороги России 1996 – Дороги России: исторический аспект / Под общ. ред. А.А. Надежко. М.: Издат. фирма «Крук», 1996. 408 с.
- История Новороссии 2017 – История Новороссии / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 864 с.
- Кудрявцев 1951 – *Кудрявцев А.С.* Очерки истории дорожного строительства в СССР (дооктябрьский период). Ч. 1. М., [1951]. 332 с.
- Сенин 2016а – *Сенин А.С.* Развитие транспортной системы Новороссии и Крыма накануне и во время Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. 2016. № 3. С. 61–77.
- Сенин 2016б – *Сенин А.С.* Проект моста через Керченский пролив // *Железнодорожный транспорт*. 2016. № 4. С. 75–77.

References

- Kudryavtsev, A.S. (1951), *Ocherki istorii dorozhnogo stroitel'stva v SSSR (dooktyabr'skii period)* [Essays on the history of road construction in the USSR (pre-October period)], part 1, Moscow, USSR.
- Nadezhko, A.A., ed. (1996), *Dorogi Rossii: istoricheskii aspekt* [Roads of Russia. Historical aspect], Kruk, Moscow, Russia.

- Senin, A.S. (2016), “Development of the transport system of Novorossia and Crimea on the eve and during the First World War”, *The New historical bulletin*, no. 3, pp. 61–77.
- Senin, A.S. (2016), “The project of a bridge across the Kerch Strait”, *Zheleznodorozhnyi transport*, no. 4, pp. 75–77.
- Zakharov, V.N., ed. (2017), *Istoriya Novorossii* [History of Novorossia (New Russia)], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dep_kiguoo@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

Information about the author

Alexandr S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dep_kiguoo@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

УДК 342(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-254-270

Государственное устройство современной России в контексте истории ее государственности

Татьяна Г. Архипова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, archipova-iai@mail.ru*

Александр С. Сенин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, as_senin@mail.ru*

Аннотация. В статье в историческом контексте рассмотрен один из компонентов современной российской государственности – государственное устройство по форме связи центра и территорий (в конце XX – первой четверти XXI в.) Дореволюционная Россия была государством унитарным, что не исключало и наличия национальных административных единиц, например Царства Польского, Великого княжества Финляндского, наличия у некоторых из них элементов политической автономии, особенностей в организации органов власти. Как известно, многочисленные советские конституции провозглашали РСФСР, а затем и СССР федеративными государствами, каковыми на самом деле они не являлись. Все признаки, присущие федеративным государствам, нивелировались действиями высшей власти в лице руководства правящей партии. Государственное устройство современной России, будучи федеративным, в некоторых случаях отличается от общепринятых в мировой практике принципов. Асимметричность, сохранение национального принципа и использование матрешечного типа в построении ряда субъектов федерации и т. п. являются и частью российских традиций, и данью прошлому, что нельзя не учитывать. Усилившуюся централизацию во взаимоотношениях федерального центра и субъектов федерации можно объяснить необходимостью концентрации всех сил и средств государства в условиях проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: Россия, государственность, государственное устройство, федерация, унитарное государство, административно-территориальное деление, этноэлита, особенности построения Российской Федерации

© Архипова Т.Г., Сенин А.С., 2023

Для цитирования: Архипова Т.Г., Сенин А.С. Государственное устройство современной России в контексте истории ее государственности // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 254–270. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-254-270

State structure of modern Russia in the context of the history of its statehood

Tatiana G. Arkhipova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
archipova-iai@mail.ru*

Alexandr S. Senin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
as_senin@mail.ru*

Abstract. The article considers in a historical context one of the components of modern Russian statehood – the state structure in the form of connection between the center and the territories (at the end of the 20th – the first quarter of the 21st century). Pre-revolutionary Russia was a unitary state, which did not exclude the presence of national administrative units, for example, the Kingdom of Poland, the Grand Duchy of Finland, the presence of elements of political autonomy in some of them, and features in the organization of government bodies. As is known, numerous Soviet constitutions proclaimed the RSFSR, and then the USSR, as federal states, which in fact they were not. All the features inherent in federal states were neutralized by the actions of the highest authorities in the person of the leadership of the ruling party. The state structure of modern Russia, being federal, in some cases differs from the principles generally accepted in world practice. Asymmetry, preservation of the national principle and the use of the matryoshka type in the construction of several federal subjects, etc. are both part of Russian traditions and a tribute to the past, which cannot be ignored. The increased centralization in the relationship between the federal center and the constituent entities of the federation can be explained by the need to concentrate all the forces and means of the state in the context of a special military operation.

Keywords: Russia, statehood, government structure, federation, unitary state, administrative-territorial division, ethno-elite, features of the structure of the Russian Federation

For citation: Arkhipova, T.G. and Senin, A.S. (2023), “State structure of modern Russia in the context of the history of its statehood”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 2, pp. 254–270, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-254-270

Введение

Нередко такие понятия, как страна, государство и государственность, употребляются как идентичные, однако специалисты, не отрицая их общих черт, видят и различия¹. Страна – это территория с населением, государство – это территория с населением и политическими властными институтами, осуществляющими государственные функции, реализация которых должна обеспечивать все стороны жизни общества, а государственность – его качественное состояние². Историки-государствоведы школы РГГУ понимают под государственностью совокупность таких качеств государства, как его устройство по форе связи центра и территорий, организация государственного аппарата, государственной службы и идеология. Она возникает несколько позднее, чем собственно государство, и представляется, с одной стороны, более широким и глубоким понятием, а с другой – менее устойчивой категорией, нежели государство. При сохранении последнего она может за счет модернизационных мероприятий существенно меняться, что не исключает возможности ее преемственности при изменении формы государственного устройства или политического режима в результате революции или переворота.

История российской государственности историографией не обделена³. В то же время авторы большинства работ, так или иначе затрагивающих эту проблематику, не всегда ставят целью проанализировать влияние исторического опыта на современное состояние российской государственности. Размер статьи не позволяет рассмотреть проблему целиком, попытаемся сделать это на примере государственного устройства Российской Федерации. Историки не любят изучать недавнее прошлое – велик соблазн субъективной

---

¹ Обычно определения зависят от области знаний, которую представляет автор определения.

² См., например: Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века: Материалы Всероссийской научно-общественной конференции 19 сентября 2012 г. Великий Новгород, М., 2013. С. 133, 134.

³ Административные реформы в России: история и современность. М., 2006; Административно-территориальное устройство России: История и современность. М., 2003; *Архипова Т.Г.* Государственность современной России. М., 2003; *Она же.* Современная российская государственность и перспективы ее модернизации // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 8 (29). С. 9–23; *Коржихина Т.П., Сенин А.С.* История российской государственности. М., 1995; Представительная власть в России: история и современность. М., 2003; и др.

его оценки и незнания последствий конкретных событий. Однако недавняя история, как и более ранняя, способствуют укреплению и развитию патриотизма у молодого поколения и более глубокому ее пониманию будущими историками.

Основная часть

Проблема устройства по форме связей центра и территорий, как известно, по целому ряду причин была весьма острой для Российского государства всегда.

В Российской империи не было единого органа, ответственного за выработку и осуществление политики на многонациональных окраинах. Как правило, для решения конкретных вопросов в разное время создавались различные высшие комитеты и совещания (например, два Сибирских комитета, Кавказский комитет, Комитет западных губерний и др.). Проектами реформы администрации на Кавказе занимались сотрудники VI Отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Департамент Царства Польского в структуре Государственного совета рассматривал законопроекты и бюджет учреждений, действовавших на польской территории.

Ряд территорий на окраинах Российской империи находились в ведении военного ведомства. В 1866 г. в составе Главного штаба Военного министерства для военно-административного управления территориями Кавказа было образовано специальное Азиатское отделение, в 1903 г. переименованное в Азиатский отдел, а в 1910 г. – в Азиатскую часть (просуществовала до 1918 г.). В функции этого структурного подразделения входило управление военными округами Азиатской части России, устройство здесь укреплений и путей сообщения, охрана границ Российской империи в Азии, организация военно-народного управления на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, сбор сведений о военном и политическом положении сопредельных с Россией азиатских государств и т. п.

Близкие задачи решали Департамент таможенных сборов (1864–1917 гг.) и Отдельный корпус пограничной стражи, находившиеся в ведении Министерства финансов. Прямое отношение к рассматриваемым вопросам имел Азиатский департамент Министерства иностранных дел, управлявший народами пограничных районов Кавказа, Казахстана и Астраханской губернии до середины XIX в.

На ключевые административные должности в национальных окраинах назначались, как правило, способные чиновники, старав-

шиеся понимать и учитывать в своей деятельности местные традиции и обычаи, начинавшие свою служебную карьеру в местной администрации. Часто это были перешедшие на русскую службу представители народов, вошедших в состав России. Давно было замечено, что именно они становились наиболее ревностными защитниками империи.

Практика интегрирования местных элит в центральную власть долгое время была одним из важнейших факторов устойчивости Российской империи. Согласно переписи 1897 г., русский язык назвали родным только 53% потомственных дворян. Это значит, что почти половину их составляли потомки польской шляхты, украинской казачьей старшины, остзейских рыцарей, грузинских князей, мусульманских ханов и беков.

Российская государственность не была похожа на западно-европейскую, хотя часто заимствовала ее внешние формы. Имея в названии государства слово «империя», она не была таковой в европейском его понимании. В России деление на метрополию и колониальные окраины было весьма условным. Известный на рубеже XIX–XX вв. правовед Н.М. Коркунов писал: «Колонии приобретались для экономической их эксплуатации. Присоединение русских окраин не было делом экономического расчета. Россия постепенно овладела своими окраинами и на западе, и на востоке в силу чисто политических побуждений, как необходимым условием обеспечения своего могущества и независимости»⁴.

Огромное пространство, занимаемое Россией, при существенных культурных и этнографических различиях, особенностях исторической судьбы требовало особого подхода в управлении. Это понимали отечественные юристы. Например, основоположник науки государственного права России профессор А.Д. Градовский утверждал, что «при помощи одних и тех же учреждений и приемов нельзя управлять туркменами и великороссами, бродячими инородцами в Сибири и кавказскими племенами, кокандцами и немцами, Финляндией и Польшей»⁵. Одной из форм интеграции в имперское пространство было сохранение отдельных звеньев существовавшей ранее системы управления. Поэтому на окраинах империи сформировались и эволюционировали разные модели политико-административного устройства.

---

⁴ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1899. С. 180.

⁵ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного самоуправления // Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9. СПб., 1904. С. 181.

Ряд присоединенных территорий обладали правом административной или политической автономии. Например, после победоносного окончания Северной войны в состав России вошли земли Лифляндии и Эстляндии, в 70-х годах XVIII в. и Латгалии. Российские власти сохранили в Прибалтике прежние корпоративно-сословные порядки управления. Административная и судебная власть осталась в руках остзейского дворянства и бюргерства. Важную роль играли сословные учреждения местного немецкого дворянства – дворянские собрания – ландтаги, избиравшие на каждый трехлетний срок постоянные органы: Дворянский конвент в Лифляндии и Дворянский комитет в Эстляндии, а также состав основных органов суда, уездной полиции и сословной прокуратуры. Городское самоуправление осуществляли магистраты и ратуши. В 1744 г. была учреждена Выборгская губерния, в которой действовали выборные сословные органы шведских дворян (лангманские и герардские суды) и бюргеров (магистраты). Основным языком в Курляндии и Лифляндии признавался немецкий. В XVIII в. прибалтийское немецкое дворянство стало влиятельной силой при российском императорском дворе.

Административной автономией было управление калмыками. В XIX в. оно осуществлялось Астраханской палатой Министерства государственных имуществ. Девять калмыцких улусов делились на аймаки во главе с наследственными владельцами (нойонами), подчинявшимися российской администрации. Однако принимаемые решения согласовывались с калмыцкой родовой знатью.

На рубеже XVIII–XIX вв. в состав России вошли многочисленные ханства Восточного Закавказья и Северного Кавказа. Русская администрация сохранила местную власть в руках прежних правителей. Их власть оставалась наследственной и передавалась старшему сыну в роду. Хань содержали местный аппарат, осуществлявший фискальные и другие административно-управленческие функции. Они опирались на военные дружины, состоявшие из нукеров. Существовали даже особые должностные лица, ведавшие карательно-полицейскими операциями [Национальные окраины 1998, с. 365]. Такими же административными автономиями были полусамостоятельные царства и княжества Западной Грузии.

Политическими автономиями были территориальные образования с наличием в них собственных законодательных органов власти. Первыми, следуя историко-хронологическому принципу, следует указать на гетманскую форму правления Левобережной, Слободской Украины и Запорожской сечи. С вхождением всего Северного Причерноморья в состав России во второй половине XVIII в. произошла унификация административного устройства этих терри-

торий с общероссийским местным управлением. Украинскую шляхту Екатерина II также приравнивала к русскому дворянству.

Политическое самоуправление Польши было закреплено Конституцией 1815 г., дарованной Александром I. Законодательную власть в Царстве Польском осуществлял двухпалатный Сейм. Административную власть осуществлял возглавляемый наместником Государственный совет, и шесть министров, в том числе военный. В крае было сохранено традиционное административно-территориальное деление. Во всех звеньях администрации руководящая роль принадлежала местной польской знати. После польского восстания 1830–1831 гг. царская власть постепенно эту автономию ликвидировала.

Классической политической автономией стало Великое княжество Финляндское, имевшее свой законодательный орган – Сейм, и правительство – Сенат, возглавлявшийся царским генерал-губернатором. Решения Сейма утверждались монархом, но российский император не имел прав изменить основные законы, действовавшие в княжестве. Сохранялась сложившаяся еще в составе Швеции трехступенчатая судебная система. Были созданы национальные вооруженные силы, подчинявшиеся генерал-губернатору (а не российскому военному министру), которые могли быть распущены монархом только с согласия Сейма. Княжество располагало собственной финансовой системой. Все собранные доходы и налоги оставались в княжестве. В 1879 г. была провозглашена полная свобода предпринимательства. С 60–70-х годов XIX в. в княжестве действовали сельские и городские органы местного самоуправления⁶.

Помимо автономий Российской империи была присуща и такая форма административно-территориального деления, как протектораты. Формально первым протекторатом стало Картли-Кахетинское царство согласно заключенному в 1783 г. Георгиевскому трактату. Россия брала на себя обязанность сохранять территориальную целостность царства и охранять его от внешней агрессии. Грузинский царь сохранял свою власть и сложившуюся систему местного управления. Грузинские князья и помещики наделялись всеми правами и привилегиями русского дворянства. Жители Картли и Кахети могли расселяться в пределах России.

Позже подобные соглашения были заключены с казахскими ханствами. После заключения конвенции с Россией бухарский эмир сохранил все свои легитимные права, кроме внешнеполитической деятельности. Внутри ханства была запрещена работорговля. Стороны обязывались покровительствовать торговле, не взимать

---

⁶ Большая Российская энциклопедия. Т. 5. М., 2006. С. 53–54.

дополнительных пошлин сверх положенных. Аналогичный договор был подписан и с хивинским ханом, признавшим себя вассалом Российской империи. В Казахстане и Средней Азии не было крепостничества. В местном управлении русская администрация опиралась на местную знать. Следует отметить уважительное отношение к религиозным чувствам местного населения, вплоть до отказа строить постоянные православные храмы. Использовались лишь передвижные вагоны-церкви и баржи-церкви. Сохранялись традиционные и вводились смешанные формы образования, двуязычие. Местные жители получили право свободно перемещаться по России, зачисляться в купеческое, мещанское или казачье сословия.

Фактически центр был источником инвестиций в Казахстан и Среднюю Азию, а не наоборот. Это отчетливо видно, например, на транспортном освоении национальных окраин. По мнению современных историков, развитие железнодорожного и водного транспорта способствовало «нейтрализации ряда негативных геополитических факторов», значительно укрепило безопасность присоединенных к Российской империи территорий, привело к расширению хлопкового дела на основе искусственного орошения полей [Бехмаканова, 2015, с. 236–239].

В России нельзя выделить территорию, которую можно однозначно считать метрополией. Вся экономика страны развивалась как единый народнохозяйственный комплекс, а русский народ не имел каких-либо преимуществ перед другими народами империи. Господству в стране национальной и религиозной терпимости способствовала не только гибкая политика властей, но и удивительная терпимость, открытость русских миру, по образному выражению Ф.М. Достоевского, его «всечеловечность» [Российское государство 2012, с. 456].

Безусловно, общей тенденцией государственного управления империей к концу XIX в. стала унификация. Различия в местном управлении, языковой политике, налогообложении, усиление процессов национальной самоидентификации народов огромной страны все чаще рассматривались правящим классом, государственной бюрократией как препятствия в ускорении социально-экономического развития, особенно в ходе первого этапа индустриализации. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский в канун революционных потрясений 1905–1907 гг. предлагал положить в основу политики на окраинах страны два принципа: веротерпимость и равноправие всех подданных империи без различия национальностей. Правительство П.А. Столыпина отказалось от политики жесткой русификации, сделало ставку на создание всеобщих

органов волостного самоуправления, расширения земского самоуправления, снятие части ограничений в национальной политике, введению всеобщего начального образования и др.⁷ Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков представил императору обширную записку, в которой утверждал, что «туземное происхождение» не должно служить препятствием «к прохождению государственной и общественной службы» [Российская государственность 2013, с. 254]. Однако дискуссии по вопросам национальной политики России на ее окраинах среди представителей высшей бюрократии на рубеже веков продемонстрировали отсутствие единых взглядов, поскольку все исходило из сугубо ведомственного понимания проблемы взаимоотношений центра и периферии.

Трудности управления окраинами «усугублялись все большими связями окраинной политики с внешнеполитическими проблемами Российской империи» [Бахтурина 2023, с. 227]. Последний царский министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер писал, что «разнообразие наречий, религий, нравов, степени культуры от высшей европейской до полудикой не только с годами не сглаживалось, но в некоторых случаях проявлялось все более и более резко». Он связывал это с влиянием на окраины соседних с Россией стран – Германии, Персии, Румынии, Турции и Швеции⁸.

Гигантские размеры территории государства, полиэтничность, соотношение центра и национальных регионов всегда были ключевыми проблемами российской истории. Отношения подчинения и подданства по-разному воспринимались народами на различных ее этапах. Но факт, что хотя полной гармонии в межнациональных отношениях в Российской империи не было, «до 1917 г. Россия не потеряла ни одной своей территории из-за национально-освободительного движения» [Никонов 2014, с. 204].

В.И. Ленин, имевший весьма приблизительные представления об организации государственной власти до ее захвата, решительно отвергавший все известные формы парламентаризма, лишь ближе к осени 1917 г. обратил свое внимание на Советы, возникшие в ходе революции 1905–1907 гг. в городах и являвшиеся выборными общественными организациями, созданными в противовес органам местной власти и состоявшие из представителей разных слоев населения с преобладанием в них представителей пролетариата. Они, по его мнению, должны были олицетворять единство власти, и ими

---

⁷ Там же. Т. 31. М., 2016. С. 272–273.

⁸ *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера: воспоминания, впечатления, мысли о революции // Спроге В.Э. Записки инженера. М., 1999. С. 104.

надо было заменить все бывшие государственные органы, как в центре, так и на местах – во всех административно-территориальных единицах. С последними особых проблем не возникло – все проведенные (значительно позднее) реформы административно-территориального деления ограничились укрупнениями-разукрупнениями, переименованиями, уточнением границ существующих образований.

Сложнее обстояли дела с формой государственного устройства. Для таких государств, как Россия, наиболее предпочтительной является федеративная форма, но государственным лидерам милее унитарная. Ленин в этом вопросе не был исключением. Однако, будучи никудышным стратегом, он был блестящим тактиком. Он понимал, что мечтой любой этнической группы, даже самой маленькой, является самоопределение хоть в какой-то форме. Видя, как на глазах рушится многовековое единство России, он разве что не моментально пересмотрел свою точку зрения⁹, предложив федерацию. Этим он в известной степени разоружил и сепаратистов окраинных территорий страны, и лидеров белого движения, ратующих за сохранение единой и неделимой России. Во главу угла построения федеративного государства на территории России было поставлено право наций на самоопределение. Одновременно он дополнил известные принципы федерализма (верховенство федерального законодательства, единство основ государственного строя, территориальная целостность, равенство субъектов федерации, отсутствие внутренних границ и др.) конфедеративным правом сепаратизма. После принятия «Декларации прав народов России», «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», постановления «О федеральных учреждениях Российской республики» был осуществлен ряд мер в целях восстановления территории в дореволюционных границах (освобождение от белогвардейцев, финансирование, введение единой денежной системы, военные и хозяйственные договоры, не гнушались и прямым принуждением). Как известно, сразу сделать это полностью не удалось уже хотя бы в силу подписания «похабного» Брестского мира, как именовал его Ленин. Одновременно продолжались споры между сторонниками федерализма и сторонниками унитаризма о государственном устройстве, причем даже и после подписания договора об образовании СССР. Анализ споров свидетельствует не только

---

⁹ Правда, унитаристом в принципе он оставался до конца своих дней, считая федерацию делом временным. См.: *Ленин В.И.* Материалы ко II Конгрессу Коминтерна // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1981. С. 438.

о преобладании политических интересов в ущерб всем другим, но и о низком уровне культуры и образования их участников. Одни не видели различий между унитарным государством, федерацией и конфедерацией, между государством и государственным образованием, между местными органами и органами власти субъектов федерации, другие не успели избавиться от революционного романтизма, не ставили в грош национальный принцип, третьи стали допускать нападки на лидера партии, тем более что к этому времени он был уже тяжело болен. С созданием СССР отпала надобность в таком органе как Народный Комиссариат по делам национальностей. Считалось, что он выполнил свое предназначение – союзное государство создано, а национальные вопросы можно решать в «рабочем порядке» [Деннингхаус 2017], что, собственно, и делалось. Конституция СССР 1924 г. закрепила создание федеративного государства, его субъекты – союзные республики, ряд автономных государственных образований, созданных по национальному принципу – были поименованы суверенными государствами.

Анализ государственного устройства советского периода позволяет сделать вывод, что объявленные во всех конституциях федеративными государствами сначала РСФСР, а потом и СССР, по существу, были унитарными, состоящими из административно-территориальных единиц. Несмотря на наличие двух уровней власти, высшей властью была стоящая над ними правящая партия в лице ее центральных органов. Зато национальный принцип в государственном устройстве в связи с угрозой распада России после известных дискуссий в партийной среде был поставлен во главу угла, что, в свою очередь, в немалой степени способствовало формированию национальных элит. Приращение территории в годы существования СССР осуществлялось, главным образом, по причине восстановления исторической справедливости в результате договоров и соглашений после окончания тех или иных военных действий – создавались новые союзные и автономные республики, автономные области, корректировалась территория старых. Только число союзных республик со времени создания СССР до весны 1940 г. выросло в четыре раза. Изменение внутренних границ происходило, за некоторым исключением, в связи с решением экономических проблем.

Национальный принцип построения, право сецессии, некоторые иные меры стали основой для разгула сепаратизма в более поздние годы.

Процесс формирования новой российской государственности начался на рубеже 80–90-х годов минувшего века, когда на повестку дня, наряду с другими, встал вопрос о расширении самостоятель-

ности РСФСР в рамках союзного государства. В постановке этого вопроса самые различные политические силы – от коммунистов до их противников, от либералов до демократов и т. п. – были на удивление едины.

Принятие на первом Съезде народных депутатов РСФСР Декларации о суверенитете породило и недовольство центра, и «войну законов» между ним и РСФСР. Выразилось это в том, что российские власти отменяли действие союзных законов на своей территории, союзные – действие законов российских, и дало дополнительный импульс дальнейшей активизации сепаратистских настроений национальных элит других союзных республик. Референдум в марте 1991 г. остановил, было, центробежные тенденции, но августовские события их ускорили.

К моменту распада СССР, казалось, были созданы все предпосылки для ускоренного построения новой российской государственности, но оно задержалось до конца 1993 г. Одна из причин этого видится в попытке части политического спектра российского общества приспособить советскую государственность к новым российским реалиям.

В 1991–1993 гг. вслед за СССР под угрозой распада оказалась и Российская Федерация. Застрельщиками в этом вопросе стали часть республик и административно-территориальных единиц не только на ее окраинах. Как и в 1917 г., проблема сохранения целостности страны стала одной из главных. При всех трудностях периода 1991–1993 гг. благодаря политическим мерам¹⁰ Россию удалось сохранить, чему способствовали и уступки центра лидерам республик в составе России, и Федеративный договор, и ликвидация бессубъектных территорий, населенных преимущественно русскими, и сохранение реалий, сложившихся за многовековую историю Российского государства.

Не только размеры страны, но и исторически сложившаяся дифференциация экономического развития различных ее частей, ментальное разнообразие этносов и другие особенности предопределяют федеративное устройство современной России. Разработчики новой российской Конституции не пошли на полный отказ (он состоял в изъятии права на сецессию) от сложившихся к этому времени реалий. Она, впрочем, как и все, ей предшествующие, заявила о федеративном характере устройства государства. Как известно, стараниями соратников первого Президента России проект Конституции был передан на экспертизу Венецианской комиссии Совета Европы

---

¹⁰ Исключением стали взаимоотношения российского руководства с Чеченской Республикой.

и получил в целом положительный отзыв экспертов. Критику вызвали в основном статьи, посвященные именно государственному устройству. В современной России имеют место быть четыре вида субъектов федерации: национально-государственные, национально-территориальные, административно-территориальные и города федерального значения. Хотя Конституцией провозглашено их равноправие, как между собой, так и в отношениях с федеральным центром, правовой их статус различается, что дает повод характеризовать Россию как «асимметричную федерацию».

Безусловно, при дисперсном расселении этносов и этнических групп сохранение национальных государственных образований не идет на пользу консолидации общества. Как известно, сохранение национального принципа в устройстве ряда государств привело к их распаду. Следует вспомнить, что о реформе государственного устройства в свое время задумывалось и советское руководство¹¹. С упреком в адрес основателей такой федерации не раз высказывался и В.В. Путин.

Трения между федеральным центром и, главным образом, национальными республиками в составе России продолжались до конца 90-х годов, в первую очередь по поводу пределов компетенции. Лидеры республик настаивали на ограничении полномочий центра. В то же время региональные власти своими действиями выходили за пределы отведенного им Конституцией РФ правового поля. Наиболее активно в этом плане выступала республика Татарстан. Указом от 13 мая 2000 г. В.В. Путин в целях обеспечения соответствия регионального законодательства федеральному ввел институт полномочных представителей в специально созданных для этого федеральных округах. Постпреды, выполнив эту задачу, получили право контроля за исполнением решений федеральных органов государственной власти, значительные кадровые полномочия. Полномочный представитель президента стал должностным лицом, представляющим президента в округе, обеспечивающим на его территории функции главы государства. Не меньшее влияние на «вольницу» субъектов федерации оказало оформление в 2004 г. процедуры федерального вмешательства, выразившегося не только в праве распускать региональный орган представительной власти, но и назначать главу власти исполнительной (в 1995–2004 гг. должность эта была выборной)¹². Постепенно центр усилил свое влияние на организацию структуры органов власти субъектов феде-

---

¹¹ Московский комсомолец. 2002. 19 нояб. С. 2; Коммерсантъ. 2006. 12 сент. С. 7.

¹² СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950; № 52. Ч. 2. Ст. 5427.

рации – сначала вносились многочисленные поправки в федеральный закон от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Затем по результатам референдума по поправкам в Конституцию 2020 г. был принят новый закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации от 21 декабря 2021 г.¹³, что способствовало большей их унификации. Последняя коснулась даже названия должности высшего должностного лица субъекта федерации. Целью предпринятых мер было усиление роли не только центра, правящей партии, но и их влияния на деятельность органов региональной исполнительной власти.

В 1990-е – 2015 гг. на федеральном уровне существовал ряд ведомств (министерства, государственные комитеты и агентство), занятых реализацией государственной национальной политики, в деятельности которых так или иначе прослеживалась озабоченность проблемами не только нации-, но и государственного строительства [Бугай 2022, с. 301–305].

Заключение

Завершая анализ этого компонента российской государственности, можно сказать следующее. «Асимметричность» федерации имеет исторические корни, она была данью не только советскому наследию, во-первых, но и весьма и весьма сложному времени противостояния центра и регионов, во-вторых, но это не значит, что ее надо сохранять до бесконечности. Останется в прошлом экономическое неравенство субъектов, улучшится благосостояние граждан, сойдет со сцены выращенная в минувшем веке этноэлита, забудутся явные и мнимые обиды, улучшатся межнациональные отношения, и Россия постепенно откажется от этнотерриториальных государственных образований, сохранив их национально-культурную автономию. В настоящее время, несмотря на сокращение числа автономных округов¹⁴, входивших в состав других субъектов, как известно,

---

¹³ Федеральный закон № 414-ФЗ от 21 декабря 2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2021/12/27/vlast-dok.html?ysclid=l20kz0wljl> (дата обращения 15 апреля 2022).

¹⁴ «Матрешечный» тип построения некоторых субъектов федерации был, как известно, объектом критики не только отечественных аналитиков. В настоящее время осталось четыре автономных округа.

идет приращение последних. В 2014–2022 гг. число субъектов Российской Федерации увеличилось на три республики, две области и один город федерального значения. В основу их создания заложен не национальный принцип, а административно-территориальный.

Сохранение федеральных округов после наведения порядка в правовом поле субъектов федерации при единой системе исполнительной власти представляется довольно проблематичным. Их существование отягощает не столь богатую казну государства. В то же время усиление централизации во взаимоотношениях федерального центра и субъектов федерации в условиях проведения специальной военной операции, когда нужна концентрация всех сил и средств государства, представляется вполне оправданным.

Литература

- Бахтурина 2023 – *Бахтурина А.Ю.* Административно-правовое единство Российской империи как политическая проблема конца XIX – начала XX в. // Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций – 70 лет: доклады Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.П. Ерошкина: материалы по истории кафедры. М.: РГГУ, 2023. С. 106–116.
- Бехмаханова 2015 – *Бехманова Н.Е.* Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв.: историко-географическое исследование. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 236–239.
- Бугай 2022 – *Бугай Н.Ф.* Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.). М.: Аквариус, 2022. С. 301–305.
- Деннингхаус 2017 – *Деннингхаус В.* Как Наркомнац из инструмента революции превратился в «лавочку», которая «только тем и занимается, что разные народы на Северном полюсе и в тундрах выдумывает»: трансформация Наркомнаца РСФСР в 1917–1924 гг. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Международной научной конференции. М.: Институт Российской истории РАН, 2017. С. 197–208.
- Национальные окраины 1998 – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов и др. М.: Славянский диалог, 1998. 415 с.
- Никонов 2014 – *Никонов В.А.* Российская матрица. М.: Русское слово, 2014. 91 с.
- Российская государственность 2013 – Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Ин-т российской истории РАН, 2013. 589 с.
- Российское государство 2012 – Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2012. 462 с.

References

- Agadzhanov, S.G., Mukhamed'yarov, Sh.F., Trepavlov, V.V. etc. (1998), *Natsional'nye okrainy Rossiiskoi imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya* [National fringes of the Russian Empire. Formation and development of the management system], Slavyanskii dialog, Moscow, Russia.
- Bakhturina, A.Yu. (2023), "Administrative and legal unity of the Russian Empire as a political issue of the late 19th – early 20th centuries", in *Kafedre istorii gosudarstvennykh uchrezhdenii i obshchestvennykh organizatsii – 70 let: doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora N.P. Eroshkina: materialy po istorii kafedry* [The Department of history of State Institutions and Public Organizations is 70 years old. Reports of the International Scientific Conference commemorating the 100th anniversary of the birth of professor N.P. Eroshkin. Materials on the history of the department], RGGU, Moscow, Russia, pp. 106–116.
- Bekhmakhanova, N.E. (2015), *Prisoedinenie Tsentralnoi Azii k Rossiiskoi imperii v XVIII–XIX vv.: istoriko-geograficheskoe issledovanie* [Annexation of Central Asia to the Russian Empire in the 18th – 19th centuries. Historical and geographical research], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Sankt-Petersburg, Russia, pp. 236–239.
- Bugai, N.F. (2022), *Problemy natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie izucheniya, opyt regulirovaniya etnicheskikh protsessov (1990-e – 2015 gg.)* [Issues of national policy of the Russian Federation. State of study, experience in regulating ethnic processes (1990s – 2015)], Akvarius, Moscow, Russia.
- Denningkhaus, V. (2017), "How the People's Commissariat of Nationalities turned from an instrument of revolution into a 'shop' that 'only does invent the different peoples living at the North Pole and in the tundra'. Transformation of the People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR in 1917–1924", in *Velikaya rossiiskaya revolyutsiya, 1917: sto let izucheniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The Great Russian Revolution, 1917. One hundred years of study. Proceedings of the International Scientific Conference], Institut Rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 197–208.
- Nikonov, V.A. (2014), *Rossiiskaya matritsa* [Russian matrix], Russkoe slovo, Moscow, Russia.
- Petrov, Yu.A., ed. (2012), *Rossiiskoe gosudarstvo ot istokov do XIX veka: territoriya i vlast'* [The Russian state from its origins to the 19th century. Territory and power], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Petrov, Yu.A., ed. (2013), *Rossiiskaya gosudarstvennost': opyt 1150-letnei istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian statehood. Experience of 1150 years of history. Proceedings of the International Scientific Conference], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Татьяна Г. Архипова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; archipova-iai@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0030-1027

Александр С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; as_senin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

Information about the authors

Tatiana G. Arkhipova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; archipova-iai@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0030-1027

Alexandr S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; as_senin@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

Нацистские преступления
против советского населения
на территории оккупированного Донбасса,
1941–1943 гг.

Антон С. Саенко

*Донецкий государственный университет, Донецк, Россия,
saencko.anton.2015@yandex.ru*

Аннотация. В статье на основании архивных материалов рассматриваются преступления нацистов и их пособников против гражданского населения, проживавшего в Донбассе в 1941–1943 гг. На основании Актов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и других исторических источников анализируются преступления гитлеровцев против представителей славянской, еврейской и цыганской национальностей в рассматриваемом регионе в годы Великой Отечественной войны. В статье представлены злодеяния нацистов, совершенные в городах Сталино, Макеевка, Енакиево, Мариуполь, Артемовск, Краматорск, Горловском, Авдеевском районах Сталинской (Донецкой) области, городах Ворошиловград, Красный Луч Ворошиловградской (Луганской) области. На основании изученных источников автор приходит к выводу о системности, целенаправленности и особой жестокости осуществления нацистами и их пособниками политики по уничтожению населения Донбасса в годы Великой Отечественной войны по расовому признаку.

Ключевые слова: нацизм, геноцид, Холокост, преступления, оккупация, Донбасс, славяне, евреи, цыгане, расовая теория

Для цитирования: Саенко А.С. Нацистские преступления против советского населения на территории оккупированного Донбасса, 1941–1943 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 271–281. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-271-281

Nazi crimes against the Soviet population on the territory of the occupied Donbass, 1941–1943

Anton S. Saenko

*Donetsk State University, Donetsk, Russia,
saenko.anton.2015@yandex.ru*

Abstract. The article, based on archival materials, considers the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population living in the Donbass in 1941–1943. Based on the Acts of the Extraordinary State Commission for the identification and investigation of atrocities of the Nazi invaders and other historical sources, it analyzes the crimes of the Nazis against representatives of the Slavic, Jewish and Gypsy nationalities in the region under consideration during the Great Patriotic War. The article presents the atrocities of the Nazis committed in the cities of Stalino, Makeevka, Enakievo, Mariupol, Artemovsk, Kramatorsk, also in the Gorlovsky, Avdeevsky districts of the Stalino (Donetsk) region, the cities of Voroshilovgrad, Krasny Luch of the Voroshilovgrad (Lugansk) region. Following the sources studied, the author comes to a conclusion that the Nazis and their accomplices carried out a policy of exterminating the population of Donbass during the Great Patriotic War racially motivated.

Keywords: Nazism, Holocaust, crimes, occupation, Donbass, Slavs, Jews, gypsies, racial theory

For citation: Saenko, A.S. (2023), “Nazi crimes against the Soviet population on the territory of the occupied Donbass, 1941–1943”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 2, pp. 271–281, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-271-281

Введение

Изучению и осмыслению событий Второй мировой и Великой Отечественной войн сегодня уделяется большое внимание. За последние годы вышло немало трудов историков, посвященных проблеме нацистских преступлений, направленных против советского народа, представителей национальных меньшинств, проживавших в СССР на оккупированных вермахтом территориях. Но, несмотря на большое внимание и интерес к данной теме, остаются недостаточно изученные страницы этого исторического периода. Поэтому сейчас перед историками стоит важная задача – воспроизвести объективную историю Второй мировой и Великой

Отечественной войн, осветить причины и мотивы преступной политики нацистов, стратегии выживания представителей разных слоев населения, национальностей Советского Союза в 1941–1945 гг. До конца не исследованной темой сегодня остаются преступления нацистов и их пособников в оккупированном Донбассе в 1941–1943 гг. Следственным органам Российской Федерации еще предстоит дать им глубокую, обоснованную правовую оценку, которая базируется на подлинных исторических источниках. Малоизученной темой остается и политика гитлеровцев по отношению к представителям разных национальностей, в первую очередь славянам, евреям и цыганам, подвергшимся наиболее суровым репрессиям со стороны гитлеровцев.

Проблематика геноцида славян, евреев, цыган и других национальностей в годы Великой Отечественной войны находилась в кругу внимания большого количества отечественных исследователей, среди которых И.А. Альтман [Альтман 2002], В.Г. Кикнадзе [Кикнадзе 2023], И.А. Кулаков [Кулаков 2022], А.И. Круглов [Круглов 2000], Ф.И. Полянский [Полянский 2011], О.В. Романько [Романько 2011], А.А. Кохан [Кохан 2019], однако применительно к территории Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областям, в силу специфики этого региона, она получила довольно слабое, поверхностное освещение.

Среди российских и украинских историков тему осуществления расовой теории нацистов на территории Донбасса в 1941–1943 гг. затрагивали И.С. Тарнавский [Тарнавский 2013], А.В. Крапивин [Крапивин 2017], Г. Куромия [Куромия 2002], А.С. Саенко [Саенко 2023а; Саенко 2023б].

Анализ нацистских преступлений на основе расовой теории

В годы Второй мировой войны гитлеровской Германией и ее сателлитами на оккупированных территориях было уничтожено 150–200 тыс. цыган, что позволяет квалифицировать данные преступления как геноцид. С точки зрения нацистской расовой теории цыгане воспринимались как угроза расовой чистоты немцев, несмотря на то что они были выходцами из Индии, как и чистые арийцы, к которым относили себя немцы. Но этот вопрос был быстро решен. Цыган объявили «примитивными арийцами». Утверждалось, что они плод смешения арийцев с низшими расами мира. Это обосновывало их бродяжнический образ жизни и асоциальность. Таким образом, преследование цыган нацистами

было расово мотивированным и представляло собой неотъемлемую часть общей расовой политики гитлеровской Германии. Эти преследования нашли свое отражение и на оккупированной территории Советского Союза, в частности в Донбассе [Коваль 1995].

Славянское население оккупированных Третьим рейхом территорий занимало свое особое место в планах Гитлера. Направленность усилий нацистов на истребление славянского населения подтверждается высказываниями фюрера, а также официальными документами и инструкциями руководства Третьего рейха. Так, 27 ноября 1941 г. в ходе встречи в Берлине в разговоре с вице-премьером правительства и министром иностранных дел Румынии Михаем Антонеску Гитлер сказал: «Моя миссия, если я добьюсь успеха, заключается в том, чтобы уничтожить славянство». В ответ на это Антонеску назвал славянство огромной «биологической проблемой» для Европы. В этой же беседе фюрер указывал на необходимость найти действенные методы для «биологического устранения славян». Известно, что на момент этого разговора гитлеровская политика уничтожения коренного населения России, Белоруссии и Украины последовательно проводилась. В этом процессе были задействованы охранные отряды (СС), полиция и вермахт¹.

Рассмотрение событий, связанных с нацистской оккупацией Донбасса, приобретает особую актуальность в связи с отмечаемым 80-летием освобождения данного региона от немецко-фашистских захватчиков. За время господства гитлеровцев в Сталинской и Ворошиловградской областях² край понес тяжелейшие потери. К моменту освобождения только в Сталинской области пригодными для эксплуатации остались 4,61% предприятий от довоенного уровня, уничтожено 52 машинно-тракторные станции, 1186 колхозов³. Область понесла и демографические потери. От рук нацистов погибли не менее 150 тыс. мирных советских граждан. Еще 250 тыс. было насильно угнано в лагерь смерти и на каторжные работы⁴.

---

¹См.: В России впервые опубликован текст заявления Гитлера об уничтожении славянских народов. ИСТОРИЯ.РФ. URL: <https://histrf.ru/read/articles/v-rossii-vpervye-opublikovan-tekst-zayavleniya-gitlera-ob-unichtozhenii-slavyanskikh-narodov> (дата обращения 10 февраля 2023).

²Сталинская область была оккупирована нацистами с октября 1941 по сентябрь 1943 г., Ворошиловградская – с июля 1942 по февраль 1943 г.

³См.: Очерки истории Донецкой областной партийной организации / [Г.П. Ерхов, М.В. Арамбалык, Л.А. Беспалова и др.]. Донецк: Донбасс, 1978. С. 332.

⁴Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 90. Л. 26.

В Ворошиловградской области нацистами было уничтожено 17 тыс. мирных советских граждан⁵.

Ввиду готовящегося сегодня судебного процесса по признанию геноцида советского народа на Луганщине и Донетчине в рамках федерального проекта «Без срока давности» следственным органам, историкам, поисковикам предстоит провести кропотливую, серьезную работу по изучению архивных материалов, мест захоронений советских граждан, погибших от рук нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны, уточнить количество жертв фашизма.

В марте 2023 г. депутаты Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации единогласно приняли заявление «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в котором обозначена важность проведения таких процессов⁶.

Рассматривая Холокост в Донбассе, важно привести данные, представленные в энциклопедии «Холокост на территории СССР», которые уточняют количество евреев, погибших в интересующем нас регионе с 1941 по 1943 г. В Сталинской области было казнено 15–16 тыс. евреев, что составляет около 11% от общего количества погибших, а в Ворошиловградской области – более 4 000, в 9 районах области – около 24% соответственно⁷.

В период немецко-фашистской оккупации территория Донбасса входила в так называемую Зону военной администрации (ЗВА), подчиненную напрямую германскому военному командованию. В ЗВА оккупационные власти действовали теми же способами, что и на остальных оккупированных территориях Советского Союза. Лиц еврейской национальности обязательно регистрировали, а также обязывали носить опознавательный знак – звезду Давида, чтобы их можно было легче отличить от остального населения. Данное требование было прописано в распоряжениях комендантов

---

⁵См.: «Скачок» кавалеристов: Как был освобожден Луганск 80 лет назад. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230213/osvobozhdenie-1851231618.html> (дата обращения 10 февраля 2023).

⁶См.: Заявление Государственной думы РФ «О геноциде народов Советского Союза Германией и ее пособниками в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/56676> (дата обращения 10 февраля 2023).

⁷Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Науч.-просветительный центр «Холокост»; рук. проекта и гл. ред. И.А. Альтман. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2011. 1141 с.

в таких городах Донбасса, как Макеевка, Енакиево и Краматорск (Сталинская область), а также Алмазом (Ворошиловградская область)⁸.

С целью изоляции евреев для их содержания нацистами были созданы гетто. Как правило, это были отдельные кварталы города, чаще всего его окраина или загородные села. Оттуда они не имели права выходить. В январе 1941 г. городе Енакиево все евреи были переселены в отдельный район города, так называемый Красный город. Немцы называли этот район «границей оседлости»⁹.

Еврейская резервация часто подвергалась облавам и обыскам. По причине голода, плохих условий содержания, большой скученности и отсутствия медицинской помощи в гетто был достаточно высокий уровень смертности.

Имеются и факты нацистских преступлений против славянского населения региона. Так, в поселке Меловая гора близ Краматорска Сталинской области 25 января 1942 г. нацисты уничтожили сотни русских и украинцев. Их приводили группами по 20–30 человек, расстреливали, а затем заставляли оставшихся в живых в поселке женщин закапывать трупы¹⁰. Примером геноцида славянского и еврейского населения служит и лагерь для советских военнопленных, созданный нацистами на территории клуба имени Ленина в Сталино. Там в братских могилах после освобождения города было обнаружено 20 тыс. трупов советских граждан, которые подвергались издевательствам, содержались в ужасных условиях. Из воспоминаний очевидцев известно, что во время мытья в бане евреев мыли железными щетками до крови. По свидетельствам бывшего лагерного дезинсектора В.Т. Морозова, с января 1942 г. до момента освобождения города из лагеря было вывезено до двух тысяч евреев¹¹.

Известно, что нацисты использовали славянских детей, проживающих в Донбассе в качестве биологического сырья. Так, более 600 детей от 6 месяцев до 12 лет, проживавших в оккупированной Макеевке в 1942–1943 гг., были собраны в так называемом приюте «Призрение», где из них выкачивали кровь, которую передавали раненым солдатам вермахта. Нацистскими идеологами, которые

---

⁸Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 2. Д. 21. Л. 113.

⁹Там же. Л. 13.

¹⁰Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

¹¹Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

заботились о чистоте арийской крови, было придумано обоснование использовать славянских детей в качестве доноров – кровь малышей и подростков считалась чистой и подходящей для переливания немцам. В результате нацистами их пособниками в приюте «Призрение» было уничтожено по меньшей мере около 300 славянских детей, трупы которых были зарыты на территории поселка «Соцгородок»¹².

В городе Сталино (Донецк) расправы над славянами, евреями и цыганами начались в декабре 1941 г. В этом городе нацисты сбросили в шурф шахты 4-4бис тела не менее 75 тыс. советских граждан – женщин, стариков, детей (в том числе грудных), военнопленных. Данное преступление является одним из самых массовых на оккупированной нацистами территории Советского Союза, уступая по масштабам только Бабьему Яру. Из архивных документов достоверно известно, что среди жертв, погибших от рук гитлеровцев в шахте 4-4бис, было 25 тыс. евреев¹³. Акты Чрезвычайной государственной комиссии детализируют, что среди всего гражданского населения города Сталино нацистами было убито около 15 тыс. евреев с применением газвагенов (газовые камеры на колесах)¹⁴.

Шахты часто использовались нацистами как места массовых убийств, пыток советских граждан. Так, в июле 1942 г. в Горловском районе Сталинской области было живьем сброшено в шурф шахты 555 евреев из города Енакиево¹⁵.

Похожие события разворачивались и в оккупированном нацистами Артемовске Сталинской области. 7 января 1942 г. в газете «Бахмутский вестник» было опубликовано обращение к евреям города, в котором говорилось, что с целью изолированного размещения все они должны 9 января собраться в помещении бывшего железнодорожного НКВД¹⁶. Таким образом, нацистами были арестованы и расстреляны более 3 тыс. евреев. Вскоре еще 208 лиц еврейской национальности были уничтожены в Амвросиевском районе Сталинской области [Татаринов, Федотов 2013]. Кроме того, из архивных материалов известно о массовых расстрелах на территории карьеров алебастрового завода всех цыган города Артемовска, включая детей и стариков¹⁷.

---

¹² Там же. Д. 7. Л. 44е.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-7021. Д. 527. Л. 12.

¹⁴ ЦГАВО Украины. Ф. 57. Оп. 4. Д. 115. Л. 75.

¹⁵ Там же. Д. 121. Л. 7.

¹⁶ Бахмутский вестник. 1942. 7 янв.

¹⁷ ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 126. Л. 15.

Активное участие в преступлениях против евреев, цыган и славян принимали полицейские органы нацистской Германии. Так, в Константиновке специальными подразделениями службы безопасности (СД) были арестованы и убиты в ноябре 1941 г. около 100 евреев. В январе 1942 г. были расстреляны 26 евреев из Авдеевского района Сталинской области¹⁸. Тогда же уничтожению подверглись более 200 еврейских семей в Краматорске¹⁹, а около с. Красногорка в одном из яров было убито более 600 еврейских семей²⁰. Жуткие события происходили и в Дебальцево, где евреев, загнанных на центральную площадь, раздавили танками [Куромія 2002].

Нацистская расовая политика на оккупированной территории Ворошиловградщины началась осуществляться в 1942 г. 1 сентября этого года евреям Ворошиловграда был объявлен приказ о депортации. На самом деле вместо депортации их вывезли за город и расстреляли. Дети были отравлены смачиванием губ ядовитым веществом. В этот день в городе погибли 3 тыс. евреев²¹. Убийства в городе продолжались и в декабре, когда евреи подвергались расстрелам, отравлениям и умерщвлению газом. Всего же в областном центре было уничтожено 8 тыс. представителей разных национальностей [Куромія 2002].

Политика уничтожения евреев сопровождалась грабежами со стороны гитлеровцев. С пальцев женщин срывали обручальные кольца; заставляли евреев раздеваться, чтобы забрать их одежду, а после – расстреливали. Известно, что в Сталино 7 декабря 1941 г. полевым комендантом был издан приказ, в котором говорилось, что евреи города принимали участие в актах саботажа и грабежа, поэтому с целью наказания они штрафовались в размере 800 тыс. марок. Но нацисты этим не удовлетворились, поэтому начали убивать евреев. Подобное происходило и в Мариуполе, когда оккупанты собрали с жителей еврейских кварталов золото, теплые вещи и продукты питания, а затем арестовали и расстреляли около 3 тыс. человек²².

---

¹⁸ Там же. Ф. Р-5000п. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

²¹ Государственная архивная служба Луганской Народной Республики. Ф. Р-1658. Оп. 1. Д. 154. Л. 158.

²² См.: Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: документы и материалы: В 3 т. Т. 2: Украинская ССР в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны (19 ноября 1942 г. – конец 1943 г.). Киев: Наук. думка, 1985. 514 с.

Заклучение

Таким образом, рассмотренные факты нацистских преступлений в Донбассе в 1941–1943 гг. доказывают, что основными группами населения, подвергшимися системному геноциду по расовому признаку, стали славяне, евреи и цыгане. Уничтожение этих этнических групп было мотивировано идеологами Третьего рейха с целью сохранения чистоты арийской расы. Но несмотря на это, немцы не гнушались кровью славянских детей, используя ее для переливания раненым солдатам вермахта. В осуществлении этой политики активное участие принимали полицейские органы Третьего рейха.

Примеры злодеяний, приведенные выше, демонстрируют, что осуществление нацистской расовой теории должно было привести к порабощению или истреблению славянских народов, абсолютному уничтожению всех евреев в Донбассе, а также затрагивало цыганское население региона. На данный момент весьма трудно установить точное количество жертв нацистского геноцида по расовому признаку в интересующем нас регионе. Истребление евреев, цыган и славян имело массовый, целенаправленный характер.

Литература

- Альтман 2002 – *Альтман И.А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М.: Фонд «Ковчег»: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 543 с.
- Кикнадзе 2023 – *Кикнадзе В.Г.* Как идеи национализма и неофашизма овладевают массами // Гуманитарные науки: Вестник Финансового университета. 2023. № 13 (1). С. 91–97.
- Коваль 1995 – *Коваль М.В.* Україна: 1939–1945: Маловідомі і непрочитані сторінки історії. Київ: Вища школа, 1995. 94 с.
- Кохан 2019 – *Кохан А.А.* Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941–1944 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2019. 393 с.
- Крапивин 2017 – *Крапивин А.В.* Геноцид еврейского населения фашистской Германией на территории Донбасса (1941–1944 гг.) // Вестник Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. 2017. № 1 (123). С. 9–13.
- Круглов 2000 – *Круглов А.И.* Энциклопедия Холокоста: Еврейская энциклопедия Украины / Еврейский совет Украины, Фонд «Память жертв фашизма». Киев: [Б. и.], 2000. 224 с.
- Кулаков 2022 – *Кулаков И.А.* Массовое убийство воспитанников Симферопольского дома-интерната в г. Ейске в 1942 г. как факт геноцида советского народа // Наука. Общество. Оборона. 2022. Т. 10. № 4. С. 36–36.

- Куромія 2002 – *Куромія Г.* Свобода і терор у Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки / [Пер. з англ. Г. Кьорян, В. Агеев]. Київ: Основи, 2002. 510 с.
- Полянський 2011 – *Полянський Ф.І.* Єврейське питання у німецькій окупаційній політиці на Тернопільщині (1941–1944 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2011. Вип. 31. С. 178–182.
- Романько 2011 – *Романько О.В.* Крым под пятой Гитлера: Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М.: Вече, 2011. 157 с.
- Саенко 2023а – *Саенко А.С.* «Гестаповцы повыворачивали руки, щипцами вырывали куски мяса на лице...»: Акты Чрезвычайной государственной комиссии как исторический источник о преступлениях нацистов в оккупированном Донбассе, 1941–1943 гг. // Военно-исторический журнал. 2023. № 10. С. 62–69.
- Саенко 2023б – *Саенко А.С.* Нацистская политика геноцида в оккупированном Донбассе (1941–1943) // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. С. 34.
- Тарнавський 2013 – *Тарнавський І.С.* Окупаційна політика нацистської Німеччини та її союзників в Україні в 1941–1944 рр.: Дис. ... д-ра іст. наук. Донецьк, 2013. 490 с.
- Татаринов, Федотов 2013 – *Татаринов С.Й., Федотов С.А.* Штетл-Бахмут – феномен єврейського народу в Донбассі: Історико-культурологічний збірник. Харків: Слово, 2013. 187 с.

References

- Al'tman, I.A. (2002), *Zhertvy nenasivisti: Kholokost v SSSR 1941–1945 gg.* [Victims of hate. The Holocaust in the USSR, 1941–1945], Fond “Kovcheg”, Kolleksiya “Sovershenno sekretno”, Moscow, Russia.
- Kiknadze, V.G. (2023), “How the ideas of nationalism and neo-fascism take hold of the masses? *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences*, vol. 13, no. 1, pp. 91–97.
- Kokhan, A.A. (2019), *Struktura i funktsionirovanie organov germanskoj propagandy v Krymu: 1941–1944 gg.* [Structure and functioning of the German propaganda organs in the Crimea: 1941–1944], Ph.D. Thesis (History), Saint Petersburg, Russia.
- Koval', M.V. (1995), *Ukraina: 1939–1945: Malovidomi i neprochitani storinki istorii* [Ukraine: 1939–1945. Little-known and unread pages of history], Vishcha shkola, Kyiv, Ukraine.
- Krapivin, A.V. (2017), “Genocide of the Jewish population by Nazi Germany in the Donbass (1941–1944)”, *Vestnik Donbasskoj natsional'noi akademii stroitel'stva i arkhitektury*, vol. 123, no. 1, pp. 9–13.
- Kruglov, A.I. (2000), *Entsiklopediya Kholokosta: Evreiskaya entsiklopediya Ukrainy* [Encyclopedia of the Holocaust: Jewish Encyclopedia of Ukraine], Evreiskii sovet Ukrainy, Fond “Pamyat' zhertv fashizma”, Kyiv, Ukraine.

- Kulakov, I.A. (2022), *Massovoe ubiystvo vospitannikov Simferopol'skogo doma-internata v g. Eiske v 1942 g. kak fakt genotsida sovetskogo naroda* [Mass murder of pupils of the Simferopol boarding school in Yeisk in 1942 as a fact of genocide of the Soviet people], *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, vol. 10, no. 4, pp. 36–36.
- Kuromiya, G. (2002), *Svoboda i teror u Donbasi: Ukrains'ko rosiis'ke prikordonnya, 1870–1990-i roki* [Freedom and terror in Donbass. Ukrainian-Russian border regions, 1870–1990], *Osnovi*, Kyiv, Ukraine.
- Polyanskii, F.I. (2011), “The Jewish question in the German occupation policy in Ternopil oblast (1941–1944)”, in *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету* [Scientific works of the Faculty of History of Zaporizhzhya National University], iss. 31, Запоріжжя, Ukraine, pp. 178–182.
- Roman'ko, O.V. (2011), *Крым под пятой Гитлера: Nemetskaya okkupatsionnaya politika v Krymu (1941–1944)* [Crimea under the heel of Hitler. German occupation policy in Crimea (1941–1944)], *Veche*, Moscow, Russia.
- Saenko, A.S. (2023), “The Gestapo twisted their arms, pulled out pieces of flesh on their faces with tongs...”. Acts of the Extraordinary State Commission as a historical source about Nazi crimes in the occupied Donbass, 1941–1943”, *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 10, pp. 62–69.
- Saenko, A.S. (2023), *Natsistskaya politika genotsida v okkupirovannom Donbasse (1941–1943)* [Nazi policy of genocide in the occupied Donbas (1941–1943)], *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, vol. 11, p. 34.
- Tarnavskii, I.S. (2013), *Okupatsiina politika natsists'koї Nimechchini ta її soyuznikiv v Ukraїni v 1941–1944 rr.* [The occupation policy of Nazi Germany and its allies in Ukraine in 1941–1944], Ph.D. Thesis (History), Donetsk, Ukraine.
- Tatarinov, S.I. and Fedotov, S.A. (2013), *Shtetl-Bakhmut – fenomen evreiskogo naroda v Donbasse: istoriko-kul'turologicheskii sbornik* [ShtetlBakhmut – a phenomenon of the Jewish people in Donbass. Historical and cultural collection], *Slovo*, Kharkiv, Ukraine.

Информация об авторе

Антон С. Саенко, аспирант, Донецкий государственный университет, Донецк, Россия; 283001, Россия, Донецк, ул. Университетская., д. 24; saenko.anton.2015@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7406-5147

Information about the author

Anton S. Saenko, postgraduate student, Donetsk State University, Donetsk, Russia; 24, Universitetskaya St., Donetsk, Russia, 283001; saenko.anton.2015@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7406-5147

Принудительный труд узников финских концентрационных лагерей

Дмитрий А. Елошин

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, dmitry.eloschin@yandex.ru*

Аннотация. Целью данной статьи является изучение организации Военным управлением Восточной Карелии (ВУВК) принудительного труда узников концентрационных лагерей на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. На основе анализа имеющихся источников, такие как протоколы допросов узников концентрационных лагерей, отчеты советской разведки и документов и приказов по концентрационным лагерям Военного управления Восточной Карелии, были рассмотрены различные направления использования принудительного труда для наиболее интенсивного освоения ресурсов оккупированной территории КФССР. Актуальность темы обусловлена созданием при прокуратуре Республики Карелия межведомственной рабочей группы по формированию доказательной базы с целью признания политики Финляндии на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. геноцидом по отношению к не финно-угорскому населению. В связи с чем необходимо рассмотреть отношение Военного управления Восточной Карелии к узникам концентрационных лагерей. Принудительные работы являются одним из самых распространенных сюжетов в воспоминаниях узников. Автор изучил изменение условий организации принудительного труда узников финских концентрационных лагерей.

Ключевые слова: советские военнопленные, оккупация Карелии, трудовые лагеря, концентрационные лагеря

Для цитирования: Елошин Д.А. Принудительный труд узников финских концентрационных лагерей // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 282–292. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-282-292

Forced labor of Finnish concentration camp prisoners

Dmitrii A. Eloschin

*Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
dmitry.eloschin@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the article is to study the organization of forced labor by the Eastern Karelia Military Administration (EKMA) of concentration camp prisoners in the occupied territory of Karelia in 1941–1944. Based on an analysis of available sources, such as protocols of interrogations of concentration camp prisoners, Soviet intelligence reports and reports of the Eastern Karelia Military Administration, various areas of the use of forced labor for the most intensive development of the resources of the occupied territory of the KFSSR were considered. The relevance of the topic is caused by the creation of an interdepartmental working group at the Prosecutor's Office of the Republic of Karelia to form an evidence base in order to recognize the policy of Finland in the occupied territory of Karelia in 1941–1944 genocide against the non-Finno-Ugric population. It implies the necessity to consider the attitude of the Eastern Karelia Military Administration towards prisoners of concentration camps. The forced labor is one of the most common subjects in the memories of prisoners. In memoirs and historiography, the terror policies of the Finnish authorities and slave labor are divided into two separate topics. In this article, the author argues that the policy of terror served as the sole motivating factor for increasing the efficiency of prisoners in the logging industry, both in relation to non-combatants and prisoners of war alike.

Keywords: Soviet prisoners of war, occupation of Karelia, labor camps, concentration camps

For citation: Eloschin, D.A. (2023), "Forced labor of Finnish concentration camps prisoners", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, part 2, pp. 282–292, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-282-292

Введение

Тема организации труда узников концентрационных лагерей в целом достаточно изучена, но авторы не уделяют внимание такой проблеме, как необходимость для Финляндии использовать труд узников концлагерей. Условия оплаты труда населения оккупированной Карелии хорошо изучены в работе С.Г. Веригина. Автор указывает на элементы сегрегационной политики в данной

сфере. Родственные финнам народы получали зарплату примерно в два раза выше, чем славянское население. Узники концлагерей начали получать зарплату только в 1943 г. [Веригин 2009]. В.Н. Барышников [Барышников 2021] в своем исследовании также уделяет внимание в первую очередь национальной политике Финляндии по отношению к гражданскому населению и военнопленным на оккупированной территории СССР. Но автор показывает также и тяжелое экономическое положение Финляндии в области сельского хозяйства, в том числе на оккупированной территории КФССР. Положение узников в концентрационных лагерях детально рассмотрено в статьях Ю.Н. Зеленской [Зеленская 2023] и Е.В. Усачевой [Усачева 2016]. Х. Сеппяля [Сеппяля 1995] в своей монографии предоставляет объемную статистику по освоению природных ресурсов Карелии Финляндией, но автор недостаточно освещает тему принудительных работ советских военнопленных. Ю. Куломаа [Куломаа 2006] рассмотрел создание трудовых лагерей и оплату труда в лагерях. Автор в своей работе использовал документы финских архивов, из-за чего в монографии представлен объемный статистический материал по концентрационным лагерям.

Необходимость Финляндии в рабочей силе

В августе 1941 г. Военное управление Восточной Карелии (ВУВК) и руководство Финляндии не планировало использовать принудительный и неоплачиваемый труд заключенных гражданских концлагерей [Куломаа 2006, с. 146]. Главной задачей концлагерей был сбор лишнего ненационального населения для последующего выселения его с оккупированной территории. Вскоре Финляндия столкнулась с дефицитом трудовых ресурсов, топлива и голодом. В начале 1942 г. Финляндия была обеспечена продовольствием только на 74% [Барышников 2021, с. 241]. Из-за необходимости обеспечения финского населения продовольствием Военное управление Восточной Карелии установило низкие нормы питания для населения Карелии. Карелы и финны получали в день 300 граммов муки. Славянское население получало лишь 200 граммов муки в день [Сеппяля 1995]. Финская экономика не справлялась со снабжением населения топливом и продовольствием из-за дефицита рабочих рук. Летом 1941 г. в составе финской армии находилось примерно 600 000 человек или 17% от населения [Барышников 2021, с. 180]. Дефицит дров

и рабочих рук привел к тому, что в 1942 г. население Финляндии активно участвовало в субботниках по заготовке дров. По данным советской разведки, в 1942 г. в субботниках участвовало 718 000 человек, из которых 250 000 – женщины. Население заготовило 1 250 000 кубометров дров вместо запланированного 1 000 000 кубометров, что являлось $\frac{1}{4}$ от необходимого количества дров для отопления городов¹. В июле 1941 г. на территории Финляндии и на оккупированной территории была введена всеобщая трудовая повинность для лиц от 15 до 60 лет [Веригин 2009, с. 367]. Для освоения природных богатств оккупированной Карелии необходимо было привлечь множество рабочих. Из Финляндии прибывали в Восточную Карелию, как правило, специалисты. В селе Видлица, например, были организованы Военным управлением Восточной Карелии сплавные работы. Для устьевых уборочных работ была запущена сплоточная машина «Нильсон». Оккупантам были нужны рабочие руки на сплавные работы. 9 сентября 1941 г. Военный штаб правления Восточной Карелии написал письмо организации «Лотта-свьярд» об организации поисков 50 добровольцев на работы в Видлицах. Скоро были найдены 50 граждан Финляндии, в основном молодежь, которые приступили к работам 15–20 сентября и должны были проработать до 30–60 дней. Аналогично были организованы переезды 150 финских рабочих на сплав Суургора². Почасовая оплата финских рабочих была высокой. На строительстве – 13,3–14,9 марок в час. На работах по металлообработке – 17,7–20 марок, у каменщика зарплата была примерно 13,3–16,7 марок [Сеппяля 1995]. Необходимость в неквалифицированной рабочей силе удовлетворяли местные жители. Основная тяжесть в удовлетворении спроса на продукцию в работах на лесоповалах падала в первую очередь на узников концентрационных лагерей. Изначально применение принудительного труда узников концлагерей в 1941 г. было незначительным. Всего к концу 1941 г. на территории Восточной Карелии в концентрационных лагерях содержался 22 381 узник, из которых 20 005 были гражданскими и 2376 – военнопленными. Согласно отчету Военного управления Восточной Карелии от 31 декабря 1941 г., на лесозаготовках был задействован 2901 человек, из которых военнопленных было 1563 человека и 194 узника гражданских концлагерей. Местного населения, задействованного на лесозаготовках, было всего 615 женщин, 581 мужчина и 94 ребенка. Финское население, в

¹ Архив УФСБ. Ф. КРО. Д. 12. Т. II. Л. 187.

² НА РК Ф. Р.-805. Оп. 1. Д. 1/1а. Л. 52.

том числе трудовые мигранты из Финляндии, почти не были задействованы – всего на лесозаготовках работали 48 финнов. Результат работы был незначителен. Всего для отправки в Финляндию было подготовлено 1351 бревно, 36 890 кубометров дров, 250 кубометров дров для угля, 3630 шпал для железной дороги и 545 строительных материалов³. Наиболее сложные работы проводились военнопленными. Военное управление установило плату за аренду военнопленного для работ по загрузке и выгрузке в 30 марок за 8-часовой рабочий день и 45 марок для иных работ, из которых военнопленный должен был получать в качестве зарплаты только 2 марки. Рабочий день можно было продлить, но вместе с ним поднималась аренда. Если арендатор снабжал военнопленного жильем, то цена аренды снижалась на 5 марок, и если арендатор снабжал военнопленного продовольствием, то аренда снижалась еще на 20 марок. От оплаты аренды освобождались только производители оборонных работ⁴. Работы были тяжелыми. Норма заготовки дров в лагере рядом с Петсамо составляла 40 кубометров на группу из 10 военнопленных⁵. Для мотивации военнопленных было введено две нормы питания: норма «А» для не работающих, рассчитанная на 2038 калорий, и норма «Б» для работающих военнопленных, рассчитанная на 2538 калорий⁶. На практике питание было гораздо хуже из-за экономии Военного управления Восточной Карелии. Начальник штаба подполковник Г. Снелман постановил, что военнопленных необходимо кормить в том числе и остатками пищи, которая не годится для употребления финскими солдатами⁷. Данное решение было вызвано приказом от ВУВК № 2/41 от 23 ноября 1941 г., который гласил: «Ввиду тяжелого продовольственного положения в стране, подчеркивается, что в меню необходимо соблюдать абсолютную бережливость»⁸. Из-за острого дефицита продовольствия военнопленные получали лишь галеты и воду. Заключенные лагеря № 8062 были вынуждены употреблять в пищу мясо кошек, собак и павших лошадей⁹. Вместо мотивирования военнопленных к ра-

---

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Ф. Р.-792. Оп. 3. Д. 1/11. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. Р.-805. Оп. 1. Д. 1/1а. Л. 186.

⁷ Там же. Л. 48.

⁸ Там же. Л. 184.

⁹ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 830 (3). Л. 97: Докладная записка о существовании лагерей военнопленных в Кондопожском районе Карело-Финской ССР.

боте продуктами питания финские военные принуждали к труду при помощи избиений и террора. В Питкярантском лагере военнопленных в августе 1941 г. трем узникам, которые от истощения не могли работать, публично были нанесены 50 ударов лозовыми прутьями, после чего их закрыли в подвал. На следующий день они скончались. Условия жизни были крайне тяжелыми из-за избиений и голода¹⁰. Большая часть военнопленных была задействована на лесоразработках. Например, узники Коверского лагеря (Олонецкий район) валили лес, собирали смолу и обжигали уголь из пней до 1944 г.¹¹ Лишь небольшая часть – около 30 человек – работала на лесопильном заводе в Соломенном [Веригин 2009, с. 342].

Использование принудительного труда узников гражданских концлагерей

Узники гражданских концлагерей первоначально использовались на внутренних работах. В 1941 г. еще не были созданы рабочие лагеря, рядом с которыми находились лесоразработки. Узники концлагеря № 2 были вынуждены работать с 6:00 до 20:00, занимаясь по приказу охраны перетаскиванием камней и изгородей¹². Так как первоначально Военным управлением не было запланировано длительное существование концлагерей, специалисты из числа узников не были задействованы на профильных для их образования работах. Узница концлагеря № 3 К.М. Субботина, будучи акушером с десятилетним рабочим стажем, была вынуждена носить воду для «Лотта-Свярд»¹³. Узник лагеря в Святнаволоке профессор геологии Г.И. Григоров работал на лесозаготовках¹⁴. Большая часть узников была задействована на лесозаготовках и в сельском хозяйстве. Если в конце 1941 г. было всего задействовано

---

¹⁰ См.: Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов. М., 2020. С. 46.

¹¹ Архив УФСБ по Республики Карелия. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31. Л. 397.

¹² Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 830 (3). Л. 82: Протокол допроса К.И. Богдановича.

¹³ См.: Без срока давности... С. 214.

¹⁴ Научный архив КарНЦ Ран Ф-1. Оп. 37. Д. 818. Л. 4: Оккупация Карелии.

¹⁵ НА РК. Ф. Р.-805. Оп. 1. Д. 1/1а. Л. 5.

1757 узников концлагерей, включая военнопленных¹⁵, то в марте 1942 г. в лесной промышленности работал 5821 узник, из них 1972 женщины и 182 ребенка [Сеппяля 1995]. Производство дров значительно увеличилось. В 1941 г. было заготовлено 42 725 кубометров дров, но из-за большего привлечения узников концлагерей количество производимых дров выросло в 1942 г. до 753 441 кубометра дров. Но в 1943 г. количество заготавливаемых дров снизилось до 637 842 кубометров [Сеппяля 1995]. Заключенные выполняли разные работы. В рабочем лагере Кутижма узники выкорчевывали деревья для рубки дров. Заключенные в рабочем лагере в Орзеге были обязаны рубить в сутки по 3 кубометра дров¹⁶.

Рядом с Петрозаводском было организовано несколько концлагерей для осуществления лесозаготовок. В рабочие лагеря отправлялись этапами узники из Петрозаводских концлагерей [Усачева 2016, с. 123]. Этапы были различными по длительности. Например, узник концлагеря № 2 Борис Францевич Болад был отправлен на работы в лесопункт рядом с деревней Вилга примерно на 15 месяцев¹⁷. В ноябре 1941 г. был организован лагерь в селе Кутижма. Изначально лагерь планировался как место содержания военнопленных, но из-за высокой смертности в лагерь переправлялись узники петрозаводских концлагерей [Зеленская 2023, с. 63]. Всего в лагере было примерно 570 узников, которые были обязаны в день заготавливать по 600 кубометров дров¹⁸. Всего 20 человек было направлено на работы в село Ровское на судовой верфь¹⁹. Кроме лесоразработок часть узников была задействована в сельском хозяйстве и небольших «кустарных» производствах. Узники петрозаводских лагерей занимались сбором урожая в Занонежье²⁰. Работали в сельском хозяйстве и в сборе сена узники лагерей в Колвасозеро²¹ и Киндасово²². Узники концлагеря № 8 в Поселке Ильинское работали на сборе урожая в деревне Тулокса²³. Узники лагеря в Святнаволоке собирали урожай на земле одного

---

¹⁶ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 822. Л. 87: Сочинение моей жизни во время этой войны.

¹⁷ Архив УФСБ по Республики Карелия. ФТДМ-8300. Т. 1. Л. 14.

¹⁸ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 818. Л. 4: Оккупация Карелии.

¹⁹ Архив УФСБ по Республики Карелия. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31. Л. 312.

²⁰ Там же. ФТДМ – 8291. Л. 10.

²¹ Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 42. Д. 552. Л. 30: Воспоминания о жизни в финском концлагере.

²² Там же. Оп. 37. Д. 829. Л. 33: Гагарина В.В.

²³ Архив УФСБ по Республики Карелия. ФТДМ-8300. Т. 1. Л. 25.

из местных коллаборационистов. Дочь коллаборациониста располагала в личном пользовании двумя узницами, которые за ней ухаживали²⁴. Женщины в концлагере № 5, кроме лесоразработок, были задействованы на таких работах, как вязание, плетение корзин и изготовление лаптей²⁵.

Для мотивации лагерное руководство использовало различные наказания. В лагере Киндасово комендант лагеря Тойвонен, чтобы узники лучше работали, избивал их плеткой, находясь верхом на лошади. Как и в лагерях военнопленных, охрана практиковала публичные казни. Сержант Ковала привязал узника Полагина к столбу за то, что он сорвал с лагерного поля две репки. Ковала несколько раз выстрелил мимо, но затем убил его. Также в лагере были расстреляны Осипов, который уснул в поле, а также Васильев и Иванов, которые попытались бежать из лагеря²⁶. Аналогичные расстрелы происходили и в других лагерях²⁷. Кроме побоев и расстрелов узников в наказание помещали в карцер, или, как его называли лагерники, в «будку». Узник концлагеря № 4 В.И. Лузгин так описал карцер: «Комната площадью 10 квадратных метров с железными перелистами, а сидело же нас в ней 13 человек. За четыре дня истопили только один раз печку. В помещении было грязно и холодно. В будке вши и блохи ползали по стенам»²⁸.

Вопрос об оплате труда довольно долго оставался дискуссионным в штабе Военного управления. Приказ № 8 Военного управления Восточной Карелии предлагал организовывать работы таким образом, чтобы большинство населения смогло обеспечить свое существование без выдачи пособий из фонда презрения бедных²⁹. Только в декабре 1941 г. было решено выплачивать узникам зарплату, но не более 9 марок мужчинам и не более 7 марок женщинам. Из зарплаты удерживались 4 марки в качестве платы за паек [Куломаа 2006, с. 146]. Из воспоминаний узников следует, что зарплату за работу они начали получать не ранее чем летом 1942 г. и в размере 3 марок в день³⁰, но труд оставался принудительным на протяже-

---

²⁴ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 42. Д. 347. Л. 1: «Воспоминания о жизни во время оккупации у финнов» и их политике.

²⁵ Там же. Оп. 37. Д. 822. Л. 113: Рассказ Зингачевой Валентины Федоровны.

²⁶ Там же. Д. 829. Л. 33: Гагарина В.В.

²⁷ НА РК. Ф. П.-8. Оп. 1. Д. 1183. Л. 32.

²⁸ Архив КарНЦ РАН. Ф.-1. Оп. 37. Д. 829. Л. 14: Лузгин В.И.

²⁹ Архив УФСБ по Республике Карелия. ФТДМ – 8291. Л. 5.

³⁰ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 822. Л. 42: Лисицын Н.Т.

нии всего существования концентрационных лагерей. 6 сентября 1941 г. начальник штаба подполковник Г. Снельман и интендант майор В. Терихов установили снабжение гражданских узников по нормам военнопленных³¹. Но на практике узники получали лишь незначительные нормы питания из 200 грамм гнилой колбасы и муки³². После появления зарплаты узники смогли покупать продукты питания, но на поддержание полугодичного существования уходила большая часть зарплаты. В 1943 г. появилась возможность покупки таких продуктов, как колбаса за 10–20 марок, мука за 30–40 марок и пряники за 1–2 марки за штуку³³. В марте 1942 г. был введен выходной день, а в мае – 8-часовой рабочий день [Веригин 2009, с. 367], хоть и не всегда зарплата поступала полностью или вовремя³⁴. В 1944 г. финские военные чаще забирали деньги узников в качестве штрафа вместо избиений³⁵.

Финляндия использовала дешевый и доступный труд узников в первую очередь в лесной промышленности. Содержание узников было максимально дешевым. Питание было крайне скудным, а заработная плата мизерная. Несмотря на сложные условия существования, узники, в том числе дети, привлекались к тяжелым принудительным работам. В 1941–1942 гг. улучшение условий труда не было реализовано в концентрационных лагерях. Единственным методом воздействия на узников были побои и публичные казни. Для удовлетворения внутренних потребностей Финляндия активно использовала труд заключенных концлагерей, которые были важным элементом в освоении природных ресурсов оккупированной Карелии.

Благодарности

Исследования, описанные в данной работе, были проведены в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, финансируемой Правительством Республики Карелия по Соглашению № КГРК-23/08.

---

³¹ НА РК. Ф. Р.-805. Оп. 1. Д. 1/1а. Л. 51.

³² Без срока давности... С. 34.

³³ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 822. Л. 42: Лисицын Н.Т.

³⁴ Без срока давности... С. 80.

³⁵ Научный архив КарНЦ РАН. Ф-1. Оп. 37. Д. 822. Л. 124: Рассказ Васи Каничева, д. Шеменицы.

Acknowledgements

The studies described in this work were carried out within the framework of implementation of the R&D support program for students, graduate students and individuals having an academic degree financed by the Government of the Republic of Karelia under Agreement No. KGRK-23/08.

Литература

- Барышников 2021 – *Барышников В.Н.* Маннергейм и Советский Союз. М.: Кучково поле, 2021. 384 с.
- Веригин 2009 – *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны, 1939–1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 541 с.
- Зеленская 2023 – *Зеленская Ю.Н.* Трудовой лагерь для советских граждан в Кутижме в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 62–68.
- Куломаа 2006 – *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: Военно-историческое общество Республики Карелия, 2006. 277 с.
- Сеппяля 1995 – *Сеппяля Х.* Финляндия как оккупант в 1941–1944 гг. URL: <https://www.autistici.org/deti-uzniki/sepp.html> (дата обращения 25 сентября 2023).
- Усачева 2016 – *Усачева Е.В.* Установление финского оккупационного режима на территории Карело-Финской ССР и организация мест принудительного содержания для гражданского населения // Курский военно-исторический сборник. 2016. Вып. 17. С. 121–126.

References

- Baryshnikov, V.N. (2021), *Mannerheim i Sovetskii Soyuz* [Mannerheim and the Soviet Union], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia.
- Kulomaa, Yu. (2006), *Finskaya okkupatsiya Petrozavodsk, 1941–1944* [Finnish occupation of Petrozavodsk, 1941–1944], Voенno-istoricheskoe obshchestvo Respubliki Kareliya, Petrozavodsk, Russia.
- Seppälä, H. (1995), *Finlyandiya kak okkupant v 1941–1944 gg.* [Finland as an occupier in 1941–1944], available at: <https://www.autistici.org/deti-uzniki/sepp.html> (Accessed 25 September 2023).
- Usacheva, E.V. (2016), “Establishment of the Finnish occupation regime on the territory of the Karelo-Finnish SSR and the organization of places of forced detention for the civilian population”, in *Kurskii voенno-istoricheskii sbornik* [Kursk military historical collection], iss. 17, pp. 121–126.

Verigin, S.G. (2009), *Kareliya v gody voennykh ispytaniy: politicheskoe i sotsial'no ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoj Karelii v period Vtoroi mirovoi voiny, 1939–1945 gg.* [Karelia during the years of military trials. The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1945], Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet, Petrozavodsk, Russia.

Zelenskaya, Yu.N. (2023), “Labor camp for Soviet citizens in Kutizhma during the Great Patriotic War”, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 45, no. 1, pp. 62–68.

Информация об авторе

Дмитрий А. Елошин, магистрант, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия; 185910, Россия, Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33; dmitry.eloschin@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-7414-2229

Information about the author

Dmitrii A. Eloshin, master's student, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; 33, Lenin Av., Petrozavodsk, Russia, 185910; dmitry.eloschin@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-7414-2229

УДК 323.1(470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-293-302

Современный подход к изучению национальной политики России

Татьяна Г. Архипова

*Российский государственный университет, Москва, Россия,
archipova-iai@mail.ru*

Аннотация. В рецензии анализируется содержание одной из последних монографий известного советского и российского историка – Н.Ф. Бугая, посвященной состоянию изучения и опыту регулирования этнических процессов в России в один из сложнейших периодов истории – с девяностых годов минувшего века до начала 20-х годов века нынешнего. Автор, подробно проанализировав существующую на сегодняшний день историографию проблемы, в хронологической последовательности рассматривает национальную политику в Российской Федерации, осуществляемую на разных уровнях власти и институтами гражданского общества. Ретроспективная форма подачи информации позволяет понять всю сложность накопившихся к концу 90-х годов проблем, требующих не только оптимального, но и быстрого решения. Монография содержит огромный массив информации не только о жизни коренных народов России, но и представителей других этносов, исторически оказавшихся на ее территории. Особый интерес представляют выводы и предложения автора, касающиеся как собственно государственной национальной политики, так и проблем ее дальнейшего изучения, хотя не со всеми из них можно согласиться.

Ключевые слова: Российская Федерация, принципы государственного устройства, этнические процессы, национальная политика, правовая база, государственные органы, институты гражданского общества

Для цитирования: Архипова Т.Г. Современный подход к изучению национальной политики России // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 293–302. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-293-302

A modern approach to the study of Russian national policy

Tatiana G. Arkhipova

*Russian State University, Moscow, Russia,
archipova-iai@mail.ru*

Abstract. The review analyzes the content of one of the latest monographs by the famous Soviet and Russian historian N.F. Bugai, on the status of study and experience of regulating ethnic processes in Russia during one of the most difficult periods of history – from the nineties of the last century to the early 20s of the present century. The author, having analyzed in detail the historiography of the issue that exists today, considers in chronological order the national policy in the Russian Federation carried out at different levels of the government and institutions of civil society. The retrospective presentation of information allows understanding the complexity of the issues accumulated by the end of the 90s, requiring not only optimal, but also quick solutions. The monograph contains a huge amount of information not only about the life of the indigenous peoples of Russia, but also representatives of other ethnic groups who have historically found themselves on its territory. Of particular interest are the conclusions and suggestions of the author concerning both the actual state national policy and the issues of its further study, although not all of them can be agreed with.

Keywords: Russian Federation, principles of government, ethnic processes, national policy, legal framework, government agencies, civil society institutions

For citation: Arkhipova, T.G. (2023), “A modern approach to the study of Russian national policy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 2, pp. 293–302, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-293-302

Введение

Известный советский и российский историк Н.Ф. Бугай, автор более шестисот публикаций, начавший свой путь в науку с исследований, посвященных чрезвычайным органам государственной власти, не сразу пришел к изучению проблем национальной политики, тем более в масштабах всей страны. Географические и хронологические рамки изысканий автора расширялись постепенно, и вот одна из недавних (хочется надеяться – не последних) его монографий посвящена процессу осуществления национальной

политики в Российской Федерации. Этот фундаментальный труд в значительной степени подводит итоги предшествующих исследований автора на эту тему, число которых приближается к пяти десяткам [Бугай 2022, с. 668–671].

Выбор темы сомнений не вызывает, он предопределен многовековым существованием огромного государства с многонациональным, многоконфессиональным населением, дисперсным расселением этносов, разными экономическими характеристиками регионов. Содержание монографии значительно шире заявленного названия. В ней поднимаются не только национальные, но и политические, экономические, социальные, конфессиональные и иные проблемы. Одной рецензии на столь многоплановую монографию маловато. В данном случае особое внимание будет уделено институциональному аспекту исследования.

Анализ содержания монографии

Предваряя основной текст работы, автор знакомит читателя с собственным видением понятия «государственная национальная политика», подчеркивая его емкость [Бугай 2022, с. 5–6]. Это свое видение автор развивает практически во всех главах монографии.

В соответствии с названием работы более сотни страниц, выделенных в отдельную главу, посвящены анализу историографии темы и состояния источниковой базы самого исследования. Преимущественно проблемный анализ работ не только российских авторов позволил наметить круг малоизученных составляющих национальной политики в изучаемый период; хронологический анализ, как правило, такого эффекта дать не может – ведь он в основном позволяет проследить историографический процесс. Следует отметить, что эта часть работы самоценна, изобилует смелостью суждений, оценку которым даст время – сегодня полярность оценок национальной политики советской и новой России сохраняется, что неоднократно отмечено автором монографии.

Опубликованная и архивная составляющая источниковой базы производит впечатление своей объемомостью. Здесь достаточно сказать, что автор использовал материалы более двадцати фондов семи федеральных и региональных архивов. Он привлекает внимание читателя к материалам многочисленных конференций, круглых столов, симпозиумов, телемостов и иных форумов (общероссийского и регионального характера) по проблемам национальной политики. В свое время их проведение терялось на фоне аналогичных событий, посвященных иным вопросам. Использует

автор и собственные дневниковые записи, материалы обобщающего характера по итогам тех или иных мероприятий, в которых он участвовал лично и как ученый, и как государственный служащий. Последнее обстоятельство позволяет восстановить «кухню» принятия тех или иных решений.

Вторая глава монографии посвящена анализу государственной национальной политики в контексте демократических преобразований в России 90-х годов минувшего века. Именно тогда начался поиск новых форм федеративного государства, который до сих пор не завершен [Бугай 2022, с. 133]. Автор совершенно справедливо отмечает, что действия федерального центра в сложившихся реалиях были поспешными и непоследовательными. Отметим, что иными они тогда быть не могли. Нельзя было игнорировать и избретенный в первые месяцы советской власти этнический принцип построения федеративного государства, который способствовал формированию национальных элит, жаждавших реванша за явные и мнимые притеснения в прошлом со стороны федерального центра. Этничность за время существования в качестве принципа государственного устройства стала политизированной.

Известно, что Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила федеративное устройство государства, но в последующие годы серьезное сопротивление ряду ее положений не исчезло [Бугай 2022, с. 141–143]. Здесь следует отметить, что, говоря об асимметричности РФ как федерации, автор на примере конкретных субъектов анализирует историю их появления, например Ингушской республики [Бугай 2022, с. 146–156]. Разделяя точку зрения тех, кто считает национально-государственный принцип в построении федерации устаревшим, автор монографии предостерегает от торопливости в деле его упразднения [Бугай 2022, с. 157–158]. Наверное, исходя от сложившихся в первые годы советской власти реалий, искать выход следует в оптимизации сочетания в национальной политике этничности и этатичности [Савельев 2015, с. 16]. Однако отрицательная оценка автором монографии роли договорного процесса 90-х гг. [Бугай 2022, с. 169] представляется несколько категоричной¹. А вот вывод о том, что в это время ни в одной из республик «не были устранены трудности экономического развития, не обеспечен достойный уровень жизни населения» [Бугай 2022, с. 175], представляется абсолютно верным, тем более что экономические трудности способствовали дальнейшей политизации межнациональных отношений.

---

¹ Правда, и сам Н.Ф. Бугай на последующих страницах анализирует события, противоречащие этому выводу.

Анализу разработки, принятия и реализации Государственной концепции национальной политики Российской Федерации (15 июня 1996 г.) посвящен специальный параграф 4-й главы. С мнением автора о том, что значимость концепции была «ощутимой» (правда, на последующих страницах он дает ей более высокую оценку [Бугай 2022, с. 202, 217–221]), следует согласиться. В развитие ее положений стала складываться нормативная база национальной политики государства, как на федеральном, так и региональном уровнях. Прав он и в том, что реалии второй половины 90-х годов не могли способствовать реализации всех положений Концепции, да и сама она время от времени корректировалась. И все же в 22 субъектах были составлены региональные программы, а в бюджет около 40 субъектов была внесена специальная строка расходов на меры по национальной политике [Бугай 2022, с. 206]. Своеобразной лабораторией в разработке и совершенствовании методов и подходов в решении межнациональных проблем стала Москва. Итогом ряда апробаций, круглых столов, слушаний и конференций стала подготовка акта «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной В.В. Путиным 19 декабря 2012 г. В целом всесторонне анализируя и высоко оценивая этот акт, автор отмечает его достоинства, недостатки и отличия от Концепции 1996 г. Самым существенным «упущением» этого документа Н.Ф. Бугай считает «отсутствие даже упоминания о русском народе, определения его места и роли в укреплении самой российской государственности на разных этапах истории» [Бугай 2022, с. 225]. Представляется вполне закономерным то, что дискуссиям о «государствообразующей нации русских» автор посвятил целый параграф.

В оценке положения русских граждан, составляющих подавляющее большинство в многонациональном государстве, автор весьма категоричен, считая, что в минувшем веке они были унижены, ущемлены в своих правах, в первую очередь в национальных республиках². Думается, что он, скорее всего, прав. Его вывод о необходимости возвращения русских «в законодательное оформление этнического и правового самосознания» [Бугай 2022, с. 243] кажется вполне справедливым, но в современных реалиях все-таки преждевременным.

В свое время упразднение в 1924 г. Наркомата по делам национальностей, созданного в числе первых наркоматов, объ-

---

²Мысль, свидетельствующая об озабоченности автора положением русских в многонациональной России, периодически встречается на разных страницах монографии.

яснялось тем, что он выполнил свои функции. Да, его роль в создании СССР отрицать нельзя, но другие функции, например, обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен, содействие их материальному и духовному развитию, он в столь короткое время выполнить не мог. Эти функции были распределены между другими органами, а наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти взяла на себя правящая партия, и все вопросы в межнациональной сфере стали решаться в «партийном порядке». Ослабление роли КПСС в годы перестройки обнажило нерешенные до конца проблемы межнациональных отношений, что поставило вопрос о создании специальных органов. Об этом третья глава рецензируемой монографии.

Автор подробно анализирует сложившуюся ситуацию в межнациональных отношениях, в первую очередь в РСФСР, и органы, призванные ее хотя бы улучшить. Как в свое время Наркомнацу РСФСР, хотя открыто это не упоминалось, этим органам вменялось решение проблемы целостности государства [Бугай 2022, с. 289]. Обсуждение государственной концепции национального строительства затягивалось. Идея уравнивания республик и административно-территориальных единиц родилась при обсуждении вопроса о государственности русских. Приводимая автором таблица государственных органов, занятых реализацией национальной политики в 1990–2015 гг. [Бугай 2022, с. 301–305], общим их числом впечатлит кого угодно. Объяснить этот факт исключительно поиском оптимальной модели организации такого института нельзя. Здесь было все: поиск этой самой модели; многообразие функций органов по реализации национальной политики, пересечение их с функциями других органов; полярность оценок российских реалий сменявших друг друга руководителей «реорганизованных» ведомств; воинственные настроения национальных элит, беспокоящихся, в первую очередь, о своем будущем; экономическое положение в стране; миграционные потоки, число которых в это время просто зашкаливало, и т. п. Особое внимание уделяет автор монографии деятельности местных органов власти в деле урегулирования межэтнических отношений в многонациональных регионах, где по совокупности разновременных причин они обострились. В этих регионах под разными названиями создавались соответствующие органы. Особая роль при этом отводилась органам местного самоуправления, анонсируемого Конституцией РФ. Однако, с нашей точки зрения, органы местного самоуправления являются скорее проводниками государственной национальной политики, нежели ее разработчиками. От них может исходить

инициатива в вопросах принятия тех или иных актов, регламентирующих их деятельность в масштабах субъекта федерации, а через последних даже на федеральном уровне. В разных местах текста работы вкраплены информация о той или иной малоизученной по этому вопросу республике или регионе, например Тыве [Бугай 2022, с. 339–341], Калмыкии [Бугай 2022, с. 403–405] и др.

Четвертая глава монографии посвящена деятельности, главным образом, государственных институтов по реализации национальной политики в Российской Федерации. В сфере экономики самой серьезной стала проблема разумного сочетания территориального и национального ее компонента. На федеральном уровне принимались акты, создавались Ассоциации, разрабатывались многочисленные программы развития тех или иных отраслей и регионов (по данным автора монографии, разного рода программ было принято более 150-ти [Бугай 2022, с. 384]), утверждались планы, создавались фонды, но реалии переходного периода к рыночной экономике, различия в уровне развития многочисленных субъектов (к середине 90-х годов из 89 субъектов лишь 9 не нуждались в дотациях, затем последний показатель сократился до 6 [Бугай 2022, с. 384]), социальная напряженность, этнический сепаратизм и национал-патриотизм, межнациональные конфликты и т. п. затрудняли их претворение в жизнь. Н.Ф. Бугай проследил процесс реализации этих мер, начиная с «северов», регионов Дальнего Востока, по всей территории РФ. Особое место в этом случае уделено республикам Северного Кавказа, взрывоопасному региону, с одной стороны, и милого его сердцу – с другой. Многое совершалось путем проб и ошибок, но постепенно положение в этих субъектах улучшалось, что было заслугой не только государственных органов федерального уровня и субъектов, но и местного самоуправления.

Последнюю главу монографии автор посвятил институтам гражданского общества в современной России. Анализ процесса их формирования и деятельности он предваряет констатацией того, что они не новы для России и в разные годы, особенно в годы советской власти, служили не столько обществу, сколько власти [Бугай 2022, с. 531].

Обилие самых разных форм объединений (от национальных конгрессов до клубов) предопределило беглость их анализа. Наряду с объединениями исконно российских народностей анализу подвергнуты, например, польские, корейские. Несколько особняком от них находятся институты российского казачества, возрождение самосознания которого началось в постсоветской России, но которое вряд ли можно отнести к этнической группе.

Принятие в середине 90-х годов ряда нормативных актов (например, законов «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г., «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. и др.), с позиций сегодняшнего дня не совершенных, не столько положило начало созданию национальных институтов гражданского общества, сколько обозначило правовое русло процесса. Этнические общности воспользовались формирующейся правовой базой. Несмотря на известные колебания их численности в разное время, она имела ярко выраженную тенденцию к росту [Бугай 2022, с. 549, 578, 603].

Представленный в монографии анализ подводит читателя к мысли о том, что современные институты гражданского общества, несмотря на то, что являются связующим звеном между органами власти, политическими партиями, движениями и обществом, постепенно уходят от политизированности их предшественников, что представляется весьма важным. Думается, эффективными институты гражданского общества могут стать тогда, когда политические проблемы в их деятельности отойдут на второй план и они сосредоточатся на главном: обеспечение межэтнического общения в многонациональном государстве, сохранение, а где-то и возрождение самобытной культуры, обрядов и традиций, родного языка, препятствуя политическому, религиозному и национальному экстремизму. Горец пусть пляшет лезгинку, украинец – гопак, но на их отношении друг к другу это влиять не должно.

Принадлежность к конкретной национальности – это принадлежность к культуре. Поэтому последний параграф монографии посвящен анализу совместной деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества по вопросам культуры на примере ряда этнических общностей. Культура – субстанция не застывшая, она постоянно подпитывается опытом поколений собственного этноса и тех, с кем он живет рядом. Многовековое соседское проживание породило новую «русскую» культуру, впитавшую в себя русскую, татарскую, украинскую и др., что не обеднило последних.

Заключение, наряду с выводами, содержит в обобщенном виде разбросанные по всему тексту предложения по оптимизации как законодательной базы, так и деятельности этноорганизаций.

Заключение

В целом монография представляет огромный интерес как для научного сообщества, так и для практических работников в сфере регулирования национальной политики в многонациональном

государстве. Автор – патриот России, и его работа имеет большое значение для укрепления чувства патриотизма у молодого поколения.

Как отмечалось выше, впечатляют набор использованных методов, историографическая и источниковая база исследования, дополняемая авторскими впечатлениями и размышлениями и практическими предложениями, хотя с некоторыми из числа последних можно и поспорить. Взять хотя бы предложение по сокращению видов субъектов федерации, сетования по поводу отсутствия русского субъекта, излишне критическое отношение к 90-м годам в деле выстраивания федерации. Но ведь была ликвидирована бессубъектность огромных, населенных русскими территориями страны, в Конституции были закреплены закрытые перечни полномочий федерального центра и его с субъектами федерации, Российское государство путем уступок национальным элитам было сохранено, заложена основа для его укрепления. Как говорится, процесс пошел. Все свое время: останется в прошлом экономическое неравенство субъектов, в том числе и русских, улучшится благосостояние граждан (в богатой России должны быть богаты все, а не только живущие в регионах с развитой экономикой и в крупных городах), сойдет со сцены выпестованная в минувшем веке этноэлита, улучшатся межнациональные отношения, и тогда наступит время кардинальной перемены государственного устройства.

Не со всеми оценками и выводами автора можно согласиться, но поставить ему это в упрек категорически нельзя. Просто не миновал «пафос дистанции», о чем писал В.О. Ключевский, не до конца проявились итоги тех или иных событий. В то же время ушел в прошлое, и будем надеяться навсегда, период, когда выводы и оценки переходили из одного исследования в другое в соавторстве с классиками марксизма-ленинизма.

Не все могут согласиться с определениями автора таких понятий, как государственность, государственная идеология, национальная идея. Историк имеет право на собственное мнение, тем более известный историк, занимающийся проблемой не одно десятилетие. Историю вершат люди, воссоздают ее люди, изучают воссозданное тоже люди. И в каждом случае это разные люди. И если в первом случае история объективна, то в двух других субъективизма (что нельзя путать с искажением и фальсификацией) избежать не удалось никому.

Все вышесказанное ни в коем случае не снижает общего весьма благоприятного впечатления от этой монографии.

Литература

- Бугай 2022 – *Бугай Н.Ф.* Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов (1990-е – 2015 гг.). М.: Аквариус, 2022. 696 с.
- Савельев 2015 – *Савельев В.В.* К вопросу о разработке теории федеративно-национальных отношений // Этносоциум и международная культура. 2015. № 12 (90). С. 11–26.

References

- Bugai, N.F. (2022), *Problemy natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie izucheniya, opyt regulirovaniya etnicheskikh protsessov (1990-e – 2015 gg.)* [Issues of the national policy of the Russian Federation. The state of study, the experience of regulating ethnic processes (1990s – 2015)], Aquarius, Moscow, Russia.
- Saveliev, V.V. (2015), “On the development of the theory of federal-national relations”, *Etnosotsium i mezhdunarodnaya kul'tura*, vol. 90, no. 12, pp. 11–26.

Информация об авторе

Татьяна Г. Архипова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; archipova-iai@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0030-1027

Information about the author

Tatiana G. Arkhipova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State Humanitarian University, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; archipova-iai@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0030-1027

Мифы и ритуалы
романтического периода советской истории:
о монографии Е.В. Барышевой
«“В веселом грохоте, в огнях и звонах”:
советский праздник в социальном конструировании
нового общества»

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail*

Аннотация. В статье анализируется монография Е.В. Барышевой, посвященная наиболее актуальным проблемам современного историописания.

Автор монографии обращается к теории социального проектирования и понятию «социальный концепт», которые позволяют по-новому подойти и переосмыслить глубинные перемены, произошедшие в российском обществе после революции 1917–1922 гг., если взглянуть на них с позиции макропроектирования, направленного на мифологическое преломление в сознании людей социалистической идеи.

Особое внимание привлекают теоретико-методологические основания монографии, которые подробно представлены автором. Е.В. Барышева справедливо подчеркивает, что в последнее время интерес исследователей советского периода истории России сконцентрировался на осмыслении процесса становления советских ритуалов, их символически-визуальном аспекте и влиянии системы праздников и обрядов на формирование «нового человека». Однако процесс восприятия новой идеологии и культурных ценностей не был легким. Е.В. Барышева отмечает, что свидетельства современников говорят о критическом и негативном отношении к советским государственным праздникам, что было вызвано как экономическими трудностями того времени, так и идеологическим неприятием нового строя. Полное единодушие населения с властью не сформировалось. В собранных агентами информационных отделов ОГПУ данных особое внимание обращалось на отношение народа к коммунистам и Сталину, на оценку дореволюционного периода. В разговорах рабочих и крестьян отмечалось недоверие к власти, случаи неприятия демонстраций, обыденность мероприятий праздника, пассивность и усталость людей.

© Иллерицкая Н.В., 2023

Ключевые слова: социальное проектирование, социальное конструирование, советский государственный праздник, «новый человек»

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. Мифы и ритуалы романтического периода советской истории: о монографии Е.В. Барышевой «“В веселом грохоте, в огнях и звонах”»: советский праздник в социальном конструировании нового общества» // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 303–310. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-303-310

Myths and rituals of the romantic period of Soviet history.
About the monograph by E.V. Barysheva
“‘In a cheerful roar, in lights and ringing’.
The Soviet holiday in the social construction
of a new society”

Natalia V. Illeritskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the monograph by E.V. Barysheva, about the most pressing issues of modern historical writing.

The author of the monograph turns to the theory of social design and the notion of “social concept”, which allow taking a new approach to and rethink the profound changes that occurred in Russian society after the revolution of 1917–1922, when looking at them from the perspective of macro-design, aimed at mythological refraction in the consciousness of people of the socialist idea.

Particular attention is drawn to the theoretical and methodological foundations of the monograph, which are presented in detail by the author. E.V. Barysheva rightly emphasizes that recently the interest of researchers of the Soviet period of Russian history has focused on understanding the process of formation of Soviet rituals, their symbolic-visual aspect and the influence of the system of holidays and rituals on the formation of the “new man”. However, the process of accepting the new ideology and cultural values was not easy. E.V. Barysheva notes that the evidence of contemporaries speaks of a critical and negative attitude towards Soviet public holidays, which was caused both by the economic difficulties of the time and by the ideological rejection of the new system. Complete unanimity between the population and the authorities was not formed. In the data collected by agents of the information departments of the OGPU, special attention was paid to the people’s attitude towards the communists and Stalin, and to the assessment of the pre-revolutionary period.

In conversations between workers and peasants, distrust of the authorities, cases of rejection of demonstrations, the routine nature of the holiday events, and the passivity and fatigue of people were noted.

Keywords: social design, social construction, Soviet national holiday, “new man”

For citation: Illeritskaya, N.V. (2023), “Myths and rituals of the romantic period of Soviet history. About the monograph by E.V. Barysheva ‘In a cheerful roar, in lights and ringing’. The Soviet holiday in the social construction of a new society’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, part 2, pp. 303–310, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-303-310

Введение

«В веселом грохоте, в огнях и звонах...» – такое звучное и задорное название монографии Е.В. Барышевой вполне соответствует ментальному ландшафту новой Советской России в изучаемый автором период 1918–1941 гг. Е.В. Барышева чутко улавливает и передает в своем исследовании внутреннюю напряженность и двойственность переживаемого периода, его романтический оптимизм, восторженный утопизм, потребность в мифотворчестве и нежелание считаться со сложными вызовами реальности.

Анализ содержания монографии

В этом контексте становится понятным обращение автора монографии к теории социального проектирования и понятию «социальный концепт», которые позволяют по-новому подойти и переосмыслить глубинные перемены, произошедшие в российском обществе после революции 1917–1922 гг., если взглянуть на них с позиции макропроектирования, направленного на мифологическое преломление в сознании людей социалистической идеи.

Использование проектного подхода к изучению исторических процессов позволило Е.В. Барышевой проанализировать «социалистическое строительство» как опыт проектирования «идеального общества», опирающегося на утопические представления о коммунизме. Особый интерес в этом контексте представляет выяснение границ конструирования для социальных и культурологических объектов и интеллектуальные механизмы, особенно те, которые определяли сознание и мифологию советского человека.

Важно обратить особое внимание на теоретико-методологические основания монографии, которые подробно представлены автором – случай достаточно редкий в трудах современных историков, которые предпочитают заставлять читателей догадываться о применяемых в текстах теоретических подходах. Е.В. Барышева справедливо подчеркивает, что в последнее время интерес исследователей советского периода истории России сконцентрировался на осмыслении процесса становления советских ритуалов, их символически-визуальном аспекте и влиянии системы праздников и обрядов на формирование «нового человека».

Автор опирается на концепцию советской праздничной культуры немецкого историка М. Рольфа, которая предполагает изучение отношений власти и общества в контексте культурного феномена. Важен вывод Рольфа, что создаваемый посредством праздников образ легитимного большевистского государства служил логическим завершением революционного движения [Барышева 2020, с. 9].

Советские государственные праздники являлись частью агитационной работы, поэтому их необходимо было рассматривать в пространстве советского агитационно-массового искусства, таких его форм, как архитектура, кинематограф, изобразительное искусство, садово-парковое искусство. В этой связи представляет интерес идея Х. Гюнтера о том, что иллюзия гармоничного единства в Советском Союзе создавалась эстетическими средствами.

Роль праздников в формировании новой исторической реальности рассматривается как коммуникативное событие, поэтому особую актуальность для анализа тематики монографии Е.В. Барышевой приобретает концепция социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривающих повседневную жизнь как «упорядоченную реальность». Таким образом, праздник можно рассматривать как социальный институт интеграции общества и социального конструирования реальности [Барышева 2020, с. 10].

Однако центральное значение среди коммуникативных подходов для данной монографии, по мнению ее автора, приобретает теория массовой коммуникации, предложенная Г. Лассуэллом, который к основным функциям коммуникации относил контроль за средой, корреляцию всех компонентов общества для его сохранения и развития, передачу социального наследия другим поколениям [Барышева 2020, с. 11].

В рамках исследования праздничной коммуникации как способа социального конструирования новой исторической реальности в теоретическом аспекте актуальными являются и подходы, сформулированные в рамках концепции коллективной исторической

памяти [Барышева 2020, с. 12–17]. Изменения в социуме привели к потере культурных практик мира дореволюционного, а возникновение «пролетарских» практик способствовало образованию новых форм «исторических воспоминаний», которые проявились в организации праздничных ритуалов. Таким образом, советские граждане при помощи общего рассказа о революции должны были идентифицировать себя в новом обществе.

Исследовательские задачи монографии решаются на разнообразной по составу, обширной и сложной источниковой базе. Источники, раскрывающие значение праздничного ритуала для социального конструирования реальности, включают материалы архивные и опубликованные. Большим достижением автора является введение в научный оборот значительного количества неопубликованных источников, впервые анализируемых автором в исследовательских целях. Так, Е.В. Барышева использовала документы фонда Агитпропа ЦК ВКП(б) Российского государственного архива социально-политической истории, фонда Политбюро ЦК ВКП(б) Российского государственного архива новейшей истории, фонда Главного управления по делам художественной литературы и искусства Наркомата просвещения РСФСР, секции массовой художественной работы Российского государственного архива литературы и искусства. Проанализированы личные фонды Вс. Мейерхольда и Ю.К. Олеси, хранящиеся в этом же архиве (ЦГАЛИ). История изменений городской праздничной среды отслежена по архивным материалам фонда Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева. Для понимания отношения к советским праздникам населения автором привлечены донесения ОГПУ из центрального архива ФСБ РФ. Сконструированная таким образом источниковая база, в сочетании с опубликованными источниками, представляется не только репрезентативной, а скорее исчерпывающей для проведения данного исследования.

Теоретико-методологические основания и репрезентативная источниковая база позволили Е.В. Барышевой выстроить логичную структуру монографии для решения поставленной сверхзадачи: рассмотреть советский государственный праздник 1920–1930-х гг. как механизм создания модели новой социальной реальности посредством анализа праздничного оформления городов, демонстраций трудящихся, физкультурных парадов, праздников в парках и их репрезентации в фото- и радиорепортажах.

Автор подчеркивает, что в первые послереволюционные десятилетия параллельно с решением экономических, политических и военных задач власти работали над формированием

новой коллективной памяти, которая должна была легитимизировать большевистскую власть, и социальное конструирование играло в решении этой задачи ключевую роль. Именно поэтому в качестве значимого инструмента социокультурного конструирования нового, ранее невиданного общества, советская власть использовала государственные праздники, которые были призваны вытеснить православное самосознание масс и перформативать историческую идентичность. Так антирелигиозная агитация становилась новым ритуалом и была одной из форм борьбы с инакомыслием.

Е.В. Барышева показывает, как официальный дискурс праздничных мероприятий формировался и контролировался властью, поэтому политические празднества быстро начинают доминировать в повседневной жизни городского населения, превращаясь в политические ритуалы. Годовщины Октябрьской революции стали позиционировать как вехи истории, в ходе которых писалась революционная история Советского государства так, как ее хотела видеть власть. Прошлое призвано было объяснять политическую реальность и формировать у масс «правильный, коммунистический» образ настоящего и будущего.

Со временем революционные праздники стали частью жизни и быта советского человека. Они формировали политическую культуру нового общества, основанную на безальтернативной идее закономерного перерастания революционного прошлого в героическое настоящее и лучезарное коммунистическое будущее. Массовые мероприятия носили сознательно сконструированный возвышенно эмоциональный характер, что способствовало решению информационно-пропагандистских задач, когда мифологемы праздничных действий становились идеями масс.

Революционные праздники были не просто временем отдыха и веселья, они играли мобилизационную роль, конструировали коллективную память, которая формировала «нового» советского человека. Воздействие праздников на сознание их участников усиливалось за счет их художественно-эстетического оформления. В дни торжеств большевистская власть грамотно использовала механизмы социального инжиниринга, т. е. эффект снижения возможностей критического восприятия информации. Вся советская реальность должна была бытовать в сознании масс как праздник.

В процессе коллективного переживания праздника люди испытывали глубочайший эффект сопричастности не только по отношению к конкретным мероприятиям, но и к событиям, которые стали причиной праздника.

Тем не менее процесс восприятия новой идеологии и культурных ценностей не был легким. Е.В. Барышева отмечает, что свидетельства современников говорят о критическом и негативном отношении к советским государственным праздникам. Это было вызвано как экономическими трудностями того времени, так и идеологическим неприятием нового строя. Полное единодушие населения с властью не сформировалось. В собранных агентами информационных отделов ОГПУ данных особое внимание обращалось на отношение народа к коммунистам и Сталину, на оценку дореволюционного периода. В разговорах рабочих и крестьян отмечалось недоверие к власти, случаи неприятия демонстраций, обыденность мероприятий праздника, пассивность и усталость людей. Так автор завершает свою монографию.

Заключение

Эту работу нужно читать, она будет полезна не только членам экспертного сообщества, но и любителям популярной истории. Всем будет интересно проследить, как строгое профессиональное исследование, выполненное на уровне возможностей современного историописания, приводит к обоснованным выводам, обогащая наше представление о сложном и судьбоносном времени российской истории, историзируя его. Такой подход обеспечивает несомненное приращение знания, а только это в современном понимании и является главным критерием научной ценности любого текста.

Литература

Барышева 2020 – *Барышева Е.В.* «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: Советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 192 с.

References

Barusheva, E.V. (2020), “V veselom grokhote, v ognyah i zvonah”: Sovetskii prazdnik v sotsialnom konstruirovanii obshchestva [“In a cheerful roar, in lights and ringing”. Soviet holiday in the social construction of a new society], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-1336-8685

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natalia.v.illeritskaya@gmail.com
ORCID ID: 0009-0005-1336-8685

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 4, часть 2
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 06.02.2024
Выход в свет 13.02.2024
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1907

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru